

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Ослон Михаил Владимирович

АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА ЮРИЯ КРИЖАНИЧА

10.02.20 – «Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание»

Диссертация

на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
д. филол. н., проф., чл.-корр. РАН
Дыбо Владимир Антонович

Москва 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ФОНЕТИКА.....	19
1.1. Фонетическое толкование орфографии.	19
1.2. Согласные.....	20
1.3. Гласные	26
1.4. Слоговые интонации.....	33
1.5. Выводы.....	47
2. ИСТОРИЯ СЛОГОВЫХ ИНТОНАЦИЙ.....	48
2.1. Раннее состояние системы.....	48
2.2. Унаследованные интонации.	50
2.3. Судьба конечных долгот	50
2.4. Вторичные долготы	51
2.5. Сокращённые долготы.....	54
2.6. Новый акут и а.п. <i>b</i>	56
2.7. Закон Крижанича	58
2.8. Относительная хронология.....	74
2.9. Выводы.....	77
3. МОРФОЛОГИЯ.....	78
3.1. Категории и типы.....	78
3.2. Реконструкция форм.....	80
3.3. Набор акцентных типов.....	81
3.4. История акцентных типов	83
3.5. Имя существительное.....	84
3.6. Имя прилагательное.....	97
3.7. Местоимение.....	103
3.8. Имя числительное.....	105
3.9. Именное словообразование	106
3.10. Глагол	140
3.11. Выводы.....	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
БИБЛИОГРАФИЯ.....	168
ПРИЛОЖЕНИЕ	181

ВВЕДЕНИЕ

За полтора века, в течение которых исследователи занимаются языком Юрия Крижанича, имела место значительная эволюция в оценке значимости для славистики деятельности Крижанича и оставленного им языкового материала. Довольно объёмная литература, посвящённая языку Крижанича, касается, в основном, фонологической интерпретации его текстов с целью определения диалектной принадлежности его говора. Сегодня некоторые выводы первых исследователей диалекта Крижанича могут вызывать удивление, но следует иметь в виду, что за время, прошедшее со времени открытия и публикации его текстов, большой прогресс произошёл не только в области собственно «крижаничеведения», но и, главное, в изучении современных чакавских и кайкавских наречий сербохорватского языка, что не могло не сыграть важной роли в уточнении взглядов на место диалекта Крижанича среди них. Однако, несмотря на принципиально новые возможности исследования и диалектологического анализа текстов, до сих пор не была проведена работа, которая бы исчерпывающе описывала такой объёмный и ценный для науки материал, как язык Юрия Крижанича, отражённый в его работах.

Данное исследование содержит реконструкцию фонетики и морфологии языка Юрия Крижанича. Особое внимание в ней уделяется его акцентной системе, описание которой было бы невозможно без чёткого понимания фонетической и морфологической сторон его языка. Эта реконструкция строится на сплошном просмотре материала основных его работ. Мы прибегаем к термину «реконструкция», так как язык, на котором писал Крижанич, является результатом его попытки создания «общеславянского» литературного языка, который, будучи несомненно основан на его родном старохорватском «чакавско-кайкавском» говоре XVII в., впитал в себя многие элементы, заимствованные из других славянских языков (прежде всего, русского). Поэтому необходимо, систематически снимая все эти наслоения, извлечь из материала по возможности полное представление о лёгшем в его основу живом говоре. Речь идёт прежде всего о морфологических искажениях, отразившихся на облике выбранных Крижаничем грамматических форм. Однако при внимательном их анализе можно представить довольно точную синхронную картину тогдашнего положения дел в его говоре и, шире, в современной ему чакавско-кайкавской языковой области. Более того, язык Крижанича имеет исключительную важность для всей праславянской реконструкции (в особенности в том, что касается ударения). Поэтому представляется весьма насущным провести эту работу именно сейчас, когда славянская сравнительно-историческая акцентология достигла уровня, позволяющего более полно, чем когда-либо ранее, понять и использовать данные изучаемого говора.

Актуальность темы заключается в том, что язык Крижанича, давно привлекающий внимание диалектологов и акцентологов, до сих пор не получил полного и детального освещения, а настоящая работа является попыткой максимально точного и систематического его описания. В большинстве исследований на эту тему, опубликованных ранее, рассматрива-

лись лишь отдельные стороны вопроса. Во многих работах, посвящённых какому-либо аспекту языка Крижанича (например, его слоговым интонациям), привлекается крайне ограниченный материал, что чаще всего ведёт к серьёзным упущениям в теоретическом его осмыслении. Более того, многие работы содержат выводы, необоснованно противоречащие выводам других исследователей, причём это бывает напрямую связано с ошибочной трактовкой материала. Например, до сих пор нет общепринятого взгляда на количество (и качество) фонологических тонов, отражённых текстами Крижанича, хотя он сам уделяет акцентологии исключительное внимание. Лишь однозначное понимание данных им объяснений и их проверка на всём материале способна прояснить картину и прийти к выводам, актуальным как для синхронных чакавско-кайкавских исследований, так и для диахронного объяснения до сих пор неясных фактов сербохорватских (и вообще славянских) диалектов. Противоречивость и односторонность имеющихся описаний является серьёзным препятствием для привлечения данных языка Крижанича для славянской языковой реконструкции. Кроме того, в отличие от ранних этапов изучения работ Крижанича, сейчас мы имеем значительно более исчерпывающее представление о современных чакавских и кайкавских диалектах, что даёт возможность соотнести современные языковые явления с данными памятников. Однако самой важной чертой диалекта Крижанича является, несомненно, крайняя архаичность его акцентной системы. Это сыграло важнейшую роль в праславянской акцентологической реконструкции в рамках «морфонологической концепции» московской акцентологической школы. В частности, в работах В.А.Дыбо [Дыбо 1963, 1981, 2000 и др.] данные языка Крижанича широко привлекаются для реконструкции праславянских акцентных типов и правил порождения производных. Пополнение этих данных должно, соответственно, уточнить и реконструкцию. Полное описание акцентных явлений языка Крижанича – давно назревшая фундаментальная задача, которую славянская акцентология поставила перед собой ещё на первых этапах своего формирования в её современном виде.

Предметом настоящего исследования является акцентная система (и – шире – морфология, фонетика и фонология) чакавско-кайкавского диалекта XVII в., отражённого в текстах Юрия Крижанича. Опираясь на этот обширный материал, мы по возможности исчерпывающе восстанавливаем синхронную ситуацию в этом диалекте. Наше описание включает в себя реконструкцию его звукового состава, набора фонетических и фонологических супрасегментных единиц, законов их преобразования в синтагме, морфологии имени и глагола, всех акцентных кривых (парадигм) в словоизменении, а также системы акцентных типов производных. Всё это соотносится с имеющимися представлениями об эволюции славянских языков и вписывается в общую праславянскую реконструкцию.

Объектом исследования является корпус текстов Юрия Крижанича, состоящих из трёх главных его работ: «Граматычно изказанје», «Објаснење виводно» и «Политика». Эти тексты подвергаются сплошной росписи, что позволяет воспользоваться максимальным количеством данных, не упуская из виду того, чего могли не заметить предыдущие исследова-

тели. Создан полный компьютерный конкорданс, при помощи которого из текстов извлекаются все представленные в них формы.

Рабочая гипотеза состоит, во-первых, в предположении, что тексты Юрия Крижанича в большой степени отражают живой язык его времени, а не являются искусственным построением, бессистемно вобравшим в себя разнородные элементы (как думали первые исследователи его языка), а во-вторых, в представлении об исторической преемственности явлений его языка по отношению к праязыковому состоянию. Опираясь на эти положения, мы рассматриваем описываемый нами язык, отражённый в письменных памятниках, как целостную систему, которой свойственны все черты, характерные для живого языка. Иными словами, наше описание должно подтвердить правомерность именно такого систематического взгляда на имеющийся материал. Если такой взгляд оправдается, очевидным образом подтвердится и ценность изучаемых памятников для славянского языкознания.

Цель исследования состоит в полной реконструкции синхронной системы языка Крижанича (прежде всего, в области фонетики, просодии и морфологии) и соотнесения её с праславянской реконструкцией. В связи с этим мы ставим перед собой следующие **задачи**:

1) создать полный конкорданс (роспись) корпуса изучаемых текстов, систематизировать представленные в нём данные и получить возможность работать с текстами Крижанича как с индексированной базой данных, что принципиально меняет метод работы с материалом; опираясь на этот корпус, осуществить сплошной просмотр материала;

2) построить синхронную реконструкцию грамматики языка Крижанича, рассматривая его как живой язык, с тем, чтобы в дальнейшем можно было делать различные теоретические выводы, исключая недоразумения и упущения по недосмотру в связи с недостатком данных и неверным их чтением;

3) исходя из полученного синхронного языкового среза, попытаться вписать её в историческую славянскую реконструкцию в целях проверки и уточнения последней.

Методологические основы работы восходят к принципам синхронного описания славянских языков (общим представлениям о славянской грамматике) и грамматики (фонетики, морфологии) вообще. Примером и образцом полного морфологического описания языка может служить «Грамматический словарь русского языка» А.А.Зализняка, в котором максимально исчерпывающе освещается вся система словоизменения и даются простые и однозначные механизмы порождения любой словоформы. Только такое полное синхронное описание даёт возможность работать с языковым материалом, не рискуя упустить или неверно истолковать данные. Кроме того, в настоящей работе используется разработанный В.А.Дыбо метод морфологического анализа словообразования. Так, описывая правила порождения производных, мы в общих чертах опираемся на принципы, использованные им в изложении его праславянской реконструкции [Дыбо 2000]. Это означает, что при описании словообразования и акцентного поведения производных единиц рассмотрения является не слово, а морфема, причём именно отдельным морфемам приписываются базовые акцентные характеристики (признаки), целиком определяющие поведение состоящих из них лексических еди-

ниц. Только такой подход представляется уместным для описания парадигматической акцентной системы, каковой является система ударения в говоре Крижанича.

Научная новизна работы вытекает из того, что впервые предлагается подробное описание чакавско-кайкавского диалекта Юрия Крижанича. Все предыдущие описания были крайне фрагментарны и не могли служить для формирования в той или иной степени объективного представления о нём. Так, на основании сплошного просмотра мы приходим к важным выводам относительно системы слоговых интонаций и действия т.н. закона Крижанича в его говоре. Кроме того, насколько нам известно, до сих пор не было полных синхронных грамматических описаний каких-либо сербохорватских диалектов, отражённых в старых памятниках. В нашем случае принципиально новым является ещё и то, что в ходе работы мы использовали автоматизированный конкорданс (на основе разработанной нами программы «Verba»), без которого было бы значительно труднее в сколько-нибудь обозримый срок обработать довольно обширный материал. Это, в частности, позволяет избежать множества ошибок при прочтении материала. Например, если некоторая единица встречается в текстах более одного раза, исследователь, работающий с традиционной росписью, рискует упустить из виду все её варианты, не учесть возможных ошибок в текстах и в результате использовать неверные данные и, следовательно, прийти к неверным заключениям. Работа с компьютерным конкордансом освобождает от трудностей такого рода. Немаловажно, что программа «Verba» может применяться и для описания других языков, так что это универсальный инструмент, могущий помочь многим будущим исследователям.

Теоретическая значимость работы связана с тем, что в ней проясняется ряд важных для славянской акцентологии моментов. В частности, делающиеся в ней выводы о количестве и качестве просодических единиц в говоре Крижанича, позволяют пересмотреть некоторые общепринятые положения об эволюции краткостных интонаций в предке сербохорватского и словенского языков. Кроме того, в работе анализируется действие т.н. закона Крижанича в его говоре и показывается, что этот закон не следует относить к слишком раннему периоду (тем самым подвергается сомнению теория «правостороннего дрейфа» праславянского ударения. Этот и другие выводы призваны внести вклад как в синхронную южнославянскую диалектологию, так и в теорию праславянской акцентологической реконструкции.

Практическое применение результатов работы: полученные результаты могут быть использованы в диалектологических экспедициях, а также в описаниях современных и древних славянских диалектов.

Апробация работы: результаты исследования были представлены в виде докладов на заседаниях Центра компаративистики РГГУ, на Международном конгрессе акцентологов в Шайббсе (Австрия) «IWOBA IV» в июле 2008 г. По теме диссертации опубликованы следующие статьи: (1) Закон Крижанича в языке Ю.Крижанича // Славяноведение №6. Москва 2008, с. 76–96 (1,3 п.л.); (2) Фонетика и просодия диалекта Юрия Крижанича, Тула, изд. «Папирус», 2008, 64 с. (3 п.л.).

Структура работы. Текст диссертации состоит из введения, трёх глав («Фонетика», «История слоговых интонаций», «Морфология»), заключения и библиографии. В приложении даётся краткое описание программного обеспечения, с помощью которого была сделана роспись (конкорданс) материала.

Обзор литературы

В эволюции восприятия Крижанича и его значения для науки выделяются два момента. Во-первых, это оценка языковедческих идей Крижанича, т.е. его научного вклада в языкознание. Во-вторых, это осознание ценности материалов, содержащихся в его текстах, для изучения истории славянских языков.

Что касается первого момента, то, создаётся впечатление, что ученые, писавшие о Крижаниче, в течение долгого времени воспринимали его труды «буквально», пытались сравнивать его идеи с современным им уровнем лингвистической науки. Они не могли не заметить, что во многих случаях идеи Крижанича выглядят «устаревшими», «наивными», «произвольными»: языкознание всё-таки успело продвинуться вперёд за два с лишним века. При таком подходе они сами не могли избежать ряда важных ошибок: ведь современное им знание материала, лежащего в основе грамматических описаний Крижанича, было крайне ограничено и во многом уступало знаниям самого Крижанича. Поэтому, если исследователям начала XX века бросались в глаза «ошибки» Крижанича, то оценить того, что относилось к явлениям, им самим неизвестным, они просто не могли.

Крижанич привлёк внимание историков и лингвистов после публикации «Грамматического искажения» в 1859 г., где издатель О. Бодянский назвал Крижанича «отцом славянской сравнительной филологии». Последующие отзывы о его научных достижениях были значительно менее восторженны (Даничич, Ягич, см. ниже). Вклад Крижанича в науку оценивался, как правило, весьма скептически. В его языке усматривали произвольную искусственную смесь разнородных славянских элементов, а научные рассуждения считали не представляющими никакого интереса. Это мнение держалось на удивление долго. Мнение языковедов естественно передавалось историкам, специально не занимавшимся языком. Так, Н.Шкеревич в книге «Ђуро Крижанић. Његов живот, рад и идеје» (1936) выражает позицию, иллюстрирующую, как далеко мог зайти этот скепсис: «Ипак „Објасненје виводно” не представља, ни за Крижанићево врејеме, никакво научно дјело, како су то покушавали да утврде многи руски научници који дају Крижанићу ласкав назив „оца компаративне словенске граматике”», «...Крижанић савршено самовольно комбинује и предлаже начин писања...», «Крижанић није познавао како треба ниједан словенски језик сем свога рођеног» и т.д. Понятно, впрочем, что состояние тогдашней науки (в частности, акцентологии) в большой степени объясняет это отношение.

Однако нас здесь интересует прежде всего второй момент – оценка исследователями языкового материала, представленного в текстах Крижанича. С этим оказалось связано еще больше трудностей. Так, тексты Крижанича начали всерьёз привлекаться к сравнительно-историческим исследованиям только во второй половине XX века.

Рассмотрим работы, посвященные языку Крижанича, в хронологическом порядке, что позволит нам проследить эволюцию отношения ученых к материалам Крижанича, постепенное осознание «подлинности» этих материалов и все более и более глубокое понимание отражённых в них языковых явлений.

Первый анализ языка Крижанича содержится в статье Дж. Даничича «Gramatika Gjurjga Križanica» (1871). Даничич сомневается в том, что ударения, обозначенные Крижаничем, отражают реальный язык. В частности, его смущает склонность Крижанича опускать знак ударения в словах типа *вода*. Даничич пишет, что вряд ли могут быть слова без ударений и приходит к нелестному для Крижанича выводу что «*tu je fantazija jača od razuma*».

В своей рецензии на труд П.А. Безсонова, озаглавленной «*Ocjena životopisa Križanićeve koji pisa P. Bezsonov*» (1872) В.Ягич по большому счету идет по стопам Даничича и отзывается скептически о грамматических трудах Крижанича, утверждая, в частности, что они представляют значительно меньший интерес, чем, например, его теологические труды, так как его грамматика «*je osnovana na posve krivih premisah, kao da se smije jezik samovoljno graditi, preređivati itd*». Таким образом, и в языке Крижанича Ягич не увидел ничего заслуживающего внимания.

В отличие от Даничича и Ягича, А.А. Шахматов в статье «Крижанич о сербско-хорватском ударении» (1894–1895) высказывается в пользу подлинных основ языка Крижанича: «выдуманного в этом языке ничего нет, искусственных форм или слов мы в нём не находим» и далее: «каждое звуковое явление в его языке, каждая грамматическая форма отражает живую форму или действительно существовавшее явление в языке хорватском или русском». То же, по мнению Шахматова, касается и ударений Крижанича. Таким образом, Шахматов развеял миф об искусственном характере языка Крижанича, но не пошел дальше в смысле более детального его анализа.

А. Белич рассмотрел ударения Крижанича в книге «Акценатске студије» (1914). В своих суждениях он, в основном, следует Шахматову, но также высказывает более конкретное мнение, что говор Крижанича «по својим основним акценатским особинама представља штокавски говор старијег типа, и то, у главном, онако као зетски говор или косовско-ресавски или данас познати нам говори босански» [Белич 1914: 23]. Таким образом, Белич определил, что говор Крижанича имеет «старую акцентуацию», т.е. отражает состояние до новоштокавской оттяжки. По-видимому, недостаточная изученность чакавских и кайкавских говоров не позволила ему сделать более точных выводов.

В. Ягич в своем фундаментальном труде «*Život i rad Jurja Križanića*» (1917) выражает несколько более благосклонное отношение к его грамматике и языку, чем в своей первой ра-

боте. Тем не менее, особого внимания языковой стороне деятельности Крижанича Ягич не уделил и в целом остался верен своему прежнему убеждению в бесполезности его работ для языкознания.

Далее следуют несколько десятилетий молчания, в течение которых исследователи почти не интересовались языком Крижанича. Новая волна интереса к нему возникла только во второй половине XX века, когда сравнительное славянское языкознание и диалектология набрали достаточно данных для более глубокого понимания материала, данного Крижаничем, и его важности, в частности, для современной сербохорватской диалектологии.

М. Храсте в статье «Prinosi poznavanju hrvatskosrpskog jezika J. Križanića» (1963) кратко описывает нынешний говор родных мест Крижанича (в районе Рибника): «То је подручје прије провале Турака било svakako čakavsko, iako na periferiji toga dijalekta. Danas je ono u svojoj osnovi također čakavsko s više kajkavskih osobina...» Приводимые автором данные о современных говорах этого района должны, по мнению автора, послужить лучшему пониманию языка Крижанича. Храсте даёт и краткий обзор языковых черт, извлечённых из текстов Крижанича. Не стремясь к их полному анализу, он сравнивает лишь несколько из них с положением в современных говорах: некоторые падежные окончания, отсутствие чередования в местном падеже, протеза *v-* перед начальным *i-* (отнесённая ещё Ягичем к кайкавскому влиянию). Все они хорошо согласуются с соответствующими явлениями в современных говорах. Автор пишет, что как с точки зрения диалектной принадлежности, так и в смысле акцентуации говор Крижанича (равно как и современные говоры) являются смесью разных черт (вопреки утверждениям Крижанича), что кайкавское влияние в них ощутимо. По поводу ударения Крижанича Храсте пишет: «I u akcentu Križanić nema ispravnog stava. [...] Bilo je onda kao i danas čakavskih krajeva koji su imali stariju akcentuaciju pravilniju i bolju od njegove i po tome bližu izvornom ruskom jeziku [тут Храсте косвенно следует рассуждению Крижанича о первоуродности «русского» языка], samo on to nije znao jer se u to na drugom terenu nije upuštao niti ga je to drugdje posebno interesiralo». Это утверждение позже оспаривается Тежаком [Тежак 1996, см. ниже] и впоследствии мало кому представляется обоснованным. Несмотря на зарисовочный характер статьи Храсте, следует сказать, что в ней впервые поднимается проблематика диалектной принадлежности говора Крижанича и его связи с современными хорватскими говорами.

На VI Международном съезде славистов (Прага, 1968) В.А. Дыбо была предложена акцентологическая реконструкция праславянского имени (непроизводного и производного): «Акцентология и словообразования в славянском». В.А. Дыбо построил свою реконструкцию, в частности, на основании показаний старых рукописей из различных славянских регионов. Не последнее место в его материале занимали данные, извлеченные из трудов Крижанича. Широкое привлечение показаний Крижанича позволило существенно уточнить праславянскую реконструкцию в целом и распределение именных акцентных типов в частности. Показания Крижанича оказались весьма ценными для реконструкции праславянских акцент-

ных типов. В последствии они не раз привлекались В.А. Дыбо в более поздних работах (см. ниже).

В книге «*Osnovi akcentologije srpskohrvatskog jezika*» (1971) А. Пецо посвятил несколько страниц акцентной системе Крижанича. Основное внимание здесь уделяется сравнению различных ударений Крижанича с ударениями в соответствующих словах в литературном (новоштокавском) языке. Это сравнение, не приведшее автора к каким-либо новым выводам, по не вполне понятной причине заставляет его согласиться со мнением Белича, высказанным ещё в 1914 г., что это была «*štokavska akcentuacija koja je porpimila odlike najprogresivnijih štokavskih govora*». Эта идея, оспариваемая более поздними исследователями (Могуш, Хамм), видимо, основана на непонимании фонологических явлений, отраженных акцентными знаками, введенными Крижаничем. В частности, Пецо не удается усмотреть в «долгом» ударении Крижанича (как в примерах Пецо *rūka, jednāko*) старой долготы, позднее понятой как предударная долгота в говорах со «старой акцентуацией». Позиция Пецо представляет собой шаг назад, т.к. исключает из рассмотрения современные чакавские (чакавско-кайкавские, кайкавские) говоры.

В 1974 г. вышла книга «*Život i djelo Jurja Križanića*», в которой М. Могуш в статье «*Križanićeve naglasci*» и Й. Хамм в статье «*Prosodijski sistem Križanićeve govora*» по сути впервые сделали попытку описания и анализа просодической системы Крижанича на современном научном уровне (увы, не без досадных недоразумений).

В своей статье М. Могуш перечисляет все акцентные знаки Крижанича и объясняет их фонологическое значение, делая весьма спорные выводы (см. примечание 38 в настоящей работе). По Могушу диалект Крижанича имел два фонологических тона. Несмотря на значительные ошибки в интерпретации материала и неубедительное положение о двойном назначении «долгого» (т.е. что он может ставиться на месте «высокого»), вывод об обозначении «долгим» предударных долгот представляет собой шаг вперед, т.к. позволяет наконец отделаться от господствовавшего ранее мнения и отказаться от попыток его отождествления с какими-то новоштокавскими ударениями (ср. Пецо 1971). Еще один вывод Могуша относится к кайкавскому влиянию, наблюдаемому в говоре Крижанича. Опираясь на слова С. Ившича, что «...je metatonijski ~ акcenat u kajkavskom dijalektu kud i kamo običniji nego u štokavskom i čakavskom», он приводит слова *nūzda, prīdnji, zādñji, vīšñji, ptīčij, kōzji, krāvji*, которые «jasno pokazuju da je riječ o kajkavskoj metatoniji». К сожалению, и здесь автор не во всём точен. Дело в том, что его вывод основан лишь на сравнении с литературным новоштокавским. Если в литературном прилагательное *prēdnji* соотносится с предлогом *prēd* (без рефлекса ятя) и показывает краткое и неподвижное ударение (как и *zādñji*), то в говоре Крижанича, видимо, имеются остатки существительных *прїд* и *зād* (ср. *въ прїд, въ зād*) и его примеры *прїдњи, прēдњи* (с ятем!), *зādњи*, видимо, просто морфологически несопоставимы с новоштокавскими (хотя ср. долготу в литературных *nāprijed, nāzād*, но и *nāzad* без долготы). Возможно, то же верно и относительно примера *vīšñji*. Таким образом, лишь в примерах *ptīčij, kōzji, krāvji* может надёжно усматриваться «метатония» и они, вероятно, могут быть отнесены к

кайкавизмам. Слово *nûžda* – заимствование (а в штокавском оно выступает с кратким ударением).

Выводы Й. Хамма («Prosodijski sistem Križanićeva govora» в той же книге) в основном совпадают с выводами М. Могуша в том смысле, что они призваны опровергнуть более ранние взгляды. Хамм анализирует рассуждения предшественников (Даничича, Шахматова и др.) и показывает их ошибочность, причина которой крылась в недостаточном знании чакавского материала и в неправомерности сравнения говора Крижанича с новоштокавским. Правда, совершенно неясно, откуда следует фонетическая интерпретация «высокого» и «долгого» знаков, диаметрально противоположная толкованию Могуша. Реконструируя таким образом просодический облик говора Крижанича, Хамм сравнивает его с различными хорватскими переселенческими говорами (в т.ч. говор Градишча и др.), в которых он ищет сходные черты.

В статье А. Пецо «Крижанићеви погледи на српскохрватски језик и његове дијалекте» (1981) дается «более широкая трактовка грамматических трудов Юрия Крижанича с особым взглядом на его отношение к сербскохорватскому языку и его диалектам» (резюме). Предвосхищая свои выводы, автор пишет, что «као што ће се на основу његових примјера моћи закључити, ни тада, као ни данас, а ни иначе, није било чврстих граница између појединих наших дијалеката. У Крижанићевој писаној ријећи јављају се и особине које су типично штокавске, а има и типично кайкавских». Далее автор подробно излагает соображения касательно чтения букв у Крижанича (например ‘щ’), сходств и различий, описываемых Крижаничем, между «хорватским» и «сербским» (т.е. штокавским) ударением, а также между морфологическими чертами «хорватской» и «сербской» и «русской» отмин. Признавая, что в письменном языке Крижанича немало черт, несвойственных его родному чакавскому говору, автор приводит 63 черты, свойственных его родному говору, не подвергшихся искажению (многие из них являются характерными и для штокавского). По поводу отражения ятя Пецо пишет, что, в отличие от чакавских говоров, где его рефлекс подчиняется правилу Мейер-Якубинского, у Крижанича «је то тешко подвести под наведено правило», т.к. встречаются примеры *виру, где-гди, мисту, тило, стина, бида* и др., ему противоречащие. Кроме того, Пецо приходит к выводу, что язык Крижанича, отразившийся в его примерах, специально оговоренных как хорватские, и на основании замечаний Крижанича о некоторых «кметских» (но все-таки хорватских) формах характеризуется не только (географической) диалектной принадлежностью, но и представляет собой пример «говора феудалаца XVII вијека¹», т.е. характеризуется еще и социальной принадлежностью. О просодии Крижанича в этой статье Пецо почти ничего не пишет.

Можно сказать, что основные представления о фонетике (фонологии) ударений Крижанича к этому времени (80-е годы) сформировались. Все последующие работы, касавшиеся просодической системы Крижанича, либо повторяют высказанные прежде идеи, либо вносят

¹ С опечаткой: напечатано «XVIII».

в них несущественные поправки (зачастую небесспорные). В плане просодического анализа говора Крижанича внимание югославских учёных было сосредоточено в основном на фонетическом толковании его просодических знаков. Результаты сводились к отождествлению его системы с системами каких-то чакавских или чакавско-кайкавских говоров (т.е. чакавских говоров, в той или иной степени подвергшихся кайкавскому влиянию). Споры касались конкретных просодических контуров, но совершенно не затрагивали морфологического аспекта, который упускался из виду в пользу порой гадательных поисков фонетических «сущностей», стоящих за долгими, краткими, восходящими и т.д. ударениями.

Здесь наблюдается некоторая заикленность на «расшифровке» графического отражения мёртвого устного (или даже чисто письменного) языка с целью отнесения его к какому-либо современному диалектному типу. Метод исследования, к которому до сих пор прибегали (и прибегают по сей день) диалектологи, можно описать следующим образом. Берется набор наиболее тривиальных форм у Крижанича и сравнивается с соответствующими формами из каких-то современных диалектов; при их совпадении говорится о тождественности языкового материала, а если наблюдаются различия, то делается попытка объяснить их разными передвижками («метатония», «метатакса» и т.п.). При этом привлекаются как правило непроемные слова в словарных формах (именительный падеж, инфинитив) и не предпринимается никаких попыток взглянуть на словообразование или словоизменение². Иными словами, проводится анализ, который неизбежно приводит к одному из двух результатов: отождествление говора Крижанича с каким-либо современным говором или отклонение такого отождествления. Иногда такие выводы делаются на основании «прачакавской реконструкции», в которую вписывается или не вписывается говор Крижанича. Надо ли говорить, что неясно, о какой прачакавской реконструкции идет речь?

Между тем ещё в 1968 году В.А. Дыбо привлёк материал Крижанича для праславянской реконструкции, что должно было послужить стимулом для более глубокого подхода к этому материалу. Так, например, споры о фонетической реализации «долгого влака» могли бы войти в новую фазу, если бы исследователи заметили, что в статье «Акцентология и словообразования в славянском» В.А. Дыбо приводит, например, слово *дрѣвце* наряду с *дрѣвцѣ* и *drevcě* («Политика»), сравнивая его с рус. *дерево* и реконструируя конечнударное праслав. **dervьcě*. Данные формы Крижанича приводятся как явно (фонологически) конечнударные. Это, в общем, очевидно, если их сравнивать с соответствующими формами из других славянских языков, т.е. при взгляде на них с «общеславянской» точки зрения.

В.А. Дыбо прежде всего интересовало распределение слов по акцентным типам. Это, естественно, ни в коей мере не лишало актуальности проблему фонетических толкований, но вводило еще один важный элемент в анализ языкового материала. Можно себе представить, что если бы сербохорватские диалектологи углубились в анализ акцентных (и вообще словообразовательных) типов в диалектах, то решение интересовавшей их проблемы диалектной

² Ограниченный морфологический материал привел В.Борысь, см. ниже.

принадлежности говора Крижанича было бы значительно облегчено (как и фонетическая интерпретация знаков Крижанича). Однако такому морфо(но)логическому взгляду на проблематику не суждено было снискать одобрения у большинства исследователей. К сожалению, и последующие работы продолжали сравнивать друг с другом лишь отдельные ударения в отдельных словах.

В 1981 году вышла книга В.А. Дыбо «Славянская акцентология», в которой была дана полная реконструкция праславянской акцентной системы (теперь и глаголов). Данные Крижанича были привлечены для реконструкции всех частей системы. Показано, что в большом количестве случаев словообразование в говоре Крижанича предстает в значительно более архаичном виде, чем в большинстве других славянских диалектов (современных или отраженных в старых рукописях), например, строгое совпадение распределения прилагательных на *-*ьk-* с западнославянским отражением корневых долгот, распределение акцентных типов в глаголах с основами на гласные (подвергшееся большим обобщениям на большей части славянской территории).

В статье «О некоторых акцентологических изоглоссах словенско-кайкавско языковой области» (1982) В.А. Дыбо снова привлекает данные из текстов Крижанича, в частности, для иллюстрации действия так называемого «закона Крижанича» в говоре Крижанича и в словенском языке. Показывается, что передвижки ударения на долгий слог в некоторых морфологических категориях отражают архаические позднепраславянские явления.

В. Борысь в своей статье «Juraj Križanić i język chorwacki» (1983) даёт довольно подробный анализ замечаний Крижанича относительно различных «славянских отмин» (языков, диалектов). Например, Борысь делает интересное наблюдение, что Крижанич нигде прямо не упоминает словенцев: «Nie wspomina Križanić języka słowieńskiego, zaliczając go może do dialektu chorwackiego» и, возможно, именно их называет «Krańinski Chervati», приводя (и критикуя) несколько свойственных им форм (похожих на словенские). Впрочем, продолжает Борысь, это название может относиться и к жителям Войной Краины. Автор перечисляет различные языковые черты, наблюдаемые в текстах Крижанича, с одной стороны, общие чакавскому и штокавскому наречиям, а с другой, противопоставляющие эти наречия друг другу. Здесь в основном повторяются наблюдения, сделанные ранее другими исследователями. Из анализа данных делается вывод, что Крижанич был хорошо знаком с разными сербохорватскими диалектами. Интересно и наблюдение Борыся, что многие из «херватских» форм, отвергаемые Крижаничем как «кметские» восходят к кайкавскому наречию. Далее в статье следует анализ акцентуации («czakawska akcentuacja Križanicia»). Автор сравнивает ударения Крижанича с ударениями в чакавских говорах. Важным нововведением является сравнение целой парадигмы склонения у Крижанича и в ряде чакавских диалектов. К сожалению, материалы, представленные в доступных В.Борысю чакавских словарях, настолько ограничены, что пойти дальше сравнения одного слова он не смог. Довольно хорошее совпадение сравниваемых парадигм (где вынужденно мешаются разные слова: чак. *kralj*, *ključ* и др.) приводит

автора к выводу, что «Križanić označavał miejsce przycisku zgodne na ogół z miejscem akcentu w tych gwarach czakawskich, który zachowały stan najstarszy». Рассуждения автора о фонетике ударений Крижанича главным образом опираются на уже ранее высказанные мысли других авторов по этому поводу. Он склоняется к тому, что чакавский акут был еще в употреблении во времена Крижанича, т.е. говор Крижанича знал два долгих ударения на старом месте, но «Križanić jednak tych opozycji nie označavał».

В 1983 году вышло цветное фототипическое издание «Объяснения» с комментариями Й. Хамма, где он дает довольно подробное описание орфографических приемов Крижанича, но обходит стороной ударения, лишь повторяя, что «високи влак» обозначает скорее всего «čakavsko-staroštokavski akut (~)».

Краткая статья М. Могуша «Križanićevi fonološke napomene o “hervatskoj otmini”» (1986) ставит своей целью «da se počnu dokumentirano utvrđivati sastavnice Križanićava Gramatičnog izkazanja kao neophodne prethodne radnje za budući putpun opis Križanićava gramatičarskoga gada», что должно, в частности, способствовать изучению истории языка [Moguš 1986 224]. Автор анализирует графемный инвентарь «Исказания», устанавливает количество фонем (5 гласных и 23 согласных при отсутствии *đ* и *dž*). Кроме того, он анализирует некоторые замечания Крижанича о «херватской отмине», делая из них выводы о фонетических особенностях диалекта, не отражённых прямо на письме. Он делает, в частности, важные наблюдения о трактовке ятя в текстах Крижанича и приходит к выводу о смешанном, преимущественно письменном характере его языка (см. примечание 27 в настоящей работе). Рассуждая об отражении **ę*, автор допускает ошибки в толковании материала (см. примечание 28 в настоящей работе) и приходит к ошибочным выводам о наличии у Крижанича переходов *ję-*, *čę-* > *ja*, *ča*.

Книга В. Борыся «Studia nad dialektem czakawskim Juraja Križanicia. Akcentuacja rzeczowników» (1986) является продолжением работы, начатой в его статье 1983 г. Книга представляет собой первый опыт сплошного анализа материала Крижанича. Несмотря на то, что автор ограничивается только двумя произведениями (ГИ и Пол.) и рассматривает, по сути, лишь систему склонения непроизводных существительных, эта монография коренным образом отличается от всех предыдущих работ, посвященных языку Крижанича, например тем, что в ней внимание уделяется не отдельным формам, а целым парадигмам и их классификации. В книге подробно описываются все типы склонения, акцентные типы и варианты, встречающиеся в рассмотренных источниках. При этом все акцентологические явления сравниваются с соответствующими явлениями в чакавских и чакавско-кайкавских говорах (насколько это возможно на основании имеющихся данных). Что касается слоговых интонаций, Борысь считает, что краткие «завлаки» у Крижанича («скорый» и «еднакий») отражают один краткий акцент, «долгий» стоит над предупредительной долготой, а «высокий» обозначает какое-то долготное ударение, т.е. он не выделяет смыслоразличительных интонаций, а рассматривает ударные слоги лишь как долготные или краткостные. Для каждого типа склонения выделяются многочисленные подтипы в зависимости от акцентного поведения слов, оп-

ределяемого, в частности, наличием или отсутствием вариантов в отдельных падежных формах. Таким образом, работа Борыся фактически исчерпывающе описывает именное словоизменение у Крижанича. Отдавая себе отчёт в том, что издание «Политики», которым он пользовался (ГИ – Москва, 1965), изобилует опечатками, автор приводит немало имеющихся там даже редких (или единичных) вариантов, к которым, на наш взгляд, всё же стоило бы относиться с подозрением. Так, Борысь приводит якобы свидетельствующую о кайкавском влиянии форму твор.ед. *jezikom* (встречающуюся всего один раз наряду с многочисленными *jezikom* [с. 19]). Ещё пример: форма *dru:gi* [с. 36], на основании которой делается вывод о возможности окситонезы в местном падеже, хотя на самом деле в рукописи *други*. С другой стороны, кое-какие формы из текстов Крижанича остались неучтёнными.³ Так, на с. 80 приводится предполагаемая форма род.мн. **zab'a:v* (с восстанавливаемым сокращением приставки), хотя в ГИ имеется аналогичная форма *накâз*, которую тут можно было использовать, не делая предположения (впрочем, как видно, верного). Выводы автора строятся и на наблюдаемых в языке Крижанича диалектных нововведениях, сближающих его с современными чакавско-кайкавскими говорами (в особенности с говорами Рибника и Озая). Это, прежде всего, акцентные дублеты (в плане места и долготы ударения), показывающие, что инновационные процессы в архаичных чакавских говорах шли уже во времена Крижанича и что «juž w pierwszych dziesiątkach lat XVII w. akcentuacja gwar nad Kupą ulegała oddziaływaniu kajkawskiemu» (как уже было сказано, некоторые дублеты мнимы и восходят к ошибкам в изданиях). Таким образом, акцентная система Крижанича рассматривается как многослойная структура с архаичными чакавскими чертами, постепенно вытесняемыми или сосуществующими с новейшими чакавскими или кайкавскими явлениями. Книга содержит массу интереснейших наблюдений и сравнений с современными говорами и во многом повлияла на настоящую работу в том, что касается описания склонения.

Статья С. Тежака «Naglasci Jurja Križanića i današni naglasni odnosi na području Ribnika, Ozlja i Dubovca» (1996) посвящена сравнению ударений, извлеченных их текстов Крижанича, с изученным автором положением вокруг трех населенных пунктов, названных Крижаничем: Рибника, Дубоваца и Озая. Из проведенного сравнения автор делает вывод, что в основе упомянутых трех групп говоров («DOR») и говора Крижанича лежит общий предок и что состояние современных говоров является результатом постепенной, естественной эволюции по сравнению с состоянием, отраженным у Крижанича (не без некоторого кайкавского и штокавского влияния). Говор Крижанича ближе всего современным озальским говорам (см. 1.4.4). Кроме того, основываясь на работе Р. Лопашича [Radoslav Lopašić, *Oko Kure i Korane*, Zagreb, 1895], автор заключает, что теперешние носители этих говоров являются по большому счёту потомками тогдашних, т.к. никаких существенных переселений из других регионов по архивным данным обнаружить не удастся. Автор соглашается с Й. Хаммом и М. Могушем по поводу чакавского происхождения ударений Крижанича. Сравнение Тежака

³ В нашей работе это менее вероятно, т.к. она основана на полном конкордансе имеющихся текстов, полученном путём сплошной индексации.

показывает, в частности, следующее. В западном (Рибник) и центральном (Дубовац) «поясах» имеется двухакцентная система с кратким и долгим нисходящим ударениями, в отличие от восточного пояса (Озаль), где есть еще и долгое восходящее («s nešto pokraćenim dugosilaznim naglaskom»), впрочем, видимо, являющееся результатом удлинения и оттяжки со следующего конечного слога. Тежак пишет, что краткое ударение (в обоих его вариантах, ср. «скори влак» – *brát* и «једнаки» – *tù*) у Крижанича «na prvom ili jedinom slogu» совпадает с (таким же) кратким ударением во всех исследованных говорах. «Високи влак» (*jâ*) отражается в основном таким же ударением в трех современных говорах. Автор указывает, что различия проявляются в том, что в ряде случаев там, где у Крижанича наконечное ударение, в современных говорах оно стоит на слог раньше (оттяжки, например: Кр. *kūpil*, но в говорах *kūpil* и *kúpil* – при *kupil bi*). Кроме того, в словах вроде Кр. *bêrz*, где выступает долгое ударение на слоговом согласном, в современных говорах везде краткий рефлекс, по поводу чего автор пишет: «dugosilazni naglasak na slogotvornom r̥ u tim je govorima dosljedno zamijenjen kratkosilaznim». Далее автор замечает: «Križanićevo naglašavanje *zemlji, sramotý* u G sg nasuprot ozaljskom *zemljê, sramotê* i ribničkom *zèmlje, sràmote* utjecaj je ruske akcentuacije, jer je i hrvatski genitivni nastavak žrtvovao starijemu i ruskomu (-i, -y)». Автор, видимо, не заметил, что Крижанич специально оговаривает: «А Хервѣти, и всѣ Задунѣци тѣж, всѣ тѣ ѣмена изрикајут на Е: кѣ, от стрѣже, от вѣлье, от дѣнье, от тѣче, от дѣшѣ» и т.д. Здесь, правда речь идет о накоренном ударении или о наконечном при долгом слоге, но ср. в другом месте: «J въ жѣнских, въ јзкернику јединичном: От Кнѣѣге, от рѣкѣ, от сохѣ. От Дрѣгѣ, от Велике, от Тѣхе Женѣ», с окончанием -ѣ в примерах *сохѣ* и *женѣ*. Все это только подтверждает выводы Тежака, т.к. и тут мы имеем дело с исконной, а не русской акцентуацией. Еще один вывод автора касается процессов оттяжки с конечного слога, уже начавшихся, как он считает, во времена Крижанича, которые уже тогда были трудно различимы (см. примечание 39 в настоящей работе). Следуя Могушу и Хамму (чьи выводы якобы подтверждаются), Тежак необоснованно заключает, что Крижанич нарочно упрощал свою политональную систему. Как бы то ни было, из этой весьма информативной статьи явствует, что сравнение говора Крижанича и группы современных чакавско-кайкавских говоров на той же территории фонологически правомерно.

В монографии «Морфонологизованные парадигматические акцентные системы» (2000), В.А. Дыбо дает в большем, чем прежде, объеме и с большими подробностями реконструкцию праславянской акцентной системы. Кроме более широкого привлечения данных Крижанича, дается детальное обоснование закона Крижанича в ряде славянских диалектов. В частности, материал Крижанича позволяет разделить акцентную парадигму *b* глаголов на -i- на две подпарадигмы.

Из приведённого разбора видно, что нынешнее положение в науке о языке Крижанича является итогом длительной и не всегда равномерной эволюции. Прежде чем было достигнуто осознание ценности языкового материала, оставленного Крижаничем, необходимо было

понять, что его тексты и грамматика не являются произвольной выдумкой (впрочем, это понял уже Шахматов, но мало кто ему внял) и что вообще имеет смысл их анализировать, привлекать к сравнительно-историческим исследованиям. Когда это стало ясно (спустя 60 лет!), тексты Крижанича стали внимательно исследоваться диалектологами. Постепенно разобравшись с орфографией и выделив набор черт, позволяющих определить диалектную принадлежность языка Крижанича, исследователи стали сравнивать его показания с данными современных говоров (которые надо было еще изучить). Некоторое время после того, когда стало понятно, что язык Крижанича отражает какой-то чакавский (чакавско-кайкавский) говор (говоры), продолжали делаться попытки сравнения его с новоштокавскими данными, что несомненно связано с научной инертностью.

Впрочем, и это было преодолено. Однако, как уже было сказано, досадным упущением со стороны большинства (югославских) исследователей явилось почти полное пренебрежение словоизменением и словообразованием в языке Крижанича. Это не только ограничивало понимание особенностей его языка, но и, видимо, пагубно отражалось на изучении современных диалектов. В частности, сравнивая ударения Крижанича с ударениями в говорах, исследователи (сознательно?) избегали сравнения форм, расходящихся друг с другом, например, по месту ударения, если это было необъяснимо разнообразными преобразованиями акцента (метатония, метатакса). Между тем подобные расхождения в большом количестве случаев явно связаны со структурными различиями между диалектами (как то результаты действия или недействия закона Крижанича⁴). Непонимание важности морфологии приводило к неполному, поверхностному описанию говоров. Так, при попытке обратиться к существующим описаниям чакавских диалектов (которым посвящено немало трудов, в том числе объёмистых словарей) и сравнить их данные с материалами Крижанича, приходится мириться с почти полным отсутствием показательных сведений, которые бы позволили определить, например, акцентный тип какого-либо современного диалектного слова. Естественно, что при таком подходе ни о какой реконструкции «прачакавской» акцентной системы (если таковую вообще можно предполагать) не может быть и речи.

Лишь сплошной анализ форм, встречающихся у Крижанича, в сопоставлении с диалектным материалом (до сих пор не получившем всестороннего освещения) сможет пролить свет как на диалектную принадлежность языка Крижанича, так и на внутренние закономерности в развитии и взаимодействии сербохорватских диалектов. Такой анализ был начат В.А. Дыбо ещё в 60-ые годы и продолжен в последующих его работах. Привлечение обильного материала языка Крижанича позволило существенно продвинуться на пути к прасла-

⁴ В существование которого многие исследователи не верят. Впрочем, даже если не настаивать на нём в том виде, в котором его формулирует В.А. Дыбо, должно быть совершенно очевидно, что многочисленные различия в месте ударения не имеют никакого отношения к фонетическим процессам на современном уровне, хотя бы потому, что синхронно (внешне) однообразные формы ведут себя по-разному независимо от своего облика, а явно делятся на группы, необъяснимые с точки зрения поздних фонетических процессов (например, отяжек типа новоштокавской).

вянской реконструкции. В этом проявилась исключительная ценность трудов Крижанича в масштабе всей сравнительно-исторической славистики.

Сегодня наиболее насущной задачей представляется полное описание языка Крижанича с морфо(но)логической точки зрения: выделение акцентных типов, законов словообразования, осмысление всего имеющегося материала как целостной языковой системы, а не как отдельных разрозненных элементов.

ФОНЕТИКА

1.1. Фонетическое толкование орфографии. Анализ текстов Крижанича позволяет достаточно однозначно выделить единую фонетическую систему, на которой основаны его разнообразные орфографические приёмы. Несмотря на сложность и частичную взаимонесовместимость правописания разных текстов, большинство вопросов снимается при попытке единой реконструкции.

Правописание Крижанича основано на фонетике его родного старохорватского говора. Однако, стремясь максимально обобщить фонетические особенности важных для него славянских диалектов, «повысить в ранге» одни особенности и «снять» другие, он прибегает к определённым искажениям, порой затемняющим картину. Поэтому может сложиться впечатление неоднородности, смешанности его фонетической системы. Но, опираясь, с одной стороны, на замечания самого Крижанича, а с другой, на особенности и распределение его написаний, можно прийти к реконструкции единой системы.

Собственно реконструкцией мы здесь называем возведение разных написаний к единому прототипу (условно принимаемому в качестве фонетической транскрипции). В случаях же, когда в различных написаниях одной и той же фонологической единицы нет различий, к реконструкции прибегать не нужно, т.к. тогда воссоздание произношения тривиально. В орфографии Крижанича выделяются несколько основных систем⁵:

Старославянское, «преводническо» написание. Его Крижанич применяет исключительно в цитатах из письменных церковных текстов, подлежащих исправлению. Используются лишние «непотрибни» буквы (ять, юсы и т.д.). Правописание часто непоследовательно и включает в разной степени элементы из других перечисленных здесь орфографических систем. Важно иметь в виду, что написанные в этой орфографии слова не обязательно соответствуют какому-либо произношению, т.к. чтение лишних букв относилось к разным традициям и сам Крижанич не всегда понимал, как их произносить. Эта система не отражает живой фонетики. Она напрямую не привлекается для нашей фонетической реконструкции, но иногда, вместе с комментариями Крижанича, может косвенно способствовать более глубокому пониманию его взглядов на славянскую фонетику в разных её вариантах.

Русское написание (в «Исказании» и реже в «Объяснении») используется для примеров «русской отмины», часто, но не всегда одобряемых Крижаничем. В большинстве случаев оно, видимо, отражает не столько народный русский язык, с которым Крижанич сталкивался, живя в России (который он называл скорее «белорусским»), сколько какое-то русское церковное произношение (т.е. русский церковнославянский язык), в котором, судя по всему, наряду с русским произношением преобладало неполногласие, оканье и другие церковнославянские элементы. Эта система не отличается последовательностью. Некоторые её особенности, возможно, частично связаны с произносительной спецификой говора тех, от кого он её

⁵ Здесь важно выделить основные структурные, систематически разработанные Крижаничем орфографические системы, анализ которых может внести вклад в реконструкцию.

воспринял⁶. С другой стороны, она, возможно, отражает какие-то особенности русских церковных текстов. Из этой системы тоже можно извлечь кое-какие полезные сведения касательно фонетики родного старохорватского говора Крижанича.

Хорватское написание. Крижанич прибегает к нему, приводя примеры из своего родного диалекта. Эту систему, несмотря на её неполное единообразие, можно считать в большой степени фонетической. Она, с некоторыми оговорками, представляет собой транскрипцию описываемого в данной работе родного говора Крижанича. Именно на неё мы опираемся, восстанавливая его произношение, которое, несомненно, легло в основу «общей» системы.

Общее написание применяется самим Крижаничем в его текстах, в авторской речи. Эта система лишь косвенно отражает его произношение, т.к. создана им в качестве наддиалектного письменного языка для всех славян. Она выступает в нескольких вариантах, каждый из которых используется в соответствующем произведении. Несмотря на множество нестыковок и разночтений между отдельными вариантами, они отличаются относительным постоянством в пределах каждого отдельно взятого произведения и сводимы к единой системе. Кроме чисто фонетических искажений, здесь надо считаться с морфологическими приёмами, отдаляющими «общее» написание от родного говора Крижанича.

Кроме того, иногда Крижанич приводит примеры из других славянских диалектов (в «Исказании» и «Объяснении»), как то: польские («лешка отмина»), почти всегда сопровождаемые резкой критикой, и сербские – для иллюстрации отличий «сербской отмины» от «хорватской».

Набор фонем и их качество устанавливается по «хорватским» примерам и замечаниям Крижанича. Больше всего ценных сведений содержится в «Объяснении», где он описывает фонетику различных славянских диалектов.

1.2. Согласные

1.2.1. Фонемы *b, p, d, t, g, k, v, f, z, s, c, r, l, m, n* на письме отображаются тривиальным образом. Этим фонемам всегда соответствует по одной графеме (написанной, соответственно, кириллицей или латиницей). Другие тривиальные случаи, не требующие разъяснений, показаны в табл. 1.

⁶ Имеется в виду, в частности, отказ от буквы 'ы', фонологическую оправданность которой он отрицает. При этом он последовательно применяет её в «белорусских» примерах.

Таблица 1

	«Исказание»		«Объяснение»		«Политика»	
š	ш	на́ши	ш	на́ши	sz	nászi
ž	ж	мо́жет	ж	мо́жет	ž	mózet
č	ч	на́пáче	ч	пáче	cz	pácze
ć	щ	хо́щеш	щ	хо́щеш	ć	chócesz
x	х	херва́ти	х	херва́т	ch	cherwańi
ł	ль	льу́бет	ль	льу́дем	ly	lyúdem
ŋ	нь	нье́е	нь	нье́е	ny	nyeé

По поводу фонетической реализации /ć/ можно сказать следующее. Букву *щ* Крижанич «транскрибирует» по-разному для разных диалектов, ср. слово *нощ*: «русские» говорят *нощч*, «сербы» *ноть*, а «хорваты» *ночь* [ОВ 44°]. Правильным признается последнее произношение (в нашей транскрипции *ć*). Из этого следует, что под «русским» вариантом подразумевается церковное произношение с твёрдым *ш*[ч] (а не со звуком, подобным современному рус. *ч*, ср. современное церковное *но*[и'ч]), т.к. в составе «русского» *шч* выступает именно твердое *ч*. Кроме того, можно заключить, что известное Крижаничу штокавское произношение этого звука было мягче, чем его собственное, которое фонетически можно себе представить как [ć].

1.2.2. На первый взгляд, единственными «фонематическими» кириллическими диграфами, отражающими фонемы восстанавливаемого произношения Крижанича, являются *ль* и *нь*, передающие соответственно /l/ и /ŋ/.

Имеется, однако, одна трудность. В «Объяснении» перечисляются согласные одной из двух групп по классификации Крижанича («шумници» и «тончици»): «*J тих Шумниц јест óсем: ж, ч, ш, щ, ь, ль, нь, дь*» [ОВ 6], а в «Исказании» сказано: «*Шумниц јест óсем : прóсто пїсани јесут, четїри, Ж, Ч, Ш, Щ : а складенї зь јером четїриже, ЛЬ, НЬ, ДЬ, ТЬ*» [ГИ 10]. Отличие, как мы видим, в отсутствии во втором списке звука *ь* [j] и включение *ть*, притом что *дь* присутствует в обоих списках.

Непонятно, что означают в этом контексте диграфы *дь* и *ть*. Их произношение нигде специально не объясняется, и они по замыслу Крижанича, видимо, не должны были войти в состав фонем описываемого им языка. Диграф *ть*, однако, применяется при передаче «сербского» произношения, ср. *ноть*, что противопоставляется «хорватскому» *ночь*. Таким образом, *ть* и *чь* являются исключительно «фонетическими» знаками для передачи, в частности, иноязычного (инодиалектного) произношения. Точно так же используется и знак *джь*, для передачи польского произношения, ср. «*Лéхи изрика́јут [...] При́джь, Сјéджь, [...] за При́ди, Сéди*» [ГИ 157]. Из того, что Крижанич здесь прибегает к *джь*, а не к *дь*, следует, по видимому, заключить, что в польском звуке он слышит согласный, парный звуку *чь*, а не *ть*, а значит, это скорее всего что-то вроде [d̥] (т.е. как в современном литературном польском, без «следзикования»). Значит, *дь* должно быть ещё мягче. С другой стороны, этот же (?) польский звук изображается и с помощью *дь*, ср: «*Лéхи, и нѣих смотрѣщ Билорусјани, ошум-*

льáют на концú» в таких примерах, как *мíлость*, *жа́лость*, *Па́дь*, и в середине слов: «Велѣтже премѣрзко: *Їмать Ведѣть*, *Водыть: Їмуть*, *Ведуть*, *Водать: Ёсть*, *Суть*. *Ј въ неокончаном нáчїну: Имѣть*, *Вѣсть*, *Водыть*, *Ходыть: и сїце во всїх ричїнах*». Итак, фонетическая реализация *дь* неизвестна.

Нет ни одного примера с диграфом *ть* вне чисто фонетической функции (т.е. такого примера, который можно было бы отнести к говору Крижанича). В отличие от него, диграф *дь* попадает в нескольких случаях в «общем» правописании как вариант *дж*, ср. «*Вїджене* или *Вїдьене*» и «*Сиджѣне* и *Сидьѣне*» (как имена действия к соответствующим глаголам), а также «*Вїджена бїша*, или *Вїдьена бїша*» (вместо подлежащего исправлению «*Вїдѣна бїша*» из псалма) [ГИ 109]⁷. Кроме того, Крижанич специально объясняет в разделе о чередовании, во что *д* переходит у разных славян: «*Ходьене: по Задунáјску*.| *Хожене: по Рýску*.| *Хождене: по Преводническу* | *Ходжене: по Исправленью*» [ОВ 44]. Значит, здесь *дь* может, в принципе, передавать какой-то звук в диалекте Крижанича (но необязательно в его родном говоре), тем более, что нестабильность его изображения в «общем» правописании (в отличие от *щ*) может указывать на его заимствованный характер.

Во всех остальных словах с сочетаниями букв *т* и *д* с мягким знаком Крижанич специально оговаривает, что они произносятся раздельно, не сливаясь в один звук, для обозначения чего он вводит разделительный знак, ср. *трѣтѣи*, *житѣи*, *брáтѣи*, *лáдѣи*, *господѣи*. Такие сочетания мы восстанавливаем как *-tji*, *-dji*⁸.

Забота о раздельном (твёрдом) произношении букв *т* и *д* в сочетании с мягким знаком может свидетельствовать об одном из двух: или что Крижанич таким образом борется с неправильным произношением данных сочетаний, свойственным другим диалектам (например, шток. *ladi*!, *braći*!), но чуждым его говору, или что такое произношение встречается в его говоре, но в других словах. Из таких слов мы имеем только несколько примеров типа *вїдьене*, *вїдьена*, *сидьѣне* (как уже было сказано, на *ть* таких примеров нет). Возможно, что это лишь графический приём, к которому он прибег во избежание затемнения глагольной основы (т.е. чтобы не писать **виенне*). Как бы то ни было, нет оснований реконструировать особую фонему, обозначаемую в этих немногочисленных примерах диграфом *дь* (который, кажется, всё-таки не отражает звук, подобный */d/*, услышанный Крижаничем от поляков).

Дело ещё осложняется тем, что Крижанич специально перечисляет согласные, «*съ коими се мóжет ,б, въ шумен глáс слијат*» [ОВ 14°], и, как ни странно, это не только *л*, *н*, *т*, *д*, но ещё и *з*, *с*, *ч*, *щ*. Скорее всего это говорит о том, что в его говоре (или близких ему говорах) перед */i/* после этих согласных мог выпадать */j/*, против чего он предостерегает с помощью разделительного знака, ср. *облїчѣи*, *оводѣи*, *пѣсѣи*. Этот же разделительный знак он

⁷ Кроме того, есть еще два примера, ср. «*А ова́ наслидѹуша јесу кмѣтска [...] стáдь чáдь*» [ГИ 44]. Эти слова явно русские (как и другие в этом списке), так что мягкий знак здесь играет чисто орфографическую роль, в отличие от примера *лáдь* **/ladj/*, что «*претвѣрдо бо би бїло изрещ*» вместо «общего» *лáдеь* и «хорватского» *лáдаь* (от *лáда*).

⁸ Если это не морфологическое искажение ради сохранения единого вида основы.

Он приводит слово *госпо́жа* с явно русским рефлексом, но тут же даёт стяженную его форму *госпá*, которая могла возникнуть только из формы с *-j-*, что косвенно подтверждает первичность именно такого рефлекса.

В «общем» же правописании последовательно применяются другие рефлексy **dj* (см. табл. 3). Тут наблюдаются колебания, что естественно при умышленном искажении фонетики собственно говора. Так, один раз приводится *рїджь* при однократном же *рїдж* (в говоре Крижанича должно было бы быть **rij*). Ясно, что фонема $[\widehat{d\check{z}}]$ или $[d\check{r}]$ для говора Крижанича не восстанавливается, хотя слова, заимствованные из других языков, он должен был, несомненно, произносить именно с ней.

Таблица 3

	«Исказание»		«Объяснение»		«Политика»	
<i>j < *dj</i>	<i>ж</i>	<i>ержа</i> ¹²	<i>ж</i>	<i>разсуженје</i>	<i>ž</i>	<i>razsužēnia</i>
	<i>жд</i>	<i>разсуждѣнје</i>				
	<i>дж</i>	<i>уроджѣнју</i> <i>зїджем</i>			<i>dž</i>	<i>zīdžut</i> ¹³

1.2.5. Имеются два особых двухфонемных сочетания (см. табл. 4).

Таблица 4

	«Исказание»		«Объяснение»		«Политика»	
<i>šč</i>	<i>шщ</i>	<i>шщѣдриь</i> <i>напушщѣнје</i>	<i>шщ</i>	<i>шщѣдриь</i> <i>напушщѣнје</i>	<i>sč</i>	<i>sčédro</i> <i>nedopusčaiut</i>
<i>ž[-?]</i>	<i>ждь</i>	<i>дождь</i> <i>дождьїм</i>			<i>ždžy</i>	<i>doždžyú</i>
	<i>жджь</i>	<i>дожджьїт</i> <i>надáжджьам</i> <i>дрóжджьи</i> <i>брижджьїм</i>				
	<i>зджь</i>	<i>бризджьїм</i>				
	<i>здж</i>	<i>[бри]зджем</i> <i>набрáзджам</i> <i>отјѣзджам</i>			<i>zdž</i>	<i>prijezdžáli</i>

Сочетание $/šč/ < *skj/*stj$, которое он транскрибирует как *шщ* [ОВ 45°], очевидно, было таким же, как в современных «шчакавских» диалектах. Диграф *sč* в «Политике», видимо, введен с целью экономии знаков (чтобы не писать *szč*).¹⁴

¹² Только в этом и однокоренных словах, ср. *ержáвијем*.

¹³ В «Политике» такая передача только в формах этого слова.

¹⁴ Впрочем, и в «Исказании» имеются написания через *шщ*, ср. *јскáм, јскáь: Јсцем, Јсщїи* (иллюстрация чередования). Тут, однако, нет сомнений, что буква *с* оставлена в чередовании либо по невниманию, либо для наглядности.

Что касается второго сочетания (видимо, с первой частью *ž-*, но в любом случае из **zgj/*zdj*), то здесь возникают большие трудности. В «Исказании» Крижанич пишет *дождь*, и неясно, что передаётся сочетанием *ждь* (чью вторую часть мы рассмотрели выше и не пришли к определённым выводам). Сочетание *ждь* встречается в единичных случаях и к тому же только в этом слове и его производных (*дождьѣм*, но ср. также *дожджьѣт*). В «Политике» в этом слове фигурирует исключительно *ždžy*, ср. *doždžyú*, что может как-то соотноситься с русским произношением, но в отличие от парного глухого сочетания, которое мы для «русского» восстановили как твёрдое [*шч*], здесь скорее всего отражается мягкое [*ж'дж'*]¹⁵.

Сочетание *жджь* легче поддаётся интерпретации, если считать, что мы знаем, что передаёт *джь* (*/d̥/* в «лешском» *при́джь*). Тем самым, это что-то вроде */žd̥/*. Проблема в том, что в нашей реконструкции нет отдельной фонемы */d̥/*. Сочетание *здж* (с мягким знаком или без), по-видимому, является вариантом предыдущих, ср. *брижджьѣм*, *бризджьѣм* и [*бри*]зждем.

Конечно, можно себе представить язык, в котором некоторый звук (в данном случае */d̥/*) не может выступать нигде, кроме конкретного контекста (здесь после *ž*), или что некоторое сочетание двух звуков нечленимо на отдельные фонемы, а предстает как одно целое¹⁶.

Непонятно, как трактовать сочетание *дј* в примере: «*жѣдати : и Жѣдам, жѣдјати*». Возможно, здесь то же, что в примерах типа *вѣдѣнје* (см. выше).

1.2.6. Итак, восстанавливается следующая система согласных (табл. 5).

Таблица 5

	взрывные	фрикативные	аффрикаты	плавные	носовые
губные	<i>b</i>				<i>m</i>
	<i>p</i>				
губно-зубные		<i>v</i>			
		<i>f</i>			
зубные	<i>d</i>	<i>z</i>		<i>r l</i>	<i>n</i>
	<i>t</i>	<i>s</i>	<i>c</i>		
альвеолярные		<i>š</i>	<i>č</i>		
		<i>ž</i>	[?]		
нёбные		<i>j</i>	<i>ć</i>	<i>ǰ</i>	<i>ŋ</i>
задне-нёбные	<i>g</i>				
	<i>k</i>	<i>x</i>			

¹⁵ Ср. замечание Крижанича: «*Пóзден, Позднѣи, -нѣје, нѣ позджи, пóздже*» [ГИ 64], в котором он, очевидно, имеет в виду рус. *позже*. Впрочем, это может как раз означать, что в рус. *позже* согласные твёрдые, т.к. в написании Крижанича нет мягкого знака, но ввиду большой непоследовательности в его передаче этих звуков не стоит полагаться на такие детали.

¹⁶ Собственно, таков русский язык (в устаревшей его норме). Именно «фонема» */ж'дж'* (теперь мало у кого из носителей) выступает только в одном сочетании, ср. *дожди, дрожжи, езжай* [*ж'дж'*] (если не считать позиционно озвончённого */ч/*=[*ч'*] > [*дж'*]).

1.3. Гласные

1.3.1. Система гласных восстанавливается довольно однозначно (см. табл. 6). Для каждого из пяти гласных мы даём по четыре примера: долгий ударный, долгий безударный, краткий ударный и краткий безударный. Безударными мы здесь называем гласные в формах, в которых знак ударения (˘ или ˙) стоит на иной гласной (о возможном наличии в системе редуцированного см. ниже).

Таблица 6

/i/:	ĩ	дѣм	ĩ	дрѣво	/u/:	ũ	дрѹго	ũ	дѹх
	i	мáлим	ĩ	пѣсцѣ		u	рáзуму	ũ	ѹзѹр
/e/:	ě	нѣбо	ě	свѣт	/o/:	õ	о́но	õ	бѹг
	e	превѹд	ě	глѣдѣ		o	о́на	õ	твѹрѣ
/a/:	ã	мáло	ã	глáс					
	a	садá	ã	зãкѹн					

1.3.2. Не вполне понятный орфографический приём используется для передачи начального /i/. Как правило, в начале слова вместо буквы и пишется j. Крижанич это объясняет: «гласнѣца ,J, да И, сѹт једнакосѣлни : и мѹгла би се пѣсáт во всáком мѣстѣ, льѹбо ова, льѹбо она» [ОВ 12°]. Далее: «На почя̀ткѣ, за гласнѣцу, всѣгда пѣши J: буд въ грубѣцах; кáкот, Јвер, Јгрà, Јздà, Јкри, Јли, Јме, Јнако, Јстина, Јшчѹ : бѹд въ дробнѣцах; кáкот, јвер, јгрà, јздà, јкри. Рáзвѣ што въ дробнѣцах сличнѣше чинѣтсе пѣсат и (et), да из (ex), неже j, да jz: а въ грубѣцах сличнѹ здáетсе J, да Jz : лѣплѣ неже И, да Из. Въ средѣнѣ, между двѣми негласнѣцами, мѹжетсе пѣсат J; али сличнѣше јест И; кáкот, Прáвлю, Прáвило. А на концѣ всмá непригѹже јест J; и трѣба пѣсат И; кáкот, Јзишѣй, Јзбѣти, Јзпѣти».

Как мы видим, Крижанич как будто руководствуется чисто эстетическими соображениями. С другой стороны, представляется странным, что он, борясь с традицией использования «лишних» букв и призывая к упрощению орфографии, допускает в этом случае такой произвольный выбор. Можно предположить, что это имело какой-то более глубокий смысл, нежели лишь внешний вид письма. Возможно, что использование йота (который во всех остальных случаях передаёт согласный звук, см. выше) в начале слова связано с желанием Крижанича учесть и такие славянские диалекты, где приведённые слова начинаются с [j-]. Это вполне может быть, например, чешский язык (ср. чеш. *jímati, jinyú, jmeno*, но союз *i*)¹⁷. На его собственное произношение /i/ выбор буквы никак не влияет.

1.3.3. Важно определить, где правописание Крижанича искажает его произношение. Гласный, восходящий к праславянским или вставным ерам (сверхкратким), изображается по-

¹⁷ Ср. «Овá по Чѣшску изхѹдет на НО: Ово Јмено, Плѣмено» [ГИ 32].

разному. Объясняя беглые гласные, Крижанич даёт правило, согласно которому в последнем слоге слова мужского рода с беглым гласным (в именительном падеже) может стоять только краткий /a/¹⁸. Это, однако не относится к другим морфологическим категориям, где такой /a/ может быть и долгим.

Действительно, большинство «хорватских» примеров с проясненными ерами выступают именно с буквой *a*:

им.ед. (в корне): *огàнь, лáкат, нóхат, лапàт, папàр, сàн* (род. *снà*), *нāрав*¹⁹;

им.ед. (в суффиксе²⁰): *врāбац, јездàц, отàц, јāрак, сīчан, льūбав*;

твор. и мест.мн.: *ночàм, мáтерам, щерàм, ночàх, мáтерах, щерàх*;

род.мн. *зàнак, мīрак, служāб, лāдаь, устан, петàль, брīтав, сестàр*;

глаголы: *јесàм, сàм, мáнем (мнèм), тàрем (трèм), јàти, јамши, лáжем, тákнем, гáнем, сáхнем, дáхнем, сасàти*;

местоимения: *сáь, тàь, чàь*;

предлоги/приставки: *вazèм*²¹.

При этом есть как минимум одна морфологическая позиция, где вместо ожидаемого *a* представлено только *e*: это атематическое *l*-причастие со вставным ером: *рèкел, нèсел, сīкел*. Здесь можно заметить следующее.

В «русских» примерах типа «*Рúсјани велèт: Ја рèкел, ти рèкел*» скорее всего отображается русская церковная форма *реклъ*²² (а не *рекъ* с потерей *-л*), которая в произношении русских должна была звучать для Крижанича как [rèkəl] (как и нынешнее рус.ц.-слав. [p'èkъл]). Точно так же Крижанич пишет хорватскую форму *рèкел* (и никак иначе), из чего можно сделать вывод, что конечное *-ел* в подобных формах обозначает фонологически слоговое /l/ с призвукотипа [ə], как в русском. Важно, что тут же он приводит «сербское» произношение: «*Хервāтī бо велèт; Рèкел сем, рèкел си [...]* Сèрбљани тóж : Рèкао сам, рèкао си», где налицо другая передача гласного, восходящего к вставному еру. Кроме того, в «лешских» примерах Крижанич пишет «*тврèдо и неизрòчно, Грèбл [...]* Тòлкл, Рèкл», откуда следует, что его произношение, как «хорватское», так и «русское» отличалось наличием призвучка, причём, видимо, не [a], как в штокавском, иначе бы он не стал писать *a* в «сербских» примерах. Из этого может следовать, что буква *e* могла передавать фонетически редуцированный гласный [ə].

¹⁸ Ср. «*нè въ јноь, неже въ Хервāтскоь језīчноь отмīне, мóжетсе подàт прàвило. Произвòдни бо прèгīби јесут равносклàдни со јменнīкòм, гдикòли (:по Хервāтскоь отмīне:) въ послīдньем склàду јменнīкòвом, стоьīt гласнīца А, не протèгньена висòким влāком: кī, Вīтал, Пāвал, бūбань, огàнь, врāбац, отàц, остàн: Вīтла, Пāвла, бūбньа, огньà, врāбца, отцà, остнà. Сīце, овàн, овнà: лапàт, лаптà: папàр, папрà: сàн, снà*» [ГИ 17].

¹⁹ Здесь вставной ер, как в совр. *nàrav*.

²⁰ Мы называем это суффиксом условно.

²¹ Второй гласный тоже из ера, ср. совр. *vazam*.

²² Если верно наше предположение о фонетичности этого («русского») правописания.

Возможно, есть ещё одна такая позиция: «А Хервѣти би рѣкли на ЕЦ: Песковец, Краковец, Кијевец, Дубовѣц» (о названиях городов). Неясно, что здесь имеется в виду: фонетический облик суффикса или чисто морфологический (т.е. в «общей» орфографии).

Что касается вокализации слогового /j/, у Крижанича имеется один случай, где в этой позиции выступает *o*: глагол *прибнем*, *прибнѣам*, по-видимому, из **priŋn-* <**prilŋn-*. Вероятно, это заимствование из штокавского.

В некоторых случаях Крижанич как будто колеблется между *a* и *e*. Исправляя неправильные формы (ср. «ино претвѣрдо и неизпрѣвно се пѣшет и говорѣт» [ОВ 46]), он вместо формы *мглѣ* даёт *меглѣ* и *маглѣ*. Это, очевидно, происходит, когда в русском слове нет гласного и Крижанич в виде исключения приводит сербохорватскую форму с прояснившимся ером в виде /a/. Однако при «неисправном» *мздѣ* даётся только *мездѣ*, как и при многих других, ср. ещё (при наличии гласного в русском) *хербѣт*, *хербѣт*, «русом» *хорбѣт*, где он как будто колеблется. Слово ‘мох’, где в русском (в именительном падеже) имеется гласная, он приводит в обоих вариантах: *мох* и *мѣх*, но в косвенном падеже только *мѣха* (вместо *мхѹ*)²³.

Глагол-связка первого лица (со вставным ером) приводится так: «*Јесм скѣзно: прѣво Јесѣм. Херватски Јесѣм, Сѣм*». Причѣм эта форма *сам* больше нигде не встречается, кроме «сербского» примера, ср. *рѣкао сам*. Во всех остальных случаях (в том числе в «хорватских» примерах) она выступает исключительно как *сем*. По-видимому, немаловажно, что форма *сем* всегда безударна. Может быть, и тут есть какая-то редукция, благодаря которой Крижанич склоняется к такому написанию. Тогда, возможно, здесь буква *e* выступает в той же функции, что и в примерах типа *рѣкел* (т.е. [ə]).

Впрочем, часто, если приводятся «хорватские» или «сербские» формы, даже ударный прояснившийся сверхкраткий в них выглядит как русский, ср. «*Сѣрбско, момѡк*»; так же в глагольных формах (ср. причастие, реконструируемое нами как *žmšī* < **žmъšī*): «*Жмѣм, Жмѹ: Жѣх [...]* *Жѣмши, Жѣт, Жѣтје*».

Однако там, где Крижаничу не удаётся уловить этимологической связи между разными рефлексами еров (которые к тому же легко путаются с рефлексами прасл. **ę*), в «хорватских» примерах он пишет *a*, ср. «*Херв. ЈАМЕМ, Јѣму, Јѣх, Јехи, Јамѣ, Јѣти, Јѣт, Јѣл, Јѣмши, Јѣт, Јѣтје*» при «русском»: «*Рѹски. Јѹму: Јѣх, Јѣхи, Јмѣ, Јѣти, Јѣт, Јѣл, Јѣмши, Јѣт, Јѣтје*». То же происходит в случаях, когда в русском соответствующий ер не проясняется, ср: «*Тѣрем, Трѣм*», «*Мѣнем, мнѣм, Мнѹ*» [ГИ 101]. Рефлекс /a/ изредка появляется и в других словах, ср. *dáski, dasók* (только так).

В «общем» правописании Крижанич разнообразно передаёт прояснённый ер, в зависимости от русских соответствий (см. табл. 7).

²³ С неясным долготным ударением! Впрочем, возможно, что этого слова в диалекте Крижанича не было, а ударение взято из слова ‘мах’, ср *ot sábljenogo mácha* [Пол. 59].

Таблица 7

	= рус.	«Исказание»		«Объяснение»		«Политика»		
ǎ =/a/ ?	o	o	лѡж	o	почѣток	o	lôž	
			почѣток				почѣток	rozatók
	e	e	льубѡв	e	во	тергѡвец	e	lyubów
			лукѡнце					сѣстер
	∅ или ?	∅ или ?	o	во	o	отѣц	o	wo
торгѡвец				сестѣр				sestêr
				лѡдеь				lâdey
= [ǎ] ?	[ǎ] ?	e	вѣрен	e	отѣц	e	wéren	
			отѣц				отѣц	otéc
			цѣрстов				цѣрстов	cârstow
= [ǎ] ?	[ǎ] ?	e	брѣтов	e	Пескѡв	e	služób	
			тѡкнем ²⁴					Pesków
			служѣб					
		ь	вѣ	ь	вѣ			
		e	рѣкел	e	рѣкел	e	rêkel	

Таким образом, не прибегая ко внешней реконструкции, мы можем лишь догадываться, как произносились гласные, восходящие к ерам, в примерах, данных только в «общей» орфографии. Так, например, у нас нет ни одного «хорватского» примера прилагательных с суффиксом *-*ьн-*. Поэтому в таких случаях мы условно восстанавливаем *ǎ*. Но там, где в примерах чередуются *a* и *e* или фигурирует только *a*, мы знаем, что это был звук *a* (т.е. *jǎmši* на основании *jǎmши*, но *mǎnši*, т.к. имеется только *mĕnши*²⁵).

1.3.4. Отдельно стоит вопрос о сочетаниях, восходящих к праславянским сочетаниям еров с плавными (соответствующих слоговому *r̥* и *u̯*! в штокавском и большинстве современных чакавских диалектов).

О слоговом *r̥* (в том числе в начале слова) Крижанич, пишет, что, в отличие от других славян, «хорваты» в этих случаях пишут²⁶ *er*, и даёт примеры, ср. *ервѣм*, *ерја*, *бѣрв*, *бѣрдо*, *бѣрз*, *вѣрба*, *кѣрв*, *тѣрње* и др. Впрочем, «Хервѣтї ѓнда изрикајут, зь гласниѣеу А: кѣ Бѣрдо, Дарвѣ, Тѣрње, и остѣлна: ѓнда без гласниѣи: кѣ, Бѣрдо, Дрвѣ, Тѣрње: и всѣ добрѡ спадѣет». Вот как это выглядит в «общем» правописании (см. табл. 8).

²⁴ Тут же приводится и *тѣкнем*, а в другом месте ещё и *ткнѣм*, что иллюстрирует колебания Крижанича в случае отсутствия гласного в русском.

²⁵ Впрочем, мы не уверены, что в этой форме нельзя восстановить *e*, т.е. *mĕnši*.

²⁶ Важно, что именно «пишут». О произношении тут ничего не сказано (но сказано дальше).

Таблица 8

	= рус.	«Исказание»		«Объяснение»		«Политика»	
əɾ	-er-	er	смѣрт	er	смѣрт	er	smért
	-or-	or	гѡрст	or		or	gŏrst
		er	хервѣтѣ	ar	харвѣтѣ	er	cherwatí
	-re-	er	хербѣт			er	cherbtí
						re	chrebét
	-ro-	or	кѡрв	or	кѡрв	or	kŏrw
p-	p	рвѣм			r	rwát	

Как мы видим, Крижанич в целом передаёт русское произношение, но не допускает, чтобы гласный был после плавного, ср. *кѡрв*. В таких случаях он заимствует русский гласный, но ставит его перед плавным (в «Политике» для рус. *-re-* этот принцип иногда нарушается). Любопытно, что единственное слово (корень), для которого он отказывается принять русское произношение, – это ‘хорват’. Из этого следует, что качество призвука Крижаничу было не безразлично, а значит, призвук в его произношении был. Смириться с русским произношением *хорват* он явно не мог и, видимо, поэтому в «Объяснении» принял «компромиссное» написание *харвѣт*. При этом в таблице, где даются рефлексы этого сочетания в разных языках [ОВ 47], Крижанич пишет в столбцах «русом», «лехом» и «сербом» именно *харват*, хотя в «Исказании» «русская» форма приводится как *хорвѣт*, так что неясно, лукавит ли он в «Объяснении» или изображает русское аканье. Ещё один важный довод в пользу наличия чёткого призвука состоит в том, что именно над ним ставится знак долготы, ср. *гѣрдост*, *гѡрдост*, *дѣржѣ*. Это сочетание мы во всех случаях условно восстанавливаем как *əɾ*.

1.3.5. Со «слоговым» *!* положение проще. Крижанич приводит слова *болгѣрин*, *болхѣ*, *вѡлк*, *вѡлна*, *мѡльна*, *ползѣм*, *пѡлт*, *сѡлза* и др. и объясняет, что хорваты их «двоѣкѡ изри-кѣют» и даёт как вариант ещё *бугѣрин*, *бухѣ*, *бѣк*, *вѣна*, *мѣнья*, *пузѣм*, *пѣт*, *сѣза*. В «общем» правописании он везде пишет *ол* (см. табл. 9).

Таблица 9

	= рус.	«Исказание» и «Объяснение»		«Политика»	
əl	-ол-	ол	вѡлк	ol	wŏlk
	-ле-		сѡлза		sŏlza
	-ло-		пѡлт		pŏlten

Это сочетание мы во всех случаях условно восстанавливаем как *əl*.

Сочетания с плавными просодически ведут себя как обычные гласные (см. табл. 10).

Таблица 10

/ər/ = [ər] или [er]?:

ə̃r	сѣрбин	ə̃r	кѡрв
ə̃r	хервѡт	ə̃r	дѣржѣ

/əl/=[ol] и [u]?:

əl	вѡлна	əl	стѡлп
əl	болгѡрин	əl	кѡлнѣтсе

1.3.6. Отдельную трудность представляет толкование материала Крижанича на предмет отнесения его к одному из двух основных типов чакавских диалектов: икавского и икавско-экавского. Единственное, что можно утверждать с уверенностью, – это что отсутствует особая фонема ять. Сам Крижанич объясняет: «А Хервѡти́ [...] вѣ мисто ѣ, изрика́јут И, или Е. Тѣло, Сѣно, Вѣра : велѣт Тѣло, Сѣно, Вѣра» [ГИ 156]. Скорее всего, родной говор Крижанича – икавско-экавский, но о распределении рефлексов ятя он ничего не сообщает. В «общем» правописании он прибегает к нескольким способам их изображения (см. табл. 11).

В «Объяснении» выступает почти исключительно буква ѣ. Тут Крижанич руководствуется этимологическим принципом, хотя встречаются отдельные случаи колебания, ср. *срѣдѣнѣ* и *срѣдинах* (это может означать, что в данном слове более «естественным» для Крижанича был рефлекс [e], который он употребил, забыв произвести «пересчёт»).

В «Политике» встречаются по крайней мере четыре написания: *i*, *e*, *ie*, *je*. Например, *wiete* встречается почти только в экавском виде, правда, при *wímena* (один раз) и *wrémena* (много). Распределение непоследовательно. Следует, конечно, учитывать значительно большее русское влияние на язык «Политики» в сравнении с грамматическими текстами.

«Исказание» на первый взгляд довольно последовательно проводит икавицу. Встречаются примеры типа *врѣмена* (им.мн., один раз) при *врѣмена* (много раз), *срѣдинах* при *сридинах* (в «Объяснении» в последнем слове имеются колебания в употреблении ятя). Ряд слов пишется только с *e*: *појѣм*, *пѣх*, *пѣти*, *пѣл*, *пѣнје* (если это не заимствования) и т.д. с одним рефлексом, но тут же *пѣсен* и *пѣсен*, однако только *сѣно* (как «хорватский» пример), *вѣнец*, *венчѡм*²⁷. Кое-где приводятся примеры с разной трактовкой ятя для иллюстрации наличия обоих рефлексов у «хорват», ср.: «Херв: На сридиѣ. По сридиѣ, По сридиѣ» [ГИ 125].

По-видимому, наиболее последовательно распределение в авторском тексте «Исказания». Установить его природу, однако, вряд ли возможно.

²⁷ Из немногочисленных примеров разной трактовки ятя, приводимых Крижаничем, М. Могуш [Могуш 1986] делает вывод, что Крижанич описывает не один говор, а «ovakve formulacije govore o više lingvističkih sistema jer se u jednome ne može istodobno realizirati i *tilo* i *telo*, odnosno i *pri brati* i *pri brate*. Ali kad se razmotre primjere “hervatske otmine” s refleksom *ě*, vidi se da – pored mnogih ikavskih primjera koji su obični u ikavskim i u ikavsko-ekavskim govovima – nalazimo čakavske reflekse samo u onim primjerima koji su u skladu s pravilom Meyer-Jakubinskoga» [Moгуш 1986: 225], с двумя исключениями: *seno* и *dlito*. И далее: «То значи да се ипак ради о опису tekstova ikavsko-ekavskih čakavaca i ostalih ikavaca», т.е. Могуш считает, что Крижанич описывает языковое состояние, отраженное в тогдашних письменных текстах, а не устные народные говоры.

Таблица 11

		«Исказание»		«Объяснение»		«Политика»	
e	<*ě	e	среди́нах пѣти вѣра	e	среди́нах	e	sredíne pésen télo
		i	сриди́нах пи́сен врѣ́мѣ сви́т	ѣ	вѣ́ри срѣ́динѣ пѣ́сен врѣ́менѣ сви́т	ie i je	liepá tílo wrímena swjêta

По-разному передаётся и /e/, восходящие к *ě. Крижанич объясняет, что его «Задунáнци изговáрајут прóсто E [...] Свѣтиѣ, Пѣт, Дѣвет». Тем не менее, в «общем» правописании он передаётся по-разному²⁸ (см. табл. 12).

Таблица 12

		«Исказание»		«Объяснение»		«Политика»	
e < *ě	e	тѣ́жко јези́к почѣ́ток держѣ́т	я	изтяжáнја јязи́к почя́ток	e	těžki	
					a	iazík poczatók	
					ia	derziât	

1.3.7. В итоге система гласных предстаёт в следующем виде (табл. 13).

Таблица 13

i ī		u ū
e ē	[ə ə̃]	o ō
	a ā	

²⁸ М. Могуш [Могуш 1986] пишет, что, помимо примеров с ожидаемым переходом $\epsilon > e$ (например, *govedina*, *knez*, *meso*, *sveti*, *deset*, *pleme* и т.д.), «Križanić navodi također primjere *jaziki*, *zajac*, *načalo*, *začalo* s čakavskim prijelazom $j\epsilon$ -, $\check{\epsilon}\epsilon$ - > *ja*, *ča*, ali ne $\check{\epsilon}\epsilon > \check{z}a$ jer ima *žetva*», из чего делается вывод, что такие переходы были свойственны описываемому диалекту. Увы, ни один из последних примеров нельзя считать надёжным, т.к. у Крижанича пример *јазіки* приводится под указанием «Всѣ попра́ви си́це», т.е. в качестве неправильного употребления (или написания): «Поразі́л јазі́ки (:или паче, нāрѣди, или нарѣде:) вно́гије», которое он тут же и исправляет. Во всех остальных случаях Крижанич пишет исключительно *јези́ки*, *јези́кех* и т.д. Слово *zajac* в его текстах вообще, видимо, отсутствует (!). Что касается *načalo*, *začalo*, то они действительно встречаются несколько раз, но как правило в контекстах вроде: «Злѣ пак се творѣт Дијáнна на ЛО [...] кѣ, Зачáло, Начáло, Порѣкло. Реци́, Почѣток, Зачѣтје, Начѣтѣ», из чего опять-таки следует, что эти формы с -*ča*- он считает неправильными. Ещё пример: «Почѣток, Зачѣло, Зачѣток. Рўски, Почáток, Зачáток, Зачáло». По-видимому, нет оснований соглашаться с Могушем, что в говоре Крижанича был переход * $j\epsilon$ * $\check{\epsilon}\epsilon$ в *ja*, *ča*.

1.4. Слоговые интонации

Реконструируя систему слоговых интонаций в говоре Крижанича, мы преследуем следующие цели:

1. выяснить, сколько было фонологических (словесных) тонов;
2. попытаться представить себе их фонетическую реализацию (интонационные контуры);
3. определить поведение словесных интонаций в синтагме, т.е. в каких условиях они могли (и могли ли) меняться в зависимости от синтаксического окружения.

1.4.1. Надстрочные знаки

Всё это вряд ли было бы возможно без ценных замечаний самого Крижанича. В «Исказании» и «Объяснении» используются четыре просодических знака. Вот как он сам описывает их назначение [ОВ 57°]:

1. [^] : «**Висо́киъ** вла́к гласни́цу подвѣгает на високо́: и провлáчит на до́лго; ка́кот, Бо́г, Пра́вда, Господáръ»;
2. – : «**До́лгий** провлáчит на до́лго: али неподвѣгает на високо́; ка́кот, Глуби́на, Зелени́на, На́род»;
3. ´ : «**Ско́рий** подвѣгает на високо́: али непровлáчит на до́лго; ка́кот, Чу́до, Вели́ко, Пра́вити»;
4. ` : «**Једна́кий** нити подвѣгает, нити провлáчит. Зачѣм и не́ по властѣности почитаетсе бити вла́ком; него па́че зна́ком небѣтја три́х јстинних влако́в: и зна́чит, же она рѣч, над којеју он јест напи́сан, ни́мает ни́једного вла́ка: и же вси́ нѣе склади једна́ким и не́ ра́зличним провлѣченѣм јмајут би́т изречени; ка́кот, Слобода́, Беретè, Нога, Вода́».

О положении знаков в слове и их распределении сообщается:

1. «Једна́кий вла́к на једи́ном кра́јном склади́ мѡжет би́т постављен. [...] не зна́чит јно, неже оста́лих влако́в небѣтје. А то́ и без вса́кого вла́ка мѡжетсе разумѣт. Ра́звѣ въ нѣ́коих Двојезна́чних рѣчѣх, ради разлу́ченја, не́ безди́лно мѡжет се пи́сат сеь вла́к једна́кий; ка́кот, Мѣсто, Мѣсто̀ : ка́ко, како̀ : Тѣми, Тимѣ̀ : Мѣмо, Мимò : Ра́ди, Радѝ»;
(то же самое в «Исказании» [ГИ 194]:
«А то́ и без вса́кого зна́мена мѡжетсе разумѣт. Разви въ ни́ких двојера́зумних ричѣх, зарад разлу́ченја, не́ безди́лно мѡжетсе напи́сат сеь Једна́кий вла́к. Ка́кот, Locus мѣсто, Pro, uel Loco : мистò Quomodo, Ка́ко, Sicut, Какò : Тѣми, Quidem Тимѣ̀»);
2. «До́лгий вла́к, аще јест са́м једин на једноь рѣчи: ли́ше на Прикра́јном склади́ јмает мѣ́сто; ка́кот, Зелени́на»;

3. «Аще бѹдут двѣ долгаја: на крајном и Прикрајном складѣ стојят; какот, Једнакѣм, чѣрнѣм».
4. «Ащели будет Дѹлгий и Скѹриь: на всѣаком мѣстѣ моѹгут стојат ; какот, Зѣбава, Прилѣчными».
5. «Висѹкиь и Скѹриь вѣздѣ јмајут мѣсто».

В определениях «влаков» важно отметить несколько моментов. Во-первых, Крижанич выделяет два дихотомических признака, которые могут наличествовать (+) или отсутствовать (–) в каждом из них: «подвѣгает на високѹ» (назовѣм его «высотой») и «провлѣчит на долго» («долгота»). Таким образом, вырисовывается следующая картина (см. табл. 14).

Таблица 14

знак		высота	долгота
^	«высокий»	+	+
-	«долгий»	-	+
´	«скорый»	+	-
`	«еднакий»	-	-

		долгота	
		-	+
высота	+	´	^
	-	`	-

Во-вторых, в определениях ничего не сказано о самих этих признаках, поэтому неизвестно, какой смысл в них вкладывал Крижанич. По понятным причинам здесь надо сразу воздержаться от соблазна воспринимать фразу «подвѣгает на високѹ» как описание интонационного контура (например, восходящей интонации), чего можно было бы ожидать только от человека, знакомого с современной акцентологией. Впрочем, не возникает сомнений относительно второго признака – «долготы», что им обозначается собственно долгота гласного (тем самым, это долготный гласный).

В-третьих, ясно, что определения Крижанича касаются только фонетической реализации каждого из ударений, его собственного акустического впечатления, а не их фонологического поведения. Это ясно из описания «еднакого влака», определяемого как отсутствие обоих признаков. Данное определение может толковаться как фонологическая безударность. Однако только такому пониманию явно противоречат приводимые Крижаничем примеры: *слободѣ, беретѣ, ногѣ, водѣ*. Эти слова вряд ли могут быть фонологически безударными.

Что же всё-таки может означать формулировка «нимает ниједного влака»? Сам Крижанич даёт нам ответ: «вси нѣе склади једнакѣм и нѣ рѣзличним провлѣченјем јмајут бит изречени». Предвосхищая наши выводы, скажем сразу, что это, по-видимому, означает, что ни один из слогов *не выделяется как единая акцентная вершина*. Возможно, именно это имел в виду Крижанич, назвав это ударение «еднаким» (т.е. что в просодическом отношении более одного слога в слове произносятся, по его мнению, *одинаково*).

Впрочем, в ряде случаев нельзя исключать и (фонологическую) безударность. Видимо, именно так следует понимать объяснение Крижанича, касающееся двузначных слов (ср.

місто ‘locus’ : *мистò* ‘pro, uel loco’). Тем самым, однозначные слова выступают с собственным словесным ударением (в примерах Крижанича только накоренным), а омонимичные им «неоднозначные» (союзы) теряют ударение. В текстах эти союзы, как правило, не несут знака ударения. Можно предположить, что они являются клитиками.

1.4.2. Чередование знаков

В текстах «Исказания» и «Объяснения» сразу же бросается в глаза, что «еднакий влак» чередуется со «скорым» и с отсутствием знака, причём только на последнем слоге (на других слогах «еднакий» и не может стоять). Касательно отсутствия «еднакого» на последнем слоге, Крижанич объясняет: «и без вса́кого вла́ка мо́жетсе разумѣт», т.е. «еднакий влак» : отсутствие знака – не чередование, а варианты одного и того же²⁹ (по крайней мере для слов с кратким предпоследним слогом, см. ниже). На практике конечное ударение опускается, только если над предпоследним слогом стоит «долгий»³⁰. Распределение может на первый взгляд показаться случайным, но анализ показывает, что в определённых условиях оно довольно чётко. Для обнаружения закономерности необходимо выделить несколько переменных:

- 1) односложность или неодносложность слова,
- 2) количество предпоследнего слога (в неодносложных словах): краткий или долгий,
- 3) отражаемый праславянский акцент: а) старый акут, б) новый акут краткостей, в) краткостное ударение (последнее возникло из ударения, сдвинутого с предыдущего слога в словах а.п. *b*, а также продолжает сокращённый конечный старый акут),
- 4) позиция в синтагме: а) изолированная, т.е. перед паузой (в т.ч. в списках примеров), б) перед другим словом (т.е. в потоке речи).

Неодносложные слова с долгим предпоследним слогом:

из краткостного ударения: **xъrvāti*¹

перед паузой:

«...*Русјани, Болгáри, Хервāти, Сѣрби, Грѣки...*»,

«...*Болгáри, Сѣрбљани, и Хервāти : и овѣ тробѣ...*»,

²⁹ Ср. в этом же объяснении *разумѣт* без знаков.

³⁰ А.Пецо [Ресо 1971] этого не понял. Он сравнивает различные ударения Крижанича с ударениями в соответствующих словах в литературном (новоштокавском) языке. Это сравнение, не приведшее автора к каким-либо новым выводам, по не вполне понятной причине заставляет его согласиться со мнением Белича, высказанным ещё в 1914 г., что это была «štokavska akcentuacija koja je poprimila odlike najprogresivnijih štokavskih govora». Эта идея, оспариваемая более поздними исследователями, видимо, основана на непонимании фонологических явлений, отраженных акцентными знаками, введенными Крижаничем. В частности, Пецо не удаётся усмотреть в «долгом» знаке Крижанича (как в примерах Пецо *rūka, jednāko*) старой долготы, позднее понятой как предупредительная долгота в говорах со «старой акцентуацией».

но редко также и (логическое выделение):

«...изглашѣнје : и сѣце говорѣт Хервѣти. Али по небрижѣнју...»,
не перед паузой:

как правило перед безударным следующим слогом:

«...въ онѣх мѣстех: гди Хервѣти на кончѣне...»,
«Юш Хервѣти велѣт и сѣце...»,
«А Хервѣти би рѣкли на ЕЦ...»,

тогда как перед ударным:

«...А Сѣрбљани пѣк и Хервѣти тѣко сут изгубѣли...»,
«...Рѣсјани пѣк, и Хервѣти льѣбет рѣзво...»,
«...Хервѣти мѣло знадѣт об тѣх...»,

но и (редко) перед безударным:

«Рѣсјани чѣсто, а Хервѣти всегда, творѣт...»,
«Въ мѣннику Хервѣти велѣт...»,
«...кѣ, Хервѣти би рѣкли, От горѣ мѣле...»,

из старого акута: *pīśāl³¹:

перед паузой:

«и он неби крѣво пѣсал.»

не перед паузой:

«А кѣо би вездѣ пѣсал Хѣота.»

Здесь распределение не очень чётко. Однако имеется ощутимая тенденция употребления в позиции не перед паузой «скорого» перед безударным следующим слогом и особенно перед клитикой. Перед паузой же знак ударения на последнем слоге практически никогда не ставится, что, видимо, означает, что в этой позиции представлен аналог «еднакого», т.е. конечное ударение претерпевает некоторое преобразование. Таким образом, перед паузой позиция после долгого предпоследнего слога непоказательна для анализа чередования «скорого» и «еднакого».

Неодносложные слова с кратким предпоследним слогом показывают как «скорый», так и «еднакий» акценты:

из краткостного ударения: *lākomost¹ (а.т. Е у этого слова вторичен):

перед паузой:

«Но право рецѣ, [...] Лакомост, Скупост...»,
«Големост. Знакомост. Лакомост, Нимота.»

не перед паузой:

«Лакомост, и гнѣив, бѣше въ нѣм велик.»
«Кѣкот, Гнѣив и Лакомост бѣху въ нѣм велика.»

³¹ Эта долгота, возможно, аналогического происхождения [Дыбо 2000: 91].

из нового акута краткостей: *živòť:

перед паузой:

«*Ов гра́д. Живòт, Мíр.*»,

«*Чловíчскíх живòт : вно́жих чловíков живòт.*»,

«*Чрез вéс живòт.*»,

не перед паузой:

«*Реци́, Живòт пришéстного, или гредущего вѣка.*»,

«*Реци́, Јв́ана живòт болíт.*».

Видно, что в этих словах при кратком предпоследнем слоге в связном тексте бывает только «скорый», а перед паузой обычно «еднакий». Налицо синтаксически обусловленная мена акцента. Из приведённых примеров ясно, что речь идёт о потере конечного ударения в конце тактовой группы. Если верна наша интерпретация (основанная на указании Крижанича), что «еднакий влак» знаменует отсутствие единой акцентной вершины, то можно заключить, что в связном речевом потоке (в т.ч. перед клитиками) фонологически конечноударные слова с краткостным акцентом имеют акцентную вершину на последнем слоге, а в изолированном употреблении или перед паузой происходит некоторое преобразование, заключающееся, по-видимому, в перераспределении акцентной вершины на два последних слога. Можно также предположить, что при долгом предпоследнем слоге это перераспределение происходит чаще, т.е. что долгий слог «охотнее» перетягивает на себя первую часть вершины, чем краткий. Это преобразование можно условно назвать неполной оттяжкой. Таким образом, мена «скорого» акцента на «еднакий» отражает потерю вершины на конечном слоге перед паузой. Это возможно только при наличии в слове двух и более слогов. Ср. ещё примеры (перед паузой):

существительные с беглым гласным: *о́тац, ловéц, конéц, котéц,*

прочие существительные: *лакомòст, облòст, големòст, питомòст,*

прилагательные: *ширòк, далèк, висòк, жестòк,*

страд. причастия: *творèн, говорèн, прочтèн.*

Но:

из старого акута: *jězŭkь:

перед паузой:

«*...кáкот, Јáрост, Јé-|зеро, Јòкáти, Јúтро, Јязíк.*»,

«*Јязíк: Русин четет Јазíк: Харвáт Језíк : Лéх Јензíк.*»,

«*...по прáвде звáт се [...] Дрívньи језíк, Пёрво тíм: жеже...*»,

«*...и тíм разлíчно и мёрзко казёт језíк. Кт́...*»,

но и (чаще):

«*...напáче се чинíт по обзòру на Грéчскíх језíк.*»,

«*...јязíци; кáкот, Грéчскíх јязíк, Жидòвскíх јязíк.*»,

«*...незнáјет чíст Словíнскíх језíк.*»,

не перед паузой:

«...бо *јест* учиньено да *јези́к* на́ш сѣь...»,

«...јеже сѣь кнѣйжнѣ *јези́к* вно́го подóбнѣи *јест*...»,

«...же сáм Рѹ́скии *јязи́к* на трѣ́је *јест* раздѣльен.»

Так же себя ведут *вели́к* : *вели́к*, *члови́к* : *члови́к* и другие слова со старым акутом. Они, в отличие от слов, приведённых выше, могут факультативно сохранять «скорый» перед паузой. Суффиксы со старым акутом чаще приводятся со «скорым», а остальные с «еднаким», ср. наиболее характерные примеры (перед паузой) – из старого акута:

существительные: *роджа́ь*, *держáь*, *дити́щ* (но и *дити́щ*, *кнежи́щ*);

прилагательные: *брада́т*, *глава́т*, *бога́т*, *бата́ст*, *трака́ст*, *бледи́в*, *терпли́в*, *ложли́в* (но и *ложи́в*); *серди́т*, *очи́т*;

инфинитивы: *води́т*, *говори́т* (но и *смотри́т*);

l-причастия: *води́л* (но часто *водил*).

В одном типе суффиксальных неодносложных слов в изолированной позиции конечный «еднакий влак» представлен наряду со «скорым» в зависимости от акцентного типа слова: в прилагательных на *-en<-*en-*. Те из них, что, вероятно, относятся к а.т. *F (постоянное ударение на суффиксе) имеют «скорый влак», ср. *сукне́н* < **sŭkŋnĕnъ*,³² *платне́н*, а те, что относятся к а.т. В (наконечное ударение), имеют «еднакий», ср. *оловѣн*, *-енà*, *-енò*, *дривѣн*, *костѣн*, *водѣн* и др. (здесь а.т. В вторичен, а новый акут краткостей, если это он, введён по аналогии). Больше сколько-нибудь надёжных примеров такого типа не встречается. Тем не менее, можно предполагать, что разные знаки соответствуют разным интонационным контурам (т.е., например, что слова с «еднаким» акцентом звучат как двухвершинные).

Таким образом, в неодносложных словах в потоке речи перед другим словом краткие акценты нейтрализованы. Однако перед паузой старый акут факультативно может сохраняться перед паузой в виде «скорого», но часто выступает и «еднакий» (т.е. это, видимо, оттяжка). Значит, мы имеем здесь дело с частичной (неполной) нейтрализацией.

Односложные же слова в позиции перед паузой явно не претерпели этой нейтрализации, т.к. некоторые из них встречаются в этой позиции только с «еднаким» ударением. Можно было бы предположить, что при наличии только одного слога в слове его не с чем сравнивать и тем самым название «еднакий» тавтологическим образом отражает его природу. Но если обратить внимание на некоторые слова, приводимые Крижаничем в примерах (т.е. в

³² Чл.ф. *сукне́нѣ* (с закономерным местом ударения и удлинением) ничего не говорит об акцентном типе этого слова, т.к. все членные формы подобных прилагательных у Крижанича (т.е. с нееровым последним слогом) имеют такое ударение, см. 2.7.2.2. Что касается формы *konoplyéno*, ср. «...*Máslo Ináno, i Konoplyéno: Ikri: Ribi, i Méso solyenò*» [Пол. 66], то здесь может выступать и членная форма (с неправильным знаком ударения), тем более, что *Ináno* в этой же фразе имеет как раз место ударения членной формы (причём по виду русской), ср. членные формы «...*i wsakich Platēnich, ili Lenēnich máistorow...*» [Пол. 36] (где скорее всего должно быть *Platēnich*), в отличие от нечленной формы «...*iz Lenenógo sémena*» [Пол. 42]. В «Политике» вообще часто трудно отличить членные формы от нечленных, да и сам Крижанич, видимо, не всегда чётко их разграничивал. Таким образом, на самом деле не вполне ясно, действительно ли прилагательные на *-en<-*en-* у Крижанича могли иметь тип *F.

списках слов), оказывается, что во многих случаях «еднакий влак» стоит на месте восстанавливаемого праславянского акута краткостей, ср. *с̀ан, кр̀ов, в̀ол, с̀ом, д̀ождь, к̀онь, к̀ош, ор̀ел*, тогда как слова с исконным старым акутом в списках всегда выступают со «скорым», ср. *бр̀ат, мр̀аз, б̀ич, р̀ај, пт̀ищ, зм̀иј, хл̀иб, м̀ал, вл̀ах, л̀ех, ц̀ар*.³³ Предположение, что таким образом Крижанич указывал на место ударения в косвенных падежах (ср. *конь̀а*, но *бр̀ата*), не оправдывается, т.к. налицо поведение, отличающее односложные слова от неодносложных: неодносложные слова со старым акутом (типа *јез̀ик : јез̀ик*) могут выступать с «еднаким» знаком (особенно перед паузой), а односложные (типа *бр̀ат*) – нет. Это представляется совершенно естественным, если учесть, что в односложных словах невозможна «оттяжка». Ещё одним подтверждением отсутствия связи «еднакого» знака с местом ударения в косвенных падежах является его употребление в краткосложных прилагательных, восходящих к а.п. *b*, которые у Крижанича вторично неподвижны, ср. *н̀ов, п̀ова, п̀owo; л̀ош, л̀оше*, в отличие от *м̀ал, м̀ала, м̀ало; св̀иж, св̀ижа, св̀иже*.

Исконной неподвижности всегда соответствует «скорый», ср., например (**хл̀ебь*):

перед паузой: «*На вс̀е д̀есет муж̀еъ јест д̀ал једен хл̀иб*»,

не перед паузой: «*Кн̀и́ги п̀йса : Хл̀иб т̀у́ги : Уд̀олје с̀олз...*».

Это относится ко всем односложным словам а.п. *a*, в т.ч. к глаголам (ср. *б̀ит*). Слова же с ударением, восходящим к новому акуту краткостей ведут себя иначе, а именно: перед паузой они даются с «еднаким», в противном случае – со «скорым», ср. ([*z̀al*] < **z̀ьlь*):

перед паузой: «*З̀ол: Горши, и Г̀ори*»,

не перед паузой: «*...нар̀ав д̀обер и́лити з̀ол она́ стој̀ет во Ј̀зернику*».

Интересно, что в немногочисленных случаях, где в односложном слове представлено праславянское краткостное ударение в закрытом слоге, возникшее путём сдвига с ерового корня в а.п. *b*, Крижанич пишет «скорый влак», ср. *зл̀ост* < **z̀ьlòstь*, причём именно перед паузой. Это, видимо, значит, что в его говоре праславянское «сдвинутое» ударение было идентично тому, что получилось из старого акута, а наследник нового акута краткостей имел иной контур.

Итак, анализ показывает, что в говоре Крижанича действовали некие «неполные» оттяжки, затрагивавшие неодносложные слова в позиции перед паузой, причём односложные слова в этой позиции хорошо различали с одной стороны старый акут и краткостное ударение («скорый влак»), а с другой – новый акут краткостей («еднакий влак»).³⁴

³³ На это указал В.А. Дыбо, см. [Дыбо 1968: 221].

³⁴ Й. Хамм [Hamm 1974] ничего не говорит о чередовании кратких акцентов у Крижанича и считает, что «скорым» знаком ´ обозначалось ударение, которое «*moglo biti` ili` , koji su se u Gramatici (i, prethodno, u Križanićevu govoru) bili slili u jedno*». Этой точки зрения придерживались, кажется, все югославские исследователи просодии Крижанича, хотя, как мы видим, она основана на пренебрежении явно проводимым Крижаничем различием между двумя краткостными ударениями в примерах односложных слов, что странно тем более, что В.А. Дыбо заметил его ещё в 1968 г.

Таблица 15: распределение знаков ударения.

слог ↓		слог у Крижанича ⇔		краткостный			долготный		
ударный		прасл. удар. ⇔		старый акуп	краткостное	новый акуп краткостей	циркумфлекс	новый акуп долгот	
		позиция ↓							
		непоследний			скорый			высокий	
		последний в неодносложном слове	после краткого	не перед паузой	скорый (еднакий)	еднакий			
				перед паузой		скорый (нет знака)			
		после долгого	перед безударным	нет знака					
				перед ударным и перед паузой	нет знака				
	односложное слово	не перед паузой	перед паузой	скорый	скорый				
					еднакий				
безударный							долгий		

1.4.3. Распределение акцентов

Рассмотрим остальные просодические знаки: «высокий» и «долгий». Они не участвуют ни в каких позиционных чередованиях. За «долгим» в определённых условиях всегда может следовать конечное ударение (как правило, «скорый влак»). Это значит, что «долгий» не отражает фонологического акцента, а может лишь фонетически слышаться как ударение, если следующий за ним слог теряет ярко выраженное собственное ударение (единственную акцентную вершину). Тем самым, наша фонологическая трактовка слогов с «долгим» должна свестись к пониманию их как долготных безударных.

Если сделанные выводы верны, мы можем схематически изобразить систему слоговых интонаций (точнее, распределение просодических знаков) следующим образом (см. табл. 15).

Однако такое понимание наталкивается на одну трудность. В свете наших предположений весьма загадочной выглядит критика русского произношения [ОВ 56°]: «*Татарский бо и Турский язык чысто уживает Влака Тяжкого или Jedнакого на послѣднем складѣ: и тоже обрѣтается и въ рускоь бесѣдѣ; какот, Москвѣ, Окѣ, Главѣ, Рукѣ: мѣсто, Мѣсква, Оѣка, Глѣва, Рѣука*»³⁵.

Неясно, почему Крижаничу не нравилось конечное ударение в русских топонимах (с краткостным корнем), тем более, что он его обозначает «еднаким» знаком, что, как мы заключили, должно изображать «неполную» оттяжку. В этом можно усмотреть какие-то непо-

³⁵ При этом в «Исказании» он пишет только *Москвѣ* [ГИ 28]. Здесь, впрочем, может быть просто отражена другая схема ударения, тем более, что в «Исказании» слово «Москва» Крижанич употребляет с подвижным ударением: *Москвѣ, Москвѣ, Мѣскву*, что, видимо, соответствует тогдашнему употреблению в русском.

нятные ложные этимологические соображения³⁶. С другой стороны, приведённые им имена нарицательные в «неправильном» русском произношении *глава́, рука́* можно рассматривать с другой точки зрения. Важно отметить, что в обоих словах корень долготный. У самого Крижанича, наряду с изолированным употреблением *гла́ва, ру́ка*, они могут выступать и с конечным ударением, ср. «*Пи́шут Гла́ва́, Го́ра*» [ГИ 135]. Возможно, Крижаничу претило русское «краткостное» и конечноударное произношение этих слов в изолированной позиции, где в его говоре должно быть двухвершинное ударение, т.е. оттяжка на долгий слог.

Из этого можно сделать вывод, что Крижанич воспринимал тон, изображаемый «долгим» в изолированной позиции, как отдельное ударение, а не как вариант «долгого» в сочетании с конечным «скорым». Возможно, он не вполне понимал, что они распределены в зависимости от синтаксического окружения. В изолированной же позиции его произношение отличалось от русского. На это он и обратил внимание, что понятно, принимая во внимание, что для Крижанича, как носителя своего говора, «главным» вариантом произношения должно было быть именно изолированное, в котором в его говоре была оттяжка, благодаря чему он скорее всего слышал ударение на предпоследнем слоге. Значит, «долгий» без следующего «скорого» должен был обладать собственным ярко выраженным (причем долготным) контуром, иначе Крижанич для него не стал бы вводить отдельного знака³⁷.

Если так, то можно с уверенностью сказать, что этот долготный контур отличался от контура другого долготного ударения, обозначаемого «высоким влаком». Тем самым, Крижанич различал по крайней мере два долготных ударения (одно оттянутое, другое – нет).

Что касается ударения, обозначаемого «высоким влаком», то его фонетическое толкование, естественно, крайне затруднительно, т.к. Крижанич ничего не сообщает нам о его интонационном контуре (кроме того, что он имеет признак «долгота»). Одним из главных вопросов, которым задавались исследователи просодии Крижанича, было то, сколько интонаций – одну или две – он изображал «высоким влаком»³⁸. Некоторые склонялись к мнению,

³⁶ Впрочем, возможно, что это связано с интонационным контуром конечного слога, который в русском был явно нисходящим, а в произношении Крижанича имел иной контур (замечание В.А. Дыбо). Однако при такой трактовке неясно, почему Крижанич называет его «еднаким» (но также и «тяжким»).

³⁷ При этом он мог нести на себе лишь первую часть двухвершинного ударения.

³⁸ М. Могуш [Moguš 1974] пишет: «...da li se “visoki vlak” odnosio na starohrvatski akut (~) ili na dugosilazni naglasak (˘), teško je decidirano reći. Mislim da je taj naglasak mogao značiti ili ~ ili jer i kod jednog i kod drugog treba “glasnicu vozdvigáejet na visokó ... i provláčit na dólgo”, nedoduše jednako, ali dosta slično...» Исходя из диалектного материала и морфологических соображений, Могуш делает вывод, что знак ударения как в словах *bôg, muž, grád, sín*, так и в *králj, gríh, právda, gospodâr* должен отражать произношение с «dugosilaznim naglasom», а значит, «чакавский акут» в изучаемом говоре совпал с долгим нисходящим. Что же касается «долгого влака», по Могушу он мог иметь два значения. Необходимо указать на допущенные им важные ошибки в толковании данных. Так, рассуждая о «bar izuzetno [...] dvojnóm značenju» знака «долгого» ударения, он приводит следующие доводы в пользу возможности его двойного чтения: «*kněže* (pored *kněže*), *tōmčē* (pored *tōmčē*)», где долгий (*kněže*) должен, по его мнению, «izuzetno» отражать нисходящий контур, который обычно обозначается «высоким» (*kněže*). При этом он упускает из виду, что эти две формы на самом деле относятся к разным словам, ср. у Крижанича: «*Ко пѣтому ўзòру пристóжет ѓмена ниједѣнска [...]. Ј ко́ја се кончѣт на Е [в именительном!]: а вь ѓзернику [т.е. в родительном] ѓмáју прѣрáсток ТА: кѣ, Брãвче, брãвчѣта: Дѣжле,*

что он отражает две интонации – восходящую («чакавский акут») и нисходящую («циркум-флекс»), но что Крижанич (умышленно или нет) пренебрегал интонационными различиями³⁹.

Как и при реконструкции звуков, тут нам на помощь могут прийти приводимые Крижаничем фонетические транскрипции слов из другого диалекта, на этот раз «сербского», т.е. какого-то (ново)штокавского. Крижанич пишет: «По Сѣрбску, вножѣнниѣ јѣкерник во внојих јменех, всѣих прѣтвѣров (:оприч четвѣртог:) творѣтсе на А, зѣ Дѣлгим зѣвлѣком: сѣце, от овѣих Брѣта, овѣих Крѣља, овѣих Кѣнѣа, овѣих рѣба, овѣих овѣаца, овѣих кѣза, овѣих лѣта, овѣих лѣца, овѣих врѣмѣна: тих кнѣза, тих господѣра, тих мисѣца. А нѣкогда и на ОВА, или ЕВА : тѣх во-

Гѣсе, Дѣте, [...] Кнѣже, Козлѣ, Коньчѣ, Кѣре, Мѣмче, Ослѣ», и т.д. Здесь идёт речь о существительных на *-*e* (названия детенышей), притом что форма *kněže* – звательный падеж от слова *kněz*, ср. «По Рѣску, и по Хервѣтску, јменник мѣжет стојѣт въ мѣсто зовника: кѣ, ѡ кнѣз Богдѣн бѣди милостив: въ мѣсто: ѡ кнѣже Богдѣне». Что касается формы *tōtse*, то её в ГИ вообще нет. Тем самым, Могуш не понял, что форма *kněže* является фонологически конечноударной, что согласуется с его же интерпретацией главного чтения «долгого влака». Далее следует анализ форм, где представлено подряд два долгих ударения (*jednākīm, brādōm*), которые автор, в отличие от предшественников, толкует так, что в них «*bi prvī znak označivao nenaglašenu duljinu, a drugi akcentat*». В отличие от Могуша, Хамм [Hamm 1974] считает, что «высоким» знаком *ˆ* Крижанич обозначал ударение, которое «*artikulacijski jamačno nije bilo jednako štokavskom nego više čakavskom (ili staroštokavskom)*» ил. Тем самым, Хамм восстанавливает произношение *prāvda, gospodār* и «*u enklizi*» *bōg, ženě*. Что касается «долгого» (–), то этот знак, согласно автору, обозначал «*u enklizi*» безударную долготу, т.е. *rūkà, nāròd* (в сочетании со следующим словом), а в других случаях (где нет знака конечного ударения) – долгое нисходящее ударение: *rūka, nārod*. Неясно, откуда следует именно такая фонетическая интерпретация «высокого» и «долгого» знаков, диаметрально противоположная толкованию Могуша. По-видимому, Хамм исходит из убеждения, что в чакавском долготное ударение на старом месте (без оттяжки) должно быть восходящим. Впрочем, кажется, противоречая сам себе, Хамм пишет, что «*već iz njegove se stilizacije može nazreti da mu je bila misao da ad usum lectoris svoj politonijski sistem zamijeni pozicionim i kvantitativnim i da – ostajući na troakcenatskoj osnovi – sva razlikovanja prenese na bazu kvantiteta i samo jedne (silazne, dugosilazne) intonacije*», что, видимо, подразумевает, что были какие-то тоновые различия, которые на письме Крижанич снимал, употребляя свои акцентные знаки. Могуш [Moguš 1986] принимает именно это толкование.

³⁹ Тежак [Težak 1996] говорит об оттяжках с конечного слога, начавшихся во времена Крижанича, которые уже тогда могли «*zbunjivati onoga tko želi odrediti taj sustav [слоговых интонаций]*». Отсюда якобы следует, что во избежание путаницы Крижанич («*kome je uho bilo naviknuto na silaznu intonaciju*») нарочно не обозначал долгой восходящей интонации (продолжающей чакавский акут). Этот вывод нам совершенно непонятен, т.к. сам Крижанич как раз и сообщает нам касательно «долгого влака», что он «*провлѣчит на дѣлго: али неподвѣгает на високѣ; кѣкот, Глубѣнна, Зелѣнна, Нѣрод*». При этом неважно, какой контур (в современном понимании) он имеет в виду. Мы считаем, что это указание вообще не должно восприниматься как описание фонологически ударного контура, т.к., согласно мысли самого Тежака, тут речь идет о только начавшейся оттяжке со следующего слога (а она, кстати, привела к разным результатам в исследуемых им говорах), а существенно, что этот «влак» описывается отдельно от «высокого», который «*гласницу подвѣгает на високѣ: и провлѣчит на дѣлго; кѣкот, Бѣг, Прѣвда, Господѣр*». Тем самым неясно, зачем обвинять Крижанича в неразличении восходящего и нисходящего контуров, тем более, что и Тежак считает, что «*stari akut (sūša, mlātim)* [...] *već u Križanićevo vrijeme na dijelu DOR [Дубровник-Озаль-Рибник] zamijenjen dugosilaznim naglaskom*», что должно означать, что в основе говора Крижанича и трёх современных говоров (до оттяжки) лежит система с двумя интонациями, а не с тремя. Если принимать выводы Тежака, в которых он следует Хамму, то надо предполагать три долготных интонации в говоре Крижанича: одну (или две) нисходящую и две (или одну) восходящих. В принципе, это возможно (таковы некоторые посавские говоры), но все эти заключения нам видятся довольно произвольными, т.к. непонятно, откуда они следуют.

лѡва, другѡва: тих врачѡва, сужньѡва. Али сѣцево изрикѡнје јест скѡзно, и негодно наслидо-
вѡнју» [ГИ 24].

Вероятно, в «сербских» формах «долгим завлаком» Крижанич изображает именно ударные слоги (т.е. с более выраженной первой вершиной)⁴⁰. Конечно, ударение в этих примерах не должно быть тождественно его собственному «долгому», но важно, что он выбрал именно этот знак. «Сербское» ударение, видимо, звучало для него приблизительно как его собственное ударение, оттянутое на долготный слог.

Необходимо отметить, что ударения в словах *крѡльа*, *вримѡна* и *брѡта* передаются одинаково. Если предположить, что в цитируемом штокавском говоре в таких формах различались две долгие интонации (ср. совр. лит. схрв. *kráľjā*, *vreménā* – с нововосходящей интонацией, но *brātā* с рефлексом нового циркумфлекса), то, значит, *крѡльа* содержало долгое восходящее ударение, а *брѡта* – долгое нисходящее. Тогда придётся признать, что Крижанич этих различий не заметил (или не передал), иначе бы он написал **брѡта* с «высоким». Было бы весьма странно, если бы он действительно их не заметил, притом что в своём говоре он прекрасно различал «высокий» и «долгий». Ведь он, видимо, чётко знал, как образовывались конкретные формы в этом штокавском диалекте (одни на *-a*, другие на *-ova/-eva*), так что он вполне мог знать и тональные различия между отдельными формами. Значит, вероятнее всего, в этом штокавском говоре род.мн. *brata* и *kralja* интонационно не различались.

Тезис о том, что за «высоким влаком» кроются две долгие интонации, представляется сомнительным и в свете вышеприведённых рассуждений, показывающих, что Крижанич, видимо, неплохо различал две краткие интонации, находящиеся в довольно сложном распределении (чего не видели Хамм и Могуш). Как бы то ни было, из вышеприведённого следует, что Крижанич вряд ли нарочно упрощал акцентное разнообразие своего говора, который, как мы видели, имел по крайней мере долгую нисходящую и долгую восходящую (при оттяжке перед паузой) интонации. Это может значить, что славянские «циркумфлекс» и «новый акут долгот» в его говоре слились. Иначе бы он вряд ли столько внимания уделял чисто фонетической стороне произношения разных долготных интонаций и вряд ли бы различал два кратких акцента⁴¹.

Отдельную проблему представляет трактовка случаев постановки двух «долгих» подряд. Крижанич сообщает, что они могут стоять только на двух последних слогах. Это бывает только в четырёх морфологических позициях, причём в этих же позициях на конце выступает «высокий», если предпоследний слог краткий или слово односложно (см. табл. 16). Это единственные позиции наличия в одном слове двух долгот. Очевидно, что «высокое» ударение не может стоять после «долгого» и претерпевает в этом случае некоторое тональное преобразование. Можно предположить, что и здесь мы имеем дело с оттяжкой, по-видимому, фонетически проявляющейся в смещении акцентной вершины. Однако фонологически такие

⁴⁰ Что еще раз подтвердило бы наш вывод о его восприятии «долгого» как отдельного ударения.

⁴¹ Тем самым, не похоже, чтобы он «ad usum lectoris svoj politonijski sistem zamijeni pozicionim i kvantitativnim». Эта трактовка Хамма связана с его невниманием к различению кратких акцентов.

формы можно считать конечноударными с ударением, соответствующим «высокому». Во всех остальных случаях в говоре Крижанича (в состоянии, отражённом в его текстах), в слове может быть только одна долгота (причём предударная).

Таблица 16: две долготы подряд.

форма	часть речи	долгий	краткий (односл.)
род.ед.ж. ⁴²	сущ. на -а-	<i>рѹкѣ</i>	<i>женѣ</i>
	прил.	<i>дрѹгѣ</i>	<i>добрѣ</i>
род.мн.ж.	сущ. на -а-	<i>причѣйн</i> ⁴³	<i>чертѣйн</i> <i>вѣйн</i>
твор.ед.ж. ⁴²	сущ. на -а-	<i>глѣвѣм</i> <i>рѹкѹ</i>	<i>земльѣм</i> <i>земльѹ</i>
	мест. (прил.?)	?	<i>својѹ</i> <i>всѹ</i>
твор.ед.м.	прил.	<i>чѣрнѣм</i>	<i>добрѣм</i> <i>злѣм</i>

1.4.4. Фонологические акценты и их реализация

Итак, просодическая система Крижанича предстаёт в следующем виде (см. табл. 17, жирным выделены фонологически значимые акценты).

Таблица 17: фонетические и фонологические акценты.

знак	фонетический контур перед паузой		фонологическое значение	условный знак
скорый	краткий нисходящий		краткий нисходящий	ѣ
еднакий	неодносложные слова	вторая вершина двухвершинного акцента		
	односложные	краткий восходящий		
	клитики	безударная краткость	–	σ
высокий	долгий нисходящий (или ровный?)		долгий нисходящий	ѣ
долгий	перед скорым	безударная долгота	безударная долгота	ѣ
	перед еднаким или отсутствием знака	долгий восходящий – первая вершина двухвершинного акцента		

⁴² Эти примеры приводятся только для иллюстрации «хорватских» форм.

⁴³ Имеются только два таких случая (и только слово *причѣйн*), оба в «Объяснении» (где эта форма иначе не пишется). В других текстах таких форм нет, ср. многочисленные примеры *причѣйн* в «Исказании». Впрочем, другие падежные формы этого слова в «Исказании» пишутся с краткостной приставкой, *причѣйна*, а в «Объяснении» – как правило *причѣйна*. Само это слово, видимо, для Крижанича не родное, а долгота или краткость приставки – результат сознательного решения.

Таким образом, различались, видимо, четыре фонетических ударения (два кратких и два долгих, соответствующие надстрочным знакам Крижанича), реализующие три фонологических акцента (два кратких и один долгий). Позиционные чередования акцентов сводятся к простым преобразованиям (см. табл. 18, два акцентных знака ударения условно обозначают двухвершинное ударение).

Таблица 18: правила преобразования в речи.

слово	перед паузой		не перед паузой ⁴⁴	
ò →	ò	<i>бра́г</i>	ò	<i>бра́г</i>
ò →	ò	<i>зо́л</i>		<i>зо́л</i>
σò →	σò	<i>бога́г</i>	σò	<i>бога́г</i>
		<i>чловѝк</i>		<i>чловѝк</i>
σò →	òò	<i>живòт</i>		<i>живòт</i>
òò →	òò	<i>пѝсал</i>	òò	<i>напѝса́л</i>
		<i>цѝлост</i>		<i>цѝло́ст</i>
òò →	òò	<i>гла̀вòм</i>	òò	<i>ру̀кѹ</i>

По-видимому, говор, отраженный в текстах Крижанича, находился на начальной стадии оттяжки ударения с последнего слога в акцентном слове. Причём можно предположить, что в первую очередь произошла оттяжка на долготный слог перед паузой, т.к. в этом случае мало колебаний. В связном же потоке речи краткостные ударения, оставшись на своём месте, нейтрализовались.

Мы приходим, тем самым, к интересному выводу: нейтрализация акцентов происходит как перед паузой, так и не перед паузой. Однако эти нейтрализации в некоторых случаях различны, т.е. они по-разному преобразуют то, что мы назвали фонологическим акцентом, который отражает, разумеется, некую более раннюю стадию (до оттяжек перед паузой и до нейтрализации кратких акцентов не перед паузой). Такое положение, видимо, должно быть нестабильно и привести к колебаниям и, в итоге, к упрощению акцентной системы.

Если снять оттяжки и нейтрализацию конечных акцентов, то восстанавливается следующая синхронная картина. Акцентное слово (тактовая группа) – это отрезок текста с одним «полнозначным» словом, могущим сопровождаться клитиками слева и/или справа. Клитиками являются предлоги, вспомогательные глаголы и другие служебные слова, и их в акцентном слове может быть одна или более. Возможные варианты постановки (фонологического) ударения в акцентном слове определяются следующими ограничениями:

1. одно акцентное слово имеет одно фонологическое ударение: краткостное или долготное;
2. ударение может стоять на любом из слогов;

⁴⁴ Для слов с предпоследним долготным слогом: также (часто) перед безударным слогом.

3. предударный слог может быть долготным или краткостным, а все остальные безударные – только краткостными;
4. кроме трёх или четырёх морфологических позиций (схема 8 в таблице 19, см. также табл. 16), в акцентном слове может быть только одна долгота (ударная или безударная);
5. клитики бывают только краткостными;
6. энклитики всегда безударны.

Все возможные варианты постановки ударения даны в табл. 19.

Таблица 19: правила постановки ударения.

схема		клитики	место акцента в слове		
			— — —	... — — —	... — — —
1.	˘	[...]	<i>bīt</i>		
2.	˘	[...]	<i>sòm</i>		
3.	˘	[...]	<i>grād</i>		
4.	(-) ˘	[...] [...] ◊ ◊ [...]	<i>bògom</i> <i>vèl si</i> <i>ù gradu</i>	<i>rukàmi</i> <i>dobrò bo</i> <i>ot tìhe</i>	<i>prostogà</i> — <i>ot zlà</i>
5.	(-) ˘	[...] ◊ [...]	— —	— —	<i>živòt</i> <i>ov kròv</i>
6.	(-) ˘	[...] [...] ◊ ◊ [...]	<i>sèlskim</i> <i>dāl bih</i> —	<i>promìņeno</i> <i>gradē se</i> <i>ot šùmnih</i>	<i>zemļē</i> — <i>sə zlīm</i>
7.	— ˘ — ˘	[...] [...] ◊ ◊ [...]		<i>zāmòrje</i> <i>hàrvāṭi bo</i> —	<i>līcē</i> — —
8.	— ˘	[...] [...] ◊ ◊ [...]			<i>rūkū</i> — —

Современные чакавско-кайкавские говоры в родных местах Крижанича, по-видимому, во многом продолжают состояние, отраженное в его текстах. К такому выводу приходит С. Тежак [Težak 1996]. Из его сравнений следует, что говор Крижанича ближе всего современным озальским говорам («osobito govorigima Husja i Kobilića»). В этих говорах имеется три акцента (долгий восходящий, краткий нисходящий и долгий нисходящий). Долгий восходящий всегда является результатом оттяжки с краткого последнего слога, ср. *ótac*, *vóda* (с удлинением), *glubína*, причём в говоре Кобилича такой оттяжки нет, ср. *otàc*, *ocà*. Остальные же ударения стоят на старом месте во всех озальских говорах, ср. *kolèno*, *kopàli*, *vodê*, *kopâm*. В части говоров (Каманье) спорадически слышится и предударная долгота, ср. *zāstòra*, *pokāzàla*. Оттяжки с конечного слога в озальских говорах происходят, как правило, если за словом не следуют клитики, ср. *kúpil*, но *kupìl bi*; *bérem* но *berèm ju*; *kósmat*, но *kosmàt*

je, что очень похоже на описанные позиционные чередования у Крижанича (если пренебречь удлинением при оттяжке).

1.5. Выводы

Анализируя звуковой состав говора Крижанича, мы во многом повторили предыдущие исследования (например, [Могуш 1986]). Налицо чёткая выводимость всего набора фонем из используемых Крижаничем орфографических приёмов. Так, восстанавливается система из 23 согласных (правда, до конца не ясен статус звука [d̥], который, судя по всему, является заимствованием). Имеется 6 долгих и 6 кратких гласных (а также, возможно, и [ə], [ɛ̃]). Хочется надеяться, что, опираясь на большее количество материала, мы сумели пролить свет на некоторые неучтённые детали. При этом, однако, остаётся не вполне ясным отражение у Крижанича редуцированных, а также качество призвуков перед слоговыми сонантами.

Основным нашим выводом по поводу слоговых интонаций является наличие у Крижанича двух различных краткостных ударений, что подтверждает наблюдения В.А. Дыбо. Сложная ситуация, связанная с начавшимися процессами оттяжки с конечного слога и частичная нейтрализация неоттянутых ударений, затемняет картину, что мешало многим исследователям выделить два фонологически значимых кратких акцента. Следует, однако, заметить, что наш вывод противоречит общепринятому в сербохорватском языкознании положению о полном слиянии краткостных ударений во всех диалектах со «старой акцентуацией». Это положение, по-видимому, подлежит пересмотру. Наш вывод тем более важен, что выявленный нами восходящий краткостный акцент напрямую возводит к праславянскому «новому акуту краткостей», что упрочивает место последнего в акцентологической реконструкции праславянского языка.

2. ИСТОРИЯ СЛОГОВЫХ ИНТОНАЦИЙ

Руководствуясь имеющимися представлениями об эволюции славянских ударений, попытаемся описать историю нашей акцентной системы (типов и распределения слоговых интонаций, не вдаваясь в морфонологические подробности). Данное описание явится скорее проверкой этих представлений, попыткой применить их к реальному языковому материалу, чем собственно «реконструкцией».

2.1. Раннее состояние системы. В качестве точки входа примем некое упрощённое балтославянское состояние, в котором ещё различались «валентности» морфем, но уже возникли более поздние слоговые интонационные различия (см. табл 20). Итак:

- 1) любой слог может быть «доминантным» или «рецессивным»;
- 2) любой слог может быть долготным или краткостным: долгие гласные восходят к индоевропейским дифтонгам, слоговым плавным и долгим монофтонгам: $*\bar{a}$, $*\bar{i}$, $*\bar{y}$, $*\bar{e}$, $*\bar{e}$, $*\bar{q}$, $*\bar{r}$ ($*\bar{b}r$, $*\bar{b}r$), $*\bar{l}$ ($*\bar{b}l$, $*\bar{b}l$), а также в одной позиции (род.мн.) $-\bar{b}$, $-\bar{b}$; остальные гласные ($*o$, $*e$, $*b$, $*b$) краткие⁴⁵;
- 3) место иктуса в слове определяется балтославянским контурным правилом: «иктус ставится на первом доминантном слоге».

Это состояние (в высшей степени условное) по сути соответствует раннебалтославянской реконструкции. Праславянская система из него вытекает после действия следующих процессов:

- 1) балтославянская метатония⁴⁶;
- 2) уточнённый В.А. Дыбо закон де Соссюра⁴⁷: «ударение с краткостного или циркумфлектированного слога переносилось на непосредственно следующий акути-

⁴⁵ Важно не путать праславянскую «долготу» с индоевропейской. Последняя отражается в праславянском только в виде интонационных различий. Так, в общем случае и.-е. $*\bar{e}i$ и $*\bar{e}i$ > прасл. $*\bar{e}$, $*\bar{i}$ (т.е. $*\bar{i}$).

⁴⁶ Здесь мы не будем вдаваться в подробности (тем более, что это, видимо, очень ранний процесс), см. [Николаев 1989].

⁴⁷ Это уточнение «реабилитированного» для славянского закона Фортунатова-де Соссюра (впервые в [ОСАС: 15]) основано на западнославянских данных, показывающих, что в *l*-причастиях *i*-глаголов нет сокращения перед акутом суффикса [Дыбо 2000: 91], из чего делается вывод о первичной ударности корня. Таким образом, Дыбо реконструирует:

$*k\bar{u}p\bar{i}ti$ > (по закону де Соссюра:) $*k\bar{u}p\bar{i}ti$ > $*k\bar{u}p\bar{i}ti$, но
 $*k\bar{u}p\bar{i}l\bar{b}$ > $*k\bar{u}p\bar{i}l\bar{b}$ > (по правилу Дыбо:) $*k\bar{u}p\bar{i}l\bar{b}$.

Однако такой взгляд вызывает некоторые общие возражения. Он подразумевает, что во время действия правила Дыбо ещё различались безударные интонации (т.е. в $*k\bar{u}p\bar{i}l\bar{b}$ суффикс $-\bar{i}$ акутирован), причём как (некогда) доминантные, так и рецессивные. Это выглядит подозрительно в свете правила Мейе, согласно которому первые рецессивные слоги в подвижных (безударных) словах нейтрализовались, видимо, довольно рано. Для нашего дальнейшего изложения это не имеет решающего значения, т.к. в диалекте Крижанича в данном случае присутствуют обе долготы (ср. *стүпит*, *стүпил*), одну из которых можно при желании считать аналогической. Как бы то ни было, правило Дыбо является развитием первоначального закона де Соссюра

рованный слог, если оба слога имели одинаковую акцентуационную валентность, или на конечный акутированный слог, независимо от его валентности» [Дыбо 2000: 94]:

**kūpīti > *kūpīti;*

- 3) правило Мейе (слияние долготных рецессивных интонаций):

**gōlvq̄ > *gōlvq̄;*

- 4) сокращение конечного акута:

**ženā > *ženā;*

- 5) сокращение перед акутом: «перед былой срединной подударной акутированной долготой праславянские долготы сократились» [Булаховский в Дыбо 2000: 84]:

**kūpīti > *kupīti.*

Эта по-прежнему сложная система в предке говора Крижанича (см. табл. 21) претерпела упрощения. Ниже дан анализ произошедших в нём регулярных просодических изменений.

Таблица 20: балтославянское состояние.

	с иктусом	«безударные»
доминантный акут	<i>*kōrvā</i>	
доминантный циркумфлекс	<i>*kljūčb̄</i> <i>*kūpīti</i> <i>*gōrdīt̄b̄</i>	
доминантное краткостное	<i>*sēlō</i> <i>*ženā</i> <i>*mogō</i>	
рецессивный акут		<i>*gōlvq̄</i>
рецессивный циркумфлекс		<i>*gōrd̄b̄</i>
рецессивное краткостное		<i>*nēbō</i>

Таблица 21: праславянское состояние.

	с иктусом	«безударные»
старый акут	<i>*kōrva</i> <i>*kupīti</i>	
новый акут	<i>*kl'ūčb̄</i> <i>*gōrdīt̄b̄</i>	
доминантное краткостное	<i>*sēlo</i>	
рецессивный акут		<i>*gōlvq̄</i> <i>*gōrd̄b̄</i>
рецессивное краткостное		<i>*nēbo</i>
сдвинутое	<i>*ženā</i> <i>*mogō</i>	

(сдвиг на любые, не только акутированные, слоги в а.п. *b*), так же, как в литовском его развитием является возникновение а.п. 4 (ср. вин.мн. лит. *žietàs* при несдвинутом слав. **zīty*). Впрочем, этот сложный вопрос требует дальнейшей разработки.

2.2. Унаследованные интонации. Рефлексы праславянских акцентов в простейших случаях, когда не меняется место ударения (в частности на первом слоге, см. табл. 22), тривиальны.

Таблица 22: отражение ударений на первом слоге.

число слогов	а.п. <i>a</i>	а.п. <i>b</i>		а.п. <i>c</i>	
	акут ˘	новый акут долгот ˘˘	новый акут краткостей ˘˘	циркумфлекс ˘˘	краткость ˘˘
1	˘ <i>brät</i>	˘˘ <i>krãļ</i>	˘ <i>sòm</i>	˘˘ <i>mũž</i>	˘ <i>bõg</i>
2	˘ <i>rība</i>	˘˘ <i>kãžem</i>	˘ <i>mõžem</i>	˘˘ <i>glãvu</i>	˘ <i>zẽmļu</i>
3	˘ <i>mãterin</i>	˘˘ <i>kãžemo</i>	˘ <i>mõžemo</i>	˘˘ <i>vřĩmenu</i>	˘ ?

В словах а.п. *b* ударение у Крижанича во многих случаях стоит на слог правее корня (но не во всех, см. ниже). Все остальные отклонения от праславянского состояния сводятся к наличию краткостей на месте ожидаемых долгот и, наоборот, долгот на месте ожидаемых краткостей. Разберём такие случаи.

2.3. Судьба конечных долгот. Несколько праславянских конечных долгот непосредственно отражаются в говоре Крижанича (см. табл. 23). Заударных долгот говор Крижанича не знает (см. ниже), поэтому прямых отражений безударных праславянских окончаний мы в нем не наблюдаем. Однако есть основания реконструировать для какого-то раннего этапа ещё две или три несокращённых конечных долготы: род.мн. $-*b̄$, $-*b̄$ и им.мн.ср. $-*ã^{48}$. Это, в частности, позволит объяснить возникновение «нового циркумфлекса» перед такими долготами (см. ниже). Остальные конечные долготы сократились рано.

Таблица 23: конечные долготы.

твор.мн.	$-*b̄$, $-*b̄$	<i>зубӣ</i> [zubī] < $*zqb̄y$
	$-*m̄$	<i>щермӣ</i> [čermī] < $*d̄čerm̄$
дат.-твор.дв.	$-*m̄ã$	<i>щерма̄</i> [čermã] < $*d̄čerm̄ã$
род.ед.ж.	$-*ẽ$	<i>сохе̄</i> [sohẽ] < $*soxẽ$
твор.ед.ж.	$-*ojq̄$	<i>гладвѡм</i> [glãvõm] < $*gõlvojq̄$
		<i>земльѹ</i> [zemļũ] < $*zemljejq̄$

⁴⁸ Эта реконструкция вписывается в общеславянскую картину [Дыбо 2000: 37].

2.4. Вторичные долготы

2.4.1. Новый циркумфлекс. В ряде славянских диалектов на месте старого акута в определённых условиях появляется особое долготное ударение, названное «новым циркумфлексом», т.к. его современный рефлекс фонетически не отличим от славянского циркумфлекса [Дыбо 2000: 21]. У Крижанича несколько таких позиций:

- 1) формы род.мн. с нулевым окончанием, возникшим из и.-е. **-ōm*, ср. *рѣба* [rěba] (а.п. *a*), но *рѣб* [rěb] < *rěbъ;
- 2) притяжательные прилагательные на **-ьj-*, ср. *рѣбѣи* [rěbjē] < *rěbьjь, *бѣбѣи*, *птѣчѣи*⁴⁹;
- 3) собирательные имена на **-ьje*, ср. *зѣрнѣ* [zěrnjē] < *zěrnьje от *зѣрно* [zěrno] (а.п. *a*), хотя *каменѣ* от *камен*;
- 4) членные формы непроезводных прилагательных, ср. *мѣли* [měli] < *měль-jь от *мѣл* [měl] < *měль (а.п. *a*).

Первая позиция объединяет всю сербохорватскую и словенскую области, ср. шток. *kräva*, *krävā*, словен. *kráva*, *kräv*. Остальные – словенскую и часть сербохорватской, ср. словен. *rěbji*, *bābji*, *krāvji*, но шток. *рѣбѣи* и т.д. Все эти позиции характеризует наличие какой-то особой долготы в следующем за корнем слоге. В позициях 2–4 имело место стяжение при участии сверхкраткого. Можно предположить, что в итоге получилось что-то вроде долгого ера, после чего эта избыточная долгота частично передалась предыдущему слогу: *rěbьjь > *rěbjь > *rěbjē⁵⁰; род.мн. *měль-jix > *mělix > mēlih (Криж. *мѣлих*). Во всех этих случаях возникают два долготных слога подряд.

Ясно, что появление нового циркумфлекса на месте старого акута в словах а.п. *a* так или иначе связано с изменениями сверхкратких. Аналогичное явление, хотя, вероятно, иного (более позднего) происхождения, у Крижанича представлено и в остальных акцентных парадигмах. В тех же самых позициях в а.п. *b* и *c* наблюдается долготный рефлекс независимо от праславянского количества корня:

Род.мн.: *жѣн* [žěp] < *žěpъ (или *žepъ) от *женá* (а.п. *b*); *ног* < *nogъ от *ногá* (а.п. *c*). Здесь, по-видимому, мы имеем дело с «классическим» (т.е. ретракционным) славянским новым акутом, ср. шток. *жѣнā* (в отличие от более старого шток. *krävā*). Такое же удлинение происходит в окончании *-ov* (распространённом из *u*-основ), ср. *синѡв* < *synòvъ и по аналогии *градѡв*. В остальных позициях налицо именно новый циркумфлекс, а не новый акут.

- 1) притяжательные: *кѡзѣи* от *kozá (а.п. *b*); *бѡжѣи* от bðgъ (а.п. *c*);

⁴⁹ Исключение: *дивѣчѣи*, от *дивѣца*. Возможно, это слово более позднего происхождения или несвойственно говору Крижанича.

⁵⁰ Такой вид притяжательных прилагательных может и не являться результатом перестройки по формам остальных родов, ср. род.мн. *разпѣтъи* [raspětji] наряду с *разпѣтье* [raspětaj].

- 2) собирательные: *pêrie* от *però* (а.п. *b*), *vesêlje* от *vêsel* < **vêselь* (а.п. *c*)⁵¹, с приставками: *nezgòdje*, *bezrêdje* < **bezь-rêdъje* (такие приставочные имена вторично неподвижны, подробнее см. ниже);
- 3) членные формы прилагательных: *dòbriь* [*dòbri*] от *dòber* [*dòbar*] < **dòbrь* (а.п. *b*), род.ед.м. *добрá*, *доброгò* [*dobrogà*]⁵²; *прòстиь* от *прòст* [*pròst*] < **pròstь* (а.п. *c*) (с удлинением в подвижной односложной форме), ж. *простá*, род.м. *простогò*.

Во всех перечисленных случаях ударение стоит на корне (в неодносложных формах – на первой из двух долгот), независимо от акцентной парадигмы производящего. Таким образом, непроизводные прилагательные, различаясь в нечленных формах (а.п. *a*: *мáл*, *мáла*, *мáло*; а.п. *b* – краткосложные: *дòбер*, *добрá*, *добрó*; долгосложные: *мудёр*, *тудрá* [*mùdrà*], *мудро*; а.п. *c* – краткосложные: *прòст*, *простá*, *прòсто*; долгосложные: *свêт*, *свêтá*, *свêто*), полностью слились в одном типе склонения в членных формах. Для наглядности целиком приведём склонение подвижного непроизводного прилагательного (см. табл. 24).

Таблица 24: склонение непроизв. краткосложных прилагательных а.п. *c*.

		нечленные			членные		
		м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.
ед.	им.	<i>прòст</i>	<i>прòсто</i>	<i>простá</i>	<i>прòстиь</i> [<i>pròsti</i>]	<i>прòсто</i>	
	вин.		<i>просто́</i>	<i>прòсту</i> <i>просту́</i>			
	род.	<i>простогò</i> [<i>prostogà</i>]		<i>прости́је</i> [<i>prostě</i>]	<i>прòстого</i>		<i>прòстије</i> [<i>pròste</i>]
	дат.	<i>пó просту</i>		<i>просто́ь</i>			
	твор.				<i>прòстим</i>		
	мест.	<i>просто́м</i>		<i>просто́ь</i>	<i>прòстом</i>		<i>прòстоь</i>
мн.	им.	<i>прости́</i>	<i>простá</i>	<i>прости́је</i>		<i>прòста</i>	
	вин.		<i>прòста</i>	[<i>prostě</i>]			
	род.- мест.	<i>прости́х</i>			<i>прòстих</i>		
	дат.	<i>прости́м</i>					
	твор.	<i>прости́ми</i>					

Очевидно, что стяжение с участием сверхкраткого приводит к долготе в предыдущем слоге (новый циркумфлекс). Судя по всему, оно произошло до падения еров, т.е. удлиняло корневой слог, только если он непосредственно предшествовал стягивающимся слогам. Взглянем на членные формы прилагательных с неодносложной основой: от *јут* < **југь* (а.п. *a*) образовано прилагательное **јѣъ-ьп-ьјь* (со слогом между корнем и окончанием), которое у

⁵¹ Здесь долгота неотличима от удлинения в закрытом слоге перед сонантом (см. ниже).

⁵² По виду членные, но конечнударные формы типа *доброгò*, *добрómу* употребляются как нечленные и сохраняют конечное ударение старых нечленных форм *добрá*, *добрóу*, также используемых Крижаничем.

Крижанича всегда выступает в членной форме и без удлинения, ср. *júžnaia* [jūžna], *júžnoi* и т.д. Аналогично *jeziĭk* (а.п. а): *jeziĭčnoŭ*, *jeziĭčnie*.

Итак, появление нового циркумфлекса на месте старого акута в ряде форм слов а.п. а отражает, видимо, весьма ранний процесс. У Крижанича по крайней мере в одном случае новый циркумфлекс проявляется и в перетяжке на начальный слог, ср. *вели́к*, *вели́ка* (а.п. а), но чл.ф. *вѣлики*, *вѣлика*. Удлинение же перед стяжением (или долгим ером) в словах остальных двух акцентных парадигм, вероятно, представляет собой более новое явление. В этом случае не происходит перетяжки на начальный слог, ср. *висо́к*, *високо́*, *висока́* (а.п. б), чл.ф. *висо́киѡ*, *wisókaia*.

2.4.2. Заместительное удлинение. Имелось также чисто фонетическое (заместительное) удлинение гласных перед сонантами в закрытом слоге перед павшим ером, ср. **sĭlĭna* > *сѣлна* при **sĭlĭnъ* > *сѣлен*, **sĕlĕskъjъ* > *сѣлски* (но **brátrъskъjъ* > *брáтски*). Перед новым окончанием тв.мн. *-*mĭ* слов мужского рода (вместо *-i<-*y*) это удлинение происходит лишь sporadически (если происходит), ср. *сármĭ*, *ствóрми*, из чего можно сделать вывод, что замена падежного окончания произошла, когда удлинение уже не действовало. Судя по всему, оно происходило только в ударных слогах, ср. краткий предударный в твор.мн. *орлĭ*, прил.чл. *зорнĭѡ*⁵³ (не сдвинутое по закону Крижанича, см. ниже). Оно отсутствует также после долготного слога (например, в приставке). Речь идёт именно о запрете на удлинение, а не об устранении корневой долготы⁵⁴, что можно установить по сокращению приставки и сохранению долготы корня там, где она исконна, ср. *начáлник* (от *начáло* [nacĕlò]), *придĭвник* (от *придĭвам*, вторичный имперфектив). В иммобилизованных приставочных именах краткость первична (ср. *зáкóн*, *зáкóна*). То же самое видно и в суффиксальных образованиях, где суффикс не удлиняется после долготной приставки, ср. *крáльѣвскиѡ*, но *волóвскиѡ* и др. (см. табл. 25).

Таблица 25: запрет на удлинение после долгот⁵⁵.

тип слова	после краткого	после долгого	производящее
приставочные сущ. на <i>-je</i>	<i>невѣрje</i>	<i>прѣвѣрje</i>	<i>вѣра</i>
прилагательные на <i>-n-</i>	<i>невѣгнĭ</i>	<i>ĭзвĭрноѡ</i>	<i>ĭзвĭр</i>
существительные на <i>-nik</i>	<i>покóрник</i>	<i>беззáкóнник</i>	<i>зáкóн</i>
существительные на <i>-nica</i>	<i>покóрница</i>	<i>нáрáмница</i>	
существительные на <i>-*ъk-</i>	<i>побĭрки</i>	<i>зáбáвка</i>	<i>зáбáва</i>
превосходная степень на <i>paĭ-</i>	(<i>мѣнъши</i>)	<i>нáĭмѣнъши</i>	<i>мѣнъе</i>

⁵³ В исключительных случаях вроде импер. *нáĭмĭ*, *зáĭмĭ*, *пóĭмĭ* (только с этим глаголом) долготу, видимо, следует объяснять аналогией с личными формами настоящего времени, ср. *нáĭмем*, *пóĭмем* и т.д., где заместительное удлинение было в ударном слоге, хотя в прочих формах приставка краткая, ср. *нáĭел*, *пóĭел*. Сокращение приставок в глаголах было морфологическим, ср. имя *нáĭем* [nájæt].

⁵⁴ Как сказано, в частности, в [Дыбо 2000: 142].

⁵⁵ См. более подробную таблицу в [Дыбо 2000: 142] с учётом внесённых нами поправок, т.е. спорадичности удлинения в новом твор.мн. на *-mĭ* и толкования данного явления как запрет на удлинение.

Подобный запрет, вероятно, имелся на удлинение после долготы перед стяжением конечного *-*ьје*. Так как это удлинение перекрывается удлинением в новозакрытом слоге перед сонантом, показательными могут быть лишь примеры без сонантов (их мало). Есть ещё одна трудность: не всегда ясно, какие слова считать производящими. Производящие приставочные имена, видимо, часто имеют (старую) вторичную неподвижность и краткость, ср. *безрѣдје*, но *ĭзрѣдје* при *ĭзрѣд*, *бездѹше* при *бездѹшен*. Впрочем, во многих производящих долготные приставки уже сокращены, ср. *удѡбје* при *удѡбен*, *разпѹтје* при *разпѹтно*; варианты: *rāzličje* и *različje* при *rāzličен* (и *različен*) и др. Судя по всему, связь производящих и производных в говоре Крижанича ещё ощущалась живой. Кроме того, такие имена были явно подвержены большим колебаниям (ср. *увѣчје* и *ѹвѣчје*, с сонантом: *удѡлје* и *ѹдѡлје*), но речь, видимо, всё-таки идёт именно о запрете на удлинение, а не о сокращении корня.

2.4.3. Перед *-j*, предшествующим павшему конечному еру, ср. в именах: из нового акута краткостей: **mǫjь > mǫj* (*mǫj*), но не из старого акута, ср. *rāj*, *krāj*; в императивах (в т.ч. из старого акута: **vojǫjь > vojǫj* (*vojǫj*), **bǫjь > bǫj* (*bǫj*), **jьzǫjь > izǫj* (*izǫj*), однако *dāj* (*dāj*), возможно, из **dādjь* с регулярной эволюцией согласного⁵⁶.

2.4.4. В конечном слоге после павшего ера. Это удлинение, возможно, и не было в полной мере фонетическим, т.к. охватывает только несколько морфологических категорий:

имена на *-*ьstvo*, ср. *божствѡ*, *кнежствѡ*, что можно представить себе следующим образом: **bož-ǫstv-o >* (правило Дыбо) **bož-ǫstv-ǫ > božstvǫ* (с удлинением после падения еря), но также и *ремествѡ*, где не было падения свехраткого;

односложные (у Крижанича) слова, в которых ударение после падения еров смещено на слог вправо: **kǫto > gdǫ*⁵⁷ (*гдѡ*) ‘кто’, **sǫto > stǫ* (*стѡ*);

имена на *-*ьje*, ср. *келјѣ*, *копјѣ* (и, возможно, по аналогии *ојѣ*).

2.5. Сокращённые долготы

2.5.1. О праславянском сокращении перед старым акутом было сказано выше: **rǫkǫmi > *rukǫmi > rukǫmi* при *rǫkǫ*; **gǫlvǫtь > *glavǫtь > glavǫt* при **gǫlvǫ > glavǫ*; **mǫldǫca > *mladǫca > mladǫca* при *mlǫd*, *mlǫdǫx*. Характерно, что это сокращение не происходит в приставках неподвижных имён с краткостным корнем, независимо от их исконного количества, ср. *zǫbǫva*, *nǫrǫd*. Эти имена подверглись иммобилизации, и краткостное ударение корня было, видимо, обобщено (судя по всему, здесь мы имеем дело с довольно поздним процессом). В глаголах же все приставки сократились (см. 2.5.6), ср. *zǫbǫvim* (в корне старый акут), *prinǫslo* (новый акут краткостей). Заметим, что сокращение происходило и в словах с акутированными суффиксами, образованных от производящих а.п. *b*, ср. *krǫlǫjǫš*

⁵⁶ Если так, то можно заключить, что переход **dj > j* произошёл уже после указанного удлинения.

⁵⁷ Однако только *чтѡ*, *штѡ*, *цтѡ*, видимо, т.к. это слово неизвестно говору Крижанича. Впрочем, и в штокавском *štǫ* (хотя в отличие от Крижанича, так же и *(t)kǫ*).

[*kraľić*] < **krāļī cь*, *кральица* < **krāļī ca*, из чего следует, что в них ударение стояло на суффиксе уже в праславянском (по закону де Соссюра).

2.5.2. Перед долготным ударением, ср. **gōrděxь* > *gradĭh* (*градѣх*), **gōrdiшь* (или **gōrdiшь*) > *gradīš* (*градѣш*); а также род.мн. *nakāz* (с новым циркумфлексом) при *nākāza*. Если верно наше предположение о более раннем происхождении нового циркумфлекса в род.мн., можно считать, что здесь успел подействовать механизм сокращения долгот перед долготным ударением, имевший место до возникновения новейшего «нового циркумфлекса» и «заместительного удлинения» (см. 2.4.2). Тем самым, сокращение перед долготным ударением, вероятно, можно, по крайней мере в ряде случаев, считать довольно ранним процессом. В других случаях сокращение – более позднее явление (ср. **mūtārь* > (правило Дыбо) **mūtārь* > *mitār* – сокращение в а.п. *b*, т.е. в конечнударных формах, см. 2.5.3).

Однако, как сказано выше, имеется несколько морфологических позиций, где представлено две долготы подряд. Важно отметить, что все непроезвонные с двумя долготами относятся к подвижному типу (а.п. *c*), следовательно, ударение в них исконно падало в этих формах именно на окончание. Рассмотрим склонение долгосложных слов а.п. *c* (см. табл. 26). В единственном числе три из пяти конечнударных форм должны были сохранить исконную долготу, т.к. за ней следовало краткостное ударение (сокращённый конечный старый акут). Во всех конечнударных формах множественного и двойственного числа долгота сократилась перед старым акутом, создавая контраст между долготой в единственном и краткостью во множественном числе. Таким образом, в формах род.ед. и твор.ед. долгота, судя по всему, вторична и заимствована из других падежных форм единственного числа.

Таблица 26 (подчёркнуты формы с неожиданной долготой в корне).

	ед.	мн.		дв.
им.	<i>рѹка</i>	<i>рѹке</i>	им.-вин.	<i>рѹки</i>
вин.	<i>рѹку</i>		род.-мест.	<i>рѹку</i>
род.	<i>рѹкѣ</i>	<i>рѹк</i>	дат.-твор.	<i>рукáма</i>
дат.	<i>глáви</i>	<i>рукáм</i>		
твор.	<i>рѹкѹ</i>	<i>рукáми</i>		
мест.	<i>рѹкí</i>	<i>рукáх</i>		
зват.	<i>глáво</i>			

2.5.3. Заударные долготы сокращены, ср. *ри́бар* < **rybārь* при *овчáр* < **ovčārь*. Это, скорее всего, позднее преобразование (см. ниже о законе Крижанича).

2.5.4. Все долготы левее предударного слога: в глагольной парадигме, ср. *брийжем*, *брийжеш*, но *брийжете* < **brěžetè*; во всех формах неодносложных имён а.п. *b* (в т.ч. им.ед. – по аналогии с остальными падежными формами или же при ударении на конечном сверхкратком), ср. *живòт*, *животà* (при *живим*); *митáр* (при *мито*) < **mūtārь*, **mūtārja*; страд.прич. *брийжён*, **-enà* (при *брийжем*); в многосложных именах, ср. *должнѣик* < **dālžьnĭkь*,

Таблица 27: морфологическое сокращение приставок.

приставка:	из долготной	из краткостной
глаголы	<i>заспѣм</i>	<i>проспѣм</i>
отглагольные существительные на <i>-je</i>	<i>најѣтје</i> <i>пришѣтје</i> <i>јздѣртје</i>	<i>објѣтје</i> <i>сошѣтје</i>
корень:	долготный	краткостный
глаголы	<i>утрѣдим</i> <i>јзкѣжем</i>	<i>умѣним</i> <i>јзвѣдим</i>

кнежствѣ < **кнѣжѣство*¹; в членных формах прилагательных (не во всех), ср. *градскѣ* < **градѣскѣ*.

Из примеров видно, что это сокращение прошло после действия правила Дыбо (возникновения а.п. *b*). Однако в ряде случаев оно, по-видимому, действовало спорадически, или же долгота могла восстанавливаться по аналогии, ср. с краткостью (и окончательным ударением) *кнежствѣ*, *лѣудствѣ*, но с долготой (и начальной ударением): *лѣудство*, *свѣтство* (место ударения в этих примерах регулируется законом Крижанича, ср. 2.7.2.5).

Это сокращение не наблюдается (кроме нескольких случаев) в членных формах прилагательных на *-*ьн-* (см. 2.7.2.2). Судя по всему, этот поздний процесс не был в полной мере фонетическим и во многом зависел от аналогии. В частности, можно предположить, что долготы в нечленных формах прилагательных на *-*ьн-* влияли на членные, в отличие от прилагательных на *-*ьск-*, частично утративших нечленные формы. Отсюда большие колебания в долготе корневого слога и месте ударения (что вообще свойственно прилагательным у Крижанича).

2.5.5. Из рецессивного долготного в многосложных словах: **вѣрмена* > *врѣмена* (при *врѣмѣ*).

2.5.6. Морфологическое сокращение: все клитики и глагольные приставки (в т.ч. в отглагольных именах, см. табл. 27). О кажущихся исключениях см. примечание 53.

2.6. Новый акут и а.п. *b*

2.6.1. Позиции сдвига. Славянская акцентная парадигма *b* восходит к балтославянскому неподвижному акцентному типу. Она включает слова с краткими и циркумфлектированными корнями доминантной валентности и соответствует литовской а.п. 2. Для праславянского состояния слов а.п. *b* традиционно восстанавливаются формы с ударением, сдвинутым на один слог вправо от корня. В качестве типичных примеров обычно приводятся слова типа **osá*, вин. **osq̄* (*a*-основы) и **grĕxъ*, род. **grĕxá* (*o*-основы). Впрочем, в ряде случаев ударение остаётся на корне и отражается в виде нового акута⁵⁸. Обычно это объясняется от-

⁵⁸ Ниже термин «новый акут» мы применяем обобщённо, независимо от его отождествления с балтославянским циркумфлексом или его объяснения оттяжкой.

тяжкой со слабого редуцированного (или отсутствием на него сдвига), например, **grěxъ* (или **grěxь*), **grěšnīkъ* (или **grěšnīkь*). Имеется также некоторое количество позиций, в которых не наблюдается сдвига по каким-то иным причинам, в частности в глагольной системе, ср. настоящее время глаголов на *-i-*: 1.ед. **nošq̇* но 2.ед. **nòsīši*⁵⁹.

До обнаружения дополнительного распределения а.п. *a* и а.п. *b* внимание исследователей сосредотачивалось прежде всего на объяснении происхождения нового акута, которое обычно связывалось с оттяжкой со следующего слога, что вызывало немало трудностей. Не вдаваясь в историю вопроса, отметим лишь, что введение а.п. *b*, по существу как варианта а.п. *a*, коренным образом изменило задачу. Осмысление природы а.п. *b* заключалось в реконструкции различных сдвигов и оттяжек, приведших в итоге в одних случаях к ударению на один слог правее корня, а в других – к новоакутовому ударению на корне. Поскольку славянские диалекты даже в самых, казалось бы, элементарных случаях показывают весьма разнообразные рефлексии а.п. *b*, найти однозначное решение было непросто.

Позднее новый акут был отождествлён с балтийским циркумфлексом, что во многих случаях отменило необходимость реконструкции его ретракционного происхождения. Однако по-прежнему остаётся неясным, в каких случаях накоренное ударение непосредственно восходит к праславянскому новому акуту (балтославянскому циркумфлексу), а в каких оно является результатом сдвига на следующий слог, а затем позднейшей оттяжки обратно. Как известно, передвижки ударения в обе стороны весьма характерны для многих славянских диалектов. Но для реконструкции праславянского состояния а.п. *b* важно снять все позднейшие процессы. Может показаться, что решение этой задачи носит чисто формальный характер. Однако от него зависит представление как о развитии ударения в отдельных диалектах, так и об общем направлении развития праславянской акцентной системы.

Итак, а.п. *b* своим появлением обязана сдвигом ударения на слог вправо с краткостного или циркумфлектированного доминантного слога. Некоторые окончания, «в которых слог с доминантным акутом находится в ауслауте» [ОСАС: 15], должны были быть ударными уже в праславянский (или балтославянский) период, ср. им.ед.ж. **ženǎ*, 1ед.наст. **mogq̇*. Затем эти окончания сократились (как и в балтийском).

Теперь перечислим случаи, где на всей славянской территории в а.п. *b* представлен накоренной новый акут (см. табл. 28). В этих случаях логично усматривать сохранение исконного накоренного ударения без сдвигов вправо. Это положение следует признать праславянским. Условия, в которых возникают перечисленные позиции, не поддаются надёжному толкованию. Во всех формах за корнем как будто следует долгота неясного происхождения, так или иначе засвидетельствованная во многих славянских диалектах [Дыбо 2000: 22]. Исходя из некоторых соображений, слогу с этой долготой приписывается доминантность. Как бы то ни было, все славянские диалекты ведут себя в этом отношении одинаково. В остальных позициях возможны сдвиги на слог вправо.

⁵⁹ Обзор истории этого вопроса см. в [Дыбо 2000: 65].

Таблица 28: а.п. *b* с накоренным ударением.

сущ. на на <i>-jā</i>		* <i>vòlā</i> ⁶⁰ * <i>strāžā</i>
наст. вр. глаголов	итеративы (а.п. <i>b_I</i>)	* <i>nòsīši</i> * <i>slūžīši</i>
	инхоативы (а.п. <i>b_I</i>)	* <i>tòpnēši</i> * <i>zēbnēši</i>
	на <i>-e-</i>	* <i>mòžēši</i>
	на <i>-je-</i>	* <i>čěšēši</i> * <i>pīšēši</i>

2.6.2. Сдвиги со сверхкратких. Ударение, сдвинутое на слог вправо (по правилу Дыбо), ведёт себя нетривиально, если оказывается на сверхкратком в слабой позиции. Дело в том, что при падении еров это ударение должно куда-то сдвинуться с исчезающего слога (влево или вправо). В говоре Крижанича имеются оба типа сдвигов:

вправо:

- 1) на удлиненный открытый конечный слог:
**svědoč'stvo* > *svidočstvō* (свидочствō);
- 2) если в им.ед.(м.) ер – в сильной позиции:
**ot'ca* > *otcā* (отцā), ср. **ot'sь* > *otac* (отac);
**běd'no* > *bīdnō* (бīдно), ср. **běd'нь* > *bīdan* (бīден);
**krāt'ko* > *krātkō* (крāткō), ср. **krāt'къ* > *krātak* (крāток);

влево (в остальных случаях):

**sel'skь-jь* > *sēlski* (*sēlski*, нечленные формы им.ед.м. утрачены)

Таким образом, можно сказать, что устранение иктуса с падающего сверхкраткого могло проявляться в определённых условиях в виде его сдвига на гласный полного образования вправо, в чём, вероятно, можно усматривать (частично) фонетическое развитие. В некоторых случаях его трудно определить по причине нехватки материала, например у образований на *-ьп'къ* (см. 2.7.2.6). Эта перестройка свойственна большинству славянских диалектов.

2.7. Закон Крижанича

2.7.1. Определение. Кроме перечисленных случаев несдвинутого нового акута (см. 2.6.1), имеется ещё одна группа позиций, в которых ряд славянских диалектов показывает накоренное ударение. Речь идёт о «законе Крижанича». Его действие заключается в том, что при наличии двух долгот подряд в словах а.п. *b* ударение остаётся на корне в виде рефлекса,

⁶⁰ В русском это слово засвидетельствовано и с конечным ударением (в Чудовском Новом Завете), но это может быть результатом местного развития.

неотличимого от нового акута. В наиболее чистом виде это проявляется в говоре самого Крижанича, ср. краткосложное *вòл*: *волòв*, *волмí*, но долгосложное *крáль*: *крáльев*, *крáльми* (*крáльи*).

Важно выяснить, является ли это положение результатом поздней оттяжки со второго долгого слога на первый, или же в первом слоге представлено исконное несдвинутое праславянское новоакутовое ударение. Для решения этого вопроса необходимо рассмотреть все позиции, где наблюдается это явление. В данной работе мы ограничимся лишь одним диалектом (говором Ю. Крижанича), что даст нам возможность, по крайней мере на основании внутренней реконструкции, сделать некоторые выводы относительно наиболее вероятного объяснения.

2.7.2. Позиции действия закона Крижанича

2.7.2.1. Падежные формы слов а.п. *b*, в которых восстанавливаются долготные флексии: род.мн. на *-òv* (и *-āC<-*ḡCḡ*), твор.мн. на *-mī* (и *-ī<-*y̆*), мест.мн. на *-īh* (мужского рода). Здесь наблюдается строгое распределение: краткосложные показывают ударение на флексии, долгосложные – наосновное. В словах а.п. *c* закон Крижанича не действует, т.к. перед долготными окончаниями корни сократились (см. табл.29).

Таблица 29: склонение м.р. (подчёркнуты формы с накоренным ударением).

	а.п. <i>b</i>				а.п. <i>c</i>	
	односложная основа		основа с ером		кратк.	долг.
	кратк.	долг.	кратк.	долг.		
им.	<i>вòл</i>	<i>крáль</i>	<i>конéц</i> [-ǎc]	<i>нй́мéц</i> [-ǎc]	<i>бòг</i>	<i>грáд</i>
род.	<i>волà</i>	<i>крáльá</i>	<i>концá</i>	<i>пй́сца</i> [-ǎ]	<i>бòга</i>	<i>грáда</i>
дат.	<i>волу̀</i>	<i>крáльу</i> [-y̆]			<i>бòгу</i>	<i>грáду</i>
твор.	<i>коньèм</i>	<i>крáльéм</i>			<i>бòгом</i>	
мест.	<i>копу́и</i>	<i>крáльу</i> [-y̆]			<i>бòгу</i>	<i>грáду</i>
им.	<i>волѝ</i>	<i>крáльи</i> [-ì]	<i>концѝ</i>	<i>нй́мци́</i>	<i>stróyi</i>	<i>грáди</i>
род.	<i>волòв</i>	<i>крáльев</i>	<i>конéц</i> [-ǎc] <i>otcêw</i>	<i>нй́мец</i> [-ac] <i>пй́сцев</i>	<i>bogòw</i>	<i>градòв</i>
дат.		<i>крáльем</i> [-èt]	<i>otcét</i>	<i>пй́сцем</i> [-èt]	<i>stróiem</i>	<i>градом</i>
твор.	<i>волмѝ</i>	<i>крáльи</i> <i>крáльми</i>	<i>концѝ</i>	<i>нй́мци</i>	<i>bogmì</i>	<i>градмѝ</i>
мест.	<i>копуèch</i> [-īh]	<i>крáльих</i>	<i>концѝх</i>	<i>нй́мсеч</i> [-ih]	<i>domèch</i>	<i>градèх</i>

Действие закона Крижанича наблюдается во всех без исключения словах указанного типа. Необходимым условием для его действия является наличие двух долгот подряд, причём уже после падения еров. Это явствует из того, что ему подчиняются слова с павшими сверхкраткими, что видно, в частности, в производных со сверхкратким доминантным суффиксом. Они относятся к а.п. *b*, независимо от парадигмы производящего слова (а.п. *b* или *c*).

Так, закону Крижанича подчиняются все образования на *-*ьсь*, ср. *ота́ц, ота́ц⁶¹, otcěv*, но *свѣтец* [světãc], *свѣтцев*, на *-*ькъ*, ср. *добѣток* [-ãk], *dobitkow* (примеров мало, т.к. большинство слов с этим суффиксом, в т.ч. все краткосложные, вторично неподвижны), а также слова с ером в праславянской основе, ср. *орѣл*, род.мн. *орѣл* [orãl], твор.мн. *орли̑, послѣл* [posãl], *послѣв, со...посли̑*, но *јарем* [-ãt], *јармов, јарми* (см. табл. 30).

Таблица 30: существительные м.р. а.п. *b*.

		им.ед. и мн.	род., тв., мест.мн.
краткосложные	без беглой гласной	<i>лѣв, левѣ вѣл, воли̑ вѣр, воги̑ кѣнь, коньѣ мѣч палоши̑ (вар. палѣши) топорѣ постѣл свидѣк</i>	<i>левѣв, левми̑ волѣв, волми̑ вогѣв, вогми̑, вогѣх коньѣ, коньѣв, коньми̑, коньѣх тесчми̑ палошѣв, палошми̑ топорми̑, топорѣх постѣли̑, постѣлми̑ свидѣковѣ, свидѣкѣх</i>
	с беглой гласной в основе	<i>росѣл, послѣ орѣл, орли̑ огань, огньѣ ован, овни̑</i>	<i>послѣв, послѣ орѣл, орли̑ огньѣ овновѣ</i>
	с еровым суффиксом	<i>конѣц, конци̑ ота́ц, отци̑ новѣц, новци̑</i>	<i>конци̑, конци̑, конци̑х ота́ц, отцѣв, отци̑, otcěх новци̑</i>
долгосложные	без беглой гласной	<i>латѣни гри̑х, гри̑хи кравль, кравли̑ трѣд, трѣди̑ блѣд, блѣди̑ пѣт, пѣти̑ херват, хервати̑ господар, господари̑</i>	<i>latinow гри̑хов, гри̑хми кравлев, кравли̑ми, кравли̑х трѣдов, трѣдѣх bludmȋ пѣтов, пѣтѣх херватѣв, херватѣми, херватѣх господарѣв, господарѣми</i>
	с беглой гласной в основе	<i>вѣгер, вѣгри јарем, јарми̑ јарок, јарки̑ најем</i>	<i>вѣгров, вѣгри јармов, јарми̑ јарки̑ najtow</i>
	с еровым суффиксом	<i>нѣмѣц, нѣмци̑ свѣтец писѣс, писци̑ добѣток, dobitkȋ</i>	<i>нѣмцев, нѣмци, nitsecx свѣтцев писцев dobitkow</i>

Имеется несколько исконно краткосложных слов с удлинением неясного происхождения, они ведут себя как долгосложные, ср. *двор, двѣри, двѣров, двѣрми, двѣрѣх* (но и *dworѣх*); *господ, госпѣди, госпѣдми*, а также неясное *ножми* (при нормальных *пожи̑, пожевѣ*).

⁶¹ В этих формах, данных Крижаничем как пример «хорватского» диалекта, представлено сербохорватское отражение еров (обычно в текстах вместо /a/<*ь,*ь он пишет буквы 'e' или 'o').

Рассмотрим имена на *-*ьсь*. У Крижанича они могут относиться к а.п. *a* (от производящих а.п. *a*) и а.п. *b* (от производящих а.п. *b* и *c*). На какой-то стадии передвижения акцента (вправо с краткого доминантного), производные от а.п. *b* и от а.п. *c* слились в одном акцентном типе (а.п. *b*). Это слияние следует считать закономерным, т.к. оно имеет место также в производных на *-*ькъ*. В результате эти производные перераспределились по долготе или краткости корневого слога, подпав под действие закона Крижанича. В табл. 31 схематически изображена возможная эволюция производных на *-*ьсь* начиная со стадии, когда ударение ставилось на первую доминантную морфему (1). На стадии (2) место ударения указано условно, т.е. неизвестно, сдвигалось ли оно на слабые редуцированные (особенно на конечные). В результате какого-то смещения (3) получается состояние, отраженное у Крижанича (4).

Таблица 31: эволюция существительных м.р. а.п. *b*.

	от а.п. <i>a</i>	от а.п. <i>b</i>	→	←	от а.п. <i>c</i>
1	<i>stārьсь, stārьса</i>	<i>kòпъсь, kòпъса, kòпъсѣхъ</i> <i>něтъсь, něтъса, něтъсѣхъ</i>			<i>gòпъсь, gòпъса, gòпъсѣхъ</i> <i>světъсь, světъса, světъсѣхъ</i>
2		<i>копъсь, копъса, копъсѣхъ</i> <i>нѣтъсь, нѣтъса, нѣтъсѣхъ</i>			<i>гонъсь, гонъса, гонъсѣхъ</i> <i>světъсь, světъса, světъсѣхъ</i>
3					
4	<i>stārac, stārca</i>	<i>konàc, koncà, koncīh</i> <i>gonàc, goncà, goncīh</i>			<i>nīmàc, nīmçà, nīmcih</i> <i>svētàc, svētçà, svētcih</i>

Как бы то ни было, если это совпадение в едином акцентном типе целиком не обязано аналогии, а хотя бы частично обусловлено фонетической эволюцией, то при данной интерпретации закон Крижанича выглядит скорее как поздняя оттяжка ударения назад, иначе пришлось бы восстанавливать два разнонаправленных процесса приблизительно в одно и то же время: **světъса > *světъса́* и **světъсѣхъ > *světъсѣхъ́*. А если это действительно поздняя оттяжка (уже после падения еров), то двухступенчатое изменение (сначала сдвиг с краткого доминантного, а затем оттяжка с долгого на долгий): **světъсѣхъ > *svēt(ь)сѣх(ь) > *svētçēh*, кажется фонетически более оправданным решением.

2.7.2.2. Членные формы прилагательных. Поведение непродвиженных прилагательных было описано выше: в членных формах они всегда имеют накоренное долготное ударение. Точно так же ведут себя членные формы страдательных причастий на *-en-* и *-an-*, имеющих в нечленных формах наконечное ударение. В их членных формах ударение долготно и стоит на суффиксе (см. табл. 32), как будто оно оттянуто с окончания на удлинённый суффикс.

Таблица 32: страдательные причастия а.т. В на *-en*.

		нечленные			членные		
		м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.
ед.	им.	<i>речѣн</i>	<i>реченó</i>	<i>reczená</i>	<i>reczêni</i>	<i>razorênoe</i>	<i>речѣнаја</i>
				<i>okruglyenú</i>			<i>iziwlyênuiiu</i>
	род.	<i>uczinyenogó</i>		<i>uczinyenije [ě]</i>	<i>reczênego</i>		<i>reczênije</i>
	дат.	<i>uczinyenomú</i>		<i>skonczenóy</i>	<i>речѣному</i>		
	твор.	<i>neplačením</i>			<i>zawliczênim</i>		<i>reczênoiu</i>
	мест.	<i>удвоенóm</i>			<i>reczênom</i>		
мн.	им.			<i>учиньенí [ě]</i>		<i>речѣна</i>	<i>складѣније</i>
	вин.			<i>nasziweníje [ě]</i>			
	р.-м.	<i>складенíх suszeníх</i>			<i>речѣних</i>	<i>priwedênich</i>	
	дат.				<i>izreczênim</i>		
	твор.	<i>ustroieními</i>			<i>urožênimi</i>		

Прилагательные же, образованные с помощью сверхкратких суффиксов, ведут себя иначе. Разберём прилагательные с суффиксом *-*ьп-*. Этот суффикс рецессивен, поэтому данные прилагательные имеют все три акцентных парадигмы. От а.п. *a*: *вѣрен*; от а.п. *b* (краткосложных нет), долгосложные: *бѣден* [bĭdàn], *бѣдно*; от а.п. *c*, краткосложные: *гóден*, *гóдно*, *godná* и *гóдна*; долгосложные: *дѣвен* [dĭvan], *дѣвно*. У Крижанича нечленное склонение прилагательных (в т.ч. и непроеизводных) а.п. *b* отличается от а.п. *c*, по сути дела, только формами м.им.ед., ж.им.ед. и ж.вин.ед. Многие прилагательные этой группы имеют по два или более вариантов, ср. *рáзен*, *raznó*, *рāзніх*, *разніх*.

Поведение членных форм а.п. *a* тривиально: они сохраняют колонное краткое ударение на корне (старый акут), ср. *rátное* [rătno], *бесѣдних*, *прáведен*⁶². В чл.ф. а.п. *b* и *c* наблюдается довольно чёткое распределение по количеству корня: краткосложные получают долготное ударение на первом слоге окончания, ср. средний род: им.ед. *krestnôe*, род. *krestnôgo* [kərstnôga], дат. *krestnômu*, твор. *krestnîm*, ср.мест. *krestnôm*, мн.им. *krestnâia*, женский род: *žiwotnâia*, вин. *животнѣу*; долгосложные – накоренное ударение, ср. *дáвний*, *дáвном(у)*, *bĭdnaia* [-a], *бѣдного*, *bĭdnich* и др. То же относится к а.п. *c*, ср. краткосложные: *воднѣ*, *rodnôgo*, *wodnâia*, *rodnôgo*, *zemnôe* и др., долгосложные: *лѣшний*, *лѣшного*, *тѣсноје* [-o], *dĭwnich* и др. (при нескольких исключениях типа *ручнó*, *ручнóm* от *рѣка*, *рѣку*). Наиболее чётко распределение видно по им.м. (см. табл. 33 и 34).

⁶² Ср. также *нарóдний*, ср.мн. *нāróдна* от иммобилизованного *нāród*.

Таблица 33: прилагательные на *-*ьл-* от производящих а.п. *b*.

	производящее	нечленные формы	членные формы	глагол на <i>-i-</i>
крат- косл.	<i>krést</i>		<i>krestnôe</i> ⁶³	<i>керстѣм</i>
	<i>живòт, животà</i>		<i>животнѣју</i>	
долгосложные	<i>рѣка, рѣку</i>		<i>рѣчнѣ</i>	
			<i>лѣшнѣ</i>	<i>лѣшим</i>
	<i>бѣда, вин.мн. bidí</i>	<i>бѣден, бѣдно</i>	<i>bídny</i>	<i>бѣдим</i>
		<i>дāвен, дāвно</i>	<i>дāвнѣ</i>	
	<i>krasí (род.) ?</i>	<i>крāсен, krasní</i>	<i>krāsnom</i>	<i>красѣм</i>
	<i>грѣх, грѣхи</i>	<i>грѣшен</i>	<i>грѣшному</i>	<i>грѣшим</i>
колебание (?)	<i>tugá, tugú, род. тугѣ</i>	<i>túžno</i>	<i>тужнѣ</i>	<i>тужим се</i>
	<i>блуд, блудѣ</i>	<i>блуднā, блудно</i>	<i>blúdnije (род.ед.)</i>	<i>блудим</i>
		<i>скуден, skudnā скудно</i>	<i>скудна</i>	<i>скудим</i>

Таблица 34: прилагательные на *-*ьл-* от производящих а.п. *c*.

	производящее	нечленные формы	членные формы	глагол на <i>-i-</i>
краткосложные	<i>вòз, вòзу (мест.)</i>		<i>вознѣ</i>	<i>вòзим (а.п. b)</i>
	<i>водà, вòду</i>		<i>воднѣ</i>	<i>воднѣм</i>
	<i>рòд, рòдом (твор.)</i>		<i>роднѣ</i>	<i>родѣм</i>
	<i>зòру, зорѣ (род.)</i>		<i>зорнѣ</i>	
	<i>ногà, нòгу</i>		<i>ножнѣ</i>	
	<i>земльà, зéмльу</i>		<i>земнѣ</i>	
	<i>нощ, нощѣ</i>		<i>пощнѣ</i>	
долгосложные	<i>глāвā, глāву</i>		<i>глāвнѣ</i>	
	<i>дѣшā, дѣшу</i>		<i>дѣшнѣ</i>	<i>дѣшим</i>
	<i>дѣво</i>	<i>дѣвен, дѣвно</i>	<i>дѣвнѣ</i>	<i>дѣвим се</i>
	<i>дòлг, дòлги</i>	<i>dòlžen, dòlžno, dolžnā</i>	<i>dòlžnogo</i>	<i>должѣм</i>
		<i>тѣсен, тѣсно, tesnā</i>	<i>тѣсноје</i>	<i>тѣснѣм</i>
сокращ. и/или колеб. (?)	<i>рѣка, рѣку</i>		<i>ручнò, ручнòм</i>	<i>ручѣм се</i>
	<i>въ јāв, въ јāви</i>	<i>јāвен, јāвно, јāвнā</i>	<i>јāвнѣм (твор.ед.) јāвнѣч</i>	<i>јāвѣм</i>
	<i>шѣм, шѣмом</i>	<i>шѣмѣн шѣмен</i>	<i>шѣмнѣ</i>	<i>шѣмѣм</i>

В праславянском членные формы прилагательных а.п. *c*, очевидно, получали ударение на окончании: **dǫlžьnь-ьъ>*dǫlžьnь-ьъ>*dǫlžьnь-i*. Если в таких формах ударение в итоге оказалось на корне в результате фонетического процесса, то мы, видимо, имеем здесь дело не с чем иным как с законом Крижанича. Причём условия для его действия создались после падения еров, иначе не получилось бы двух долготных слогов подряд. Таким образом, в действии закона Крижанича в данном случае можно усматривать только оттяжку влево с долгого на долгий. Для такой реконструкции, естественно, необходимо предположить, что сокращение перед долготным ударением после падения еров уже не действовало.

⁶³ Но и один раз *kréstnoe*. Из русского?

В краткосложных же формах условий для действия закона Крижанича не было, т.к. в них не удлинился корень. Краткость корня, судя по всему, сохранилась благодаря наличию между ним и стянувшимся окончанием ещё не павшего ера.

Это отличает суффиксальные прилагательные от непроеизводных, которые в членных формах всегда имеют долготный корень. После удлинения корня непосредственно перед стянувшимся окончанием должны были возникнуть два долготных слога подряд. Таким образом, можно предположить, что акцентное поведение членных форм непроеизводных прилагательных не связано с аналогическим обобщением, а является результатом оттяжки ударения на корень, т.е. закона Крижанича. Если это верно, то эволюцию членных форм прилагательных можно представить себе следующим образом (см. табл. 35).

Таблица 35: эволюция непроеизводных прилагательных.

	от а.п. <i>a</i>	от а.п. <i>b</i>		от а.п. <i>c</i>	
		кратк.	долг.	долг.	кратк.
1	<i>mǎlъ-jь</i>	<i>dǒbrъ-jь</i>	<i>mǒdrъ-jь</i>	<i>světъ-jь</i>	<i>prostъ-jь</i>
2	<i>mǎlъ-i</i>	<i>dobrъ-jь</i>	<i>mǒdrъ-jь</i>	<i>světъ-jь</i>	<i>prostъ-jь</i>
3	<i>mǎlъ-i</i>	<i>dobrъ-i</i>	<i>mǒdrъ-i</i>	<i>světъ-i</i>	<i>prōstъ-i</i>
4	<i>mālī</i>	<i>dōbrī</i>	<i>mūdrī</i>	<i>světī</i>	<i>prōstī</i>
5	<i>māli</i>	<i>dōbri</i>	<i>mūdri</i>	<i>světi</i>	<i>prōsti</i>

	от а.п. <i>a</i>	от а.п. <i>b</i>		от а.п. <i>c</i>	
		кратк.	долг.	долг.	кратк.
1	<i>rǎtъnъ-jь</i>	<i>kъrstъnъ-jь</i>	<i>bědnъ-jь</i>	<i>dǎlъznъ-jь</i>	<i>rodъnъ-jь</i>
2		<i>kъrstъnъ-jь</i>	<i>bědnъ-jь</i>	<i>dǎlъznъ-jь</i>	<i>rodъnъ-jь</i>
3	<i>rǎtъnъ-i</i>	<i>kъrstъnъ-i</i> ⁶⁴	<i>bědnъ-i</i> ⁶⁴	<i>dǎlъznъ-i</i>	<i>rodъnъ-i</i>
4	<i>rǎtnī</i>		<i>bědnī</i>	<i>dǎlznī</i>	
5	<i>rǎtni</i>	<i>kъrstnī</i>	<i>bīdni</i>	<i>dǎlznī</i>	<i>rodnī</i>

2.7.2.3. Некоторые формы глаголов на -i-. Исконные три парадигмы преобразуются в несколько групп в зависимости от акцентных валентностей основы и форманта -i-. Глаголы а.п. *a* дают стабильные рефлексy с постоянным краткостным ударением на корне (отражающим праславянский акут), ср. *мірим*, инф. *мірит* < **měriti*.

Глаголы а.п. *b* разбиваются на три группы. Долгосложные получают в настоящем времени новоакутовое ударение на корне. Сюда входят многочисленные деноминативы, ср. *судим*, *судит*, *судил*, и несколько старых итеративов (?), ср. *служим*, *првлāчит*, *служил*.

⁶⁴ Здесь приходится предполагать перенос ударения на окончание для объяснения смешения а.п. *b* и *c* в членных формах прилагательных. Впрочем, то же самое явно произошло в именах с еровыми суффиксами (см. 2.6.2).

Краткосложные глаголы а.п. *b* ведут себя двояко. Они разбиваются на две группы на основании соответствий форм Крижанича, словенского языка и староболгарских памятников [Дыбо 2000: 421]. Меньшая группа получает накоренное ударение, ср. *но́сим, носі́ти, носі́л*. Эта группа получила название праславянской а.п. *b₁*. По-видимому, сюда в основном входят старые итеративы (к ней же относятся долгосложные итеративы а.п. *b*, хотя у Крижанича они ведут себя как и все остальные долгосложные глаголы а.п. *b*). Другая, более крупная группа регулярно получает в словенском и у Крижанича насуффиксальное ударение, ср. *коті́м се*, и полностью сливается с а.п. *c*. Эти глаголы продолжают прасл. а.п. *b₂*.

Глаголы а.п. *c* у Крижанича, в основном, конечноударны (об исключениях см. ниже), независимо от исконной долготы гласного. Что естественно, т.к. эта долгота сокращалась точно так же, как в подвижных существительных, ср. исконно долгослжные: *граді́м, граді́т, граді́л*; краткосложные: *клоні́м, склоні́ли*.

В перечисленных типах выделяется группа форм, имеющих накоренное ударение. Кроме а.п. *a* (где все формы таковы), сюда входят формы настоящего времени (во всех лицах и числах), причастия настоящего времени и страдательного причастия глаголов а.п. *b₁* и долгосложных глаголы а.п. *b₂*. Все остальные формы конечноударны (см. табл. 36). В формах глаголов *b₁* накоренное ударение ожидаемо (см. табл. 37), а вот в формах настоящего времени и причастия настоящего времени долгосложных глаголов а.п. *b₂* явно наблюдается действие закона Крижанича. Оговорка: в рамках нашей трактовки накоренное ударение страдательных причастий долгосложных глаголов а.п. *b₂* (ср. *хвѣльєн*), в которых суффикс краткосложен, следует, видимо, признать аналогическим (извлечённым из настоящего времени или являющимся результатом слияния с долгосложными глаголами а.п. *b₁*).

Таблица 36: глаголы на *-i-* (обведены формы с накоренным ударением).

	а.п. <i>b₁</i>		а.п. <i>b₂</i>		а.п. <i>c</i>	
	краткосл.	долгосл.	долгосл.	краткосл.	долгосл.	краткосл.
инф.	<i>воді́т</i>	<i>провлѣ́чит</i>	<i>хвѣ́літ</i>	<i>твори́т</i>	<i>чині́т</i>	<i>лові́т</i>
импер.	<i>води́</i>		<i>хвѣ́літе</i>	<i>твори́</i>	<i>чині́</i>	
<i>l</i> -прич.	<i>води́л</i>	<i>слѹ́жіл</i>	<i>хвѣ́лили</i>	<i>твори́л</i>	<i>чині́л</i>	<i>годи́ло</i>
прич.прош.	<i>води́вши</i>			<i>твори́вши</i>	<i>чині́вши</i>	
аорист	<i>води́х</i>		<i>сѹ́дихом</i>	<i>твори́х</i>	<i>чині́х</i>	
имперфект	<i>воджа́хи</i>	<i>lyublyásze</i>		<i>творја́хи</i>	<i>чинья́хи</i>	<i>коша́хи</i>
1.ед.наст.	<i>во́дим</i>	<i>льѹ́бим</i>	<i>хвѣ́лим</i>	<i>твори́м</i>	<i>чині́м</i>	<i>лови́м</i>
прич.наст.	<i>во́дещ</i>	<i>lyúbeći</i>	<i>chwálec</i>	<i>творѣщ</i>	<i>учинѣщ</i>	<i>lowêc</i>
прич.страд.	<i>во́джен</i>	<i>lyúblyen</i>	<i>хвѣ́льєн</i>	<i>творѣн</i>	<i>чиньѣн</i>	<i>ловльѣн</i>

Таблица 37: страд. прич. от а.п. b_1 (подчёркнуты неожиданные формы)

наст.1.ед	страд.прич.	имя действия
<i>вóдим</i>	<i>вóджен</i>	
<i>вóзим</i>	<i>вóжен</i>	<i>вóженје</i>
<i>гóним</i>	<i>гóньен</i>	<i>гóньенје</i>
<i>лóмим</i>	<i>лoмльѐн</i>	<i>лoмльѐнје</i>
<i>мóлим</i>	<i>мóльен</i>	<i>мóльенје</i>
<i>нóсим</i>	<i>нóшен</i>	<i>нóшенје</i>
<i>хóдим</i>		<i>хóдженје</i>
<i>пóстим</i>		<i>пóшценје</i>
<i>прóсим</i>	<i>прóшен</i>	<i>прóшенје</i>
<i>тóмим</i>	<i>утóмльен</i>	<i>утóмльенје</i>

К краткосложным глаголам а.п. b_1 относятся ещё: *тóчим*, *вóлим*, *скóчим*, *жéним* (последний глагол явно отымённый, как и *пóстим*).

Как сказано выше, краткосложные глаголы а.п. b_2 (отымённые) у Крижанича неотличимы от глаголов а.п. c . Различие между ними, собственно, устанавливается внешним сравнением, главным образом, по соответствиям в болгарском [Дыбо 2000: 467], где глаголы а.п. b_2 имеют накоренное ударение (как в а.п. b_1), ср. болг. *кóтя се*, в отличие от глаголов а.п. c с насуффиксальным ударением, ср. болг. *трошá*.

Здесь, однако, можно и не прибегать ко внешнему сравнению. Коль скоро глаголы а.п. b_2 являются деноминативами, они должны наследовать акцентную парадигму порождающих имён. Взглянув на последние, легко установить, что у Крижанича глаголы, по внешним соответствиям к относимые к а.п. c , за редкими исключениями образованы от имён а.п. c , а глаголы, относимые к а.п. b_2 образованы от имён а.п. b или а.п. c (см. табл 38). Важно отметить, что в этом случае порождающие а.п. c все относятся к мужскому роду, т.е. могут продолжать балтославянские имена мужского рода а.п. b (согласно правилу Иллич-Свитыча) или относиться к а.п. d в других диалектах (здесь мы не будем вдаваться в проблематику а.п. d)⁶⁵.

Кроме глаголов, перечисленных в табл. 38:

к краткосложным глаголам а.п. b_2 относятся также: *голíм* (*гòл*, *голѝ*), *дождьíм* (*дòждь*, *дождь̀*), *двори́м* (*двòр*, *двòру̀*), *злоби́м* (*злoбá*, *злoб̀*) и др.;

к краткосложным глаголам а.п. c относятся также: *доьíм*, (*o*)*глобíм*, (*по*)*клонíм* (но и (*по*)[*кл*]*óним*), (*у*)*корíм*, (*по*)*крoьíм*, (*за*)*коснíм*, (*на*)*пoьíм*, (*у*)*топíм*, (*o*)*трошíм* (*се*), (*за*)*звонíм*, (*об*)*рoьíм се*, (*на*)*росíм*, (*o*)*слободíм*, (*з*)*ловíм* и др.

В этом типе имеются несоответствия, ср. (*o*)*бременíм* (*bréte*, *brémena*), (*за*)*коренíм* (*кóрен*, *кóрена*) и некоторые другие, а глагол *морíм* в болгарском относится к а.п. c .

⁶⁵ Ср. также *вòз*, *вóзу* *wozêch*, (а.п. c и/или, возможно, в других диалектах а.п. d , см. ОСАС), от которого мог быть образован глагол *вóзим* (а.п. b_1), могший быть как итеративом, так и деноминативом.

Таблица 38: краткосложные глаголы на *-i-*. (подчёркнуты неожиданные формы)

а.п.	производящее	наст.1.ед	прич.страд.	имя действия
b ₂	гóвор (с?)	говори́м	говорѐн <u>igowóren</u>	говорѣнѣ <u>говóренѣ</u>
	kosámi	коси́м	кошиѐн	кошиѣнѣ
	krést	керсти́м		krescĕnia
	лóже (с)	ложи́м	поло́жен podložén	
		разори́м	razorĕn	razorĕnie
	óстер, óstro, ostrogó	(за)остри́м	обострѐн	
	плóд, плóда (с)	плоди́м се		
		пестри́м	упестрѐн	
	свидòк, свидокóв	свидочи́м		
	селò, селу́	сели́м се	насельѐн	сельѣнѣ
	сòл, сóли (с)	прео-соли́м	соельѐн	соельѣнѣ
	stróу, stróyi (a)	строи́м	ustroĕn	строьѣнѣ
		топи́м	топельѐн	
		(с)створи́м	творѐн	творѣнѣ
morá, moróm	(у)мори́м	уморѐн	уморѣнѣ	
с	чѣст, чѣсти	(у)части́м	czesĕcĕn	
	гòд, гòда, godów	(у)годи́м		угожѣнѣ
	гòст, гòста, gostów	(у)гости́м		gosĕcĕnie
	grozà, grózu	(за)грози́м (се)	гроженѐн	грожѣнѣ
	лѣст, лѣсти, lestmĭ	(пре)лести́м		
	мѣст, ср. помѣст	(по)мести́м се		
	слòво, слóва	благослови́м	благословѐн	благослов(ль)ѣнѣ
	вѣсел, weselá	весели́м (об-)		
	прòст, прóсто, простá	(о)прости́м	опрошĕcĕn	прошĕcĕnѣ
	рòд, гòду	(у)роди́м	родженѐн	

У долгосложных глаголов а.п. с корневая долгота сокращена во всех формах, кроме императива 2.ед. (всего пара примеров), что ожидаемо, т.к. там старый акут сократился в исходе слова, тем самым устранив условия для праславянского сокращения перед акутом (примеры без сокращения: *чїни́, учїни́*, но с сокращением: *гради́*). В формах же а.п. b₂ – настоящего времени (ср. *хвѣлим*) и причастия настоящего времени (ср. *chwálec*) долгосложных глаголов мы имеем дело с двумя долготами подряд, что создаёт условия для действия закона Крижанича.

Возвращаясь к страдательному причастию, следует предположить, что здесь, видимо, успели пройти какие-то аналогические процессы. Наряду с предсказываемым накоренным ударением изредка встречается и конечное, ср. *ломльѐн* (от *лòвим*), *lyublyĕni* (от *льúbим*, при *lyúblyen, ulyúblyeni* и др.).⁶⁶ Можно считать, что здесь колебания минимальны (хотя примеров крайне мало⁶⁷). Однако в именах действия на *-enje*, образованных от этих причастий, колебания носят системный характер. Вот что Крижанич пишет, говоря о различных способах

⁶⁶ Изданию «Политики» не следует слишком доверять (прежде сплошной его сверки с рукописью), тем более что остальные конечнударные формы относятся к акцентному типу В (ср. *учиньени́*).

⁶⁷ Дело в том, что долгосложных глаголов а.п. b₁ всего несколько: **ľubiti, *svĕtiti, *služiti, *měsiti, *volĕiti*.

написания рефлекса прасл. *-*stj-* ([šć] в его говоре): «От *Пуст, Напусти́ти: пйши́. Напу́щенје, Напушчѣ́нје*» [ОВ 45°], из чего может следовать, что долгосложные подвижные глаголы а.п. *c* (в данном случае *пустѣм*) регулярно давали колебания в ударении при образовании отглагольного имени. И действительно, эти имена от долгосложных глаголов от а.п. *c* (а также от а.п. *b*) могут иметь оба ударения, причём накоренное в них последовательно проводится только в «Объяснении» (см. табл. 39). В краткосложных, видимо, колебаний почти нет, однако ср. *ломльѣ́нје* (что соответствует причастию *ломльѣ́н*, больше примеров насуффиксального ударения нет, при нормальном *мо́льенје, хо́дженје* и др.). По-видимому, положение, отражённое в текстах Крижанича, свидетельствует о начальной стадии слияния глаголов а.п. *b* и а.п. *c* глаголов на *-i-*.

Что касается долготы в суффиксе *-ѣнје*, в нём, возможно, представлено закономерное удлинение перед сонантом в слоге перед павшим ером (или это удлинение перекрывает более раннее удлинение перед стяжением).

Кроме глаголов, перечисленных в табл. 39:

к долгосложным глаголам а.п. *b₁* относятся также: *свѣ́тим, мѣ́сим*;

к долгосложным глаголам а.п. *b₂* относятся также: *бѣ́лим (bĕl, beló, belá), (у)гнѣ́здим (gnyezdó), (из)лѣ́чим (lĭk, lĭkom), (со)блѣ́зим, (с)кльѣ́чим (кльѣ́чи), (о)крѣ́жим (крѣ́г, krugó, но род. kŕuga), прѣ́зим (прѣ́зен, praznó)* и др.;

к долгосложным глаголам а.п. *c* относятся также: *глушѣ́м (глѣ́х), дарѣ́м (дѣ́р, dâra), должѣ́м (дóлг, дóлги), сушѣ́м (сѣ́х, sŭcho), (дѣ́л), душѣ́м (дѣ́ша, дѣ́шу), густѣ́м (гѣ́ст, гѣ́сто), растѣ́м (рѣ́ст, râsta), смишѣ́м (смѣ́х), снижѣ́м (снѣ́г), златѣ́м (злѣ́то)* и др.

Впрочем, нескольким глаголам а.п. *c* соответствуют производящие а.п. *b*, ср. *гришѣ́м (грѣ́х, грѣ́хи, грѣ́шен), красѣ́м (род. krasĭ, krâsen, krasnĭ)*.

Часть глаголов, для которых на основании внешних соответствий и а.п. производящих восстанавливается а.п. *c*, имеют у Крижанича накоренное ударение, ср. *блѣ́жим, крѣ́пим, лѣ́ним се, пу́стим, слѣ́пим, жѣ́вим, твѣ́рдим, цѣ́лим, лѣ́шим*. В некоторых случаях его, вероятно, можно объяснять аналогией с членными формами прилагательных, однако оно может быть и проявлением рано начавшейся (и далеко зашедшей в современных чакавских диалектах) тенденции к обобщению оттяжки с суффикса на гласные *ě, i, u*.

Таким образом, у долгосложных глаголов на *-i-* последовательно различаются акцентные кривые а.п. *b₂* и а.п. *c*. Очевидно, что это различие связано с наличием или отсутствием двух долгот подряд. В формах глаголов а.п. *b₂*, по-видимому, имелись условия для действия закона Крижанича, в отличие от форм глаголов а.п. *c*, где корневая долгота должна была раньше сократиться перед долготным ударением. Значит, тут произошло ровно то же самое, что в именах а.п. *b* (см. выше). Следует оговориться, что долготу в инфинитивах глаголов а.п. *b₂* в рамках такой трактовки необходимо признать аналогической: она должна была сократиться перед старым акутом, а затем быть восстановленной по аналогии с настоящим временем (подробности см. в [Дыбо 2000: 87]).

Таблица 39: долгосложные глаголы на *-i-*.

а.п.	производящее	наст. 1.ед	прич.страд.	имя действия	
				ОВ	ГИ и Пол.
<i>b</i> ₁	<i>льўб</i>	<i>льўбим</i>	<i>lyúblyen</i>		
	<i>влâк, влâка (с)</i>	<i>(за)влâчим</i>		<i>завлâченје</i>	<i>завлачёнје</i>
	<i>слўга, слўге</i>	<i>слўжим</i>			<i>wislužènie</i>
<i>b</i> ₂	<i>хвâла, chwâlu</i>	<i>хвâлим</i>	<i>хвâльен</i>	<i>хвâльенје</i>	<i>chwalyènya</i>
	<i>chulá, chulú</i>	<i>хўлим</i>	<i>хўльен</i>	<i>хўльенје</i>	
	<i>wâbmi</i>	<i>(з)вâбим</i>	<i>вâбльен</i>	<i>вâбльенје</i>	
	<i>знâк, знâка (с)</i>	<i>(о)знâчим</i>	<i>paznâczen</i>	<i>ознâченје</i>	
	<i>врâта</i>	<i>врâтим (об-)</i>	<i>prîwřâcen</i>	<i>преврâщенје</i>	<i>otwraçènie</i>
	<i>крâль, крâльá</i>	<i>крâльим</i>			
	<i>лўк, лўка (с)</i>	<i>(раз)лўчим</i>	<i>отлўчен</i>	<i>разлўченје</i>	<i>прилўченју</i>
	<i>блўд, блўдї</i>	<i>(за)блўдим</i>	<i>облўжен</i>		<i>pobluzènie</i>
<i>сўд, судá</i>	<i>(об)сўдим</i>	<i>сўджени</i>		<i>расзуджёнје</i>	
<i>c</i>		<i>(с)пустїм</i>	<i>opusçén, à</i>	<i>напушщенје</i>	<i>напушчёнје</i>
	<i>дїво</i>	<i>(за)дивїм</i>		<i>удївльенје</i>	<i>удивльёнју</i>
	<i>рўка, рўку</i>	<i>(за)ручїм</i>	<i>poruczenї</i>		<i>поручёнје</i>
	<i>чїн, чїном</i>	<i>(у)чинїм</i>	<i>чиньён</i>		<i>чиньёнје</i>
	<i>ўк (?)</i>	<i>(на)учїм</i>	<i>учён</i>		<i>учёнје</i>
	<i>грâд, грâда</i>	<i>(о)градїм</i>	<i>граджён</i>		<i>граджёнје</i>
	<i>дїл</i>	<i>(раз)дилїм</i>	<i>дѣльён</i>		<i>дильёнје</i>

Если верно, что в формах глаголов а.п. *c* корневая долгота фонетически сократилась непосредственно перед долготным ударением на тематическом гласном, вполне естественно было бы ожидать отсутствие сокращения в случаях, когда между корнем и тематическим гласным имелся ещё один слог. Ведь в существительных с ером в суффиксах (как *свѣтец*, *свѣтцев*) и в членных прилагательных с суффиксом *-*ьп-* (как *дўшнїнь*) сокращения перед долготными окончаниями не было. Более того, как мы предположили выше, благодаря сохранению долготы, такие имена, образованные от производящих а.п. *c*, получили накоренное ударение по закону Крижанича. И действительно, большинство глаголов на *-i-*, образованных от долгосложных прилагательных с суффиксом *-*ьп-* а.п. *c* показывают накоренное ударение (примеров мало, см. табл. 40), что можно объяснить действием закона Крижанича. Так же, как в случае с именами, мы вынуждены здесь восстанавливать позднюю оттяжку (после падения еров).

Таблица 40: глаголы с суффиксом *-п-*.

производящее	глагол без <i>-п-</i>	глагол с <i>-п-</i>
<i>тїсен, tēsno, tesná</i>		<i>тїсним (тиснїм)</i>
<i>gladnї, глâд, glâdu, óд гладу</i>		<i>глâдним</i>
<i>лâден лâдно (сокр.)</i>	<i>лâдим</i>	<i>полâдним</i>
<i>сквѣрна</i>		<i>сквѣрним</i>
?	<i>садїм</i>	<i>сâдним</i>

Имеется несколько исключений. Так же ведёт себя *очёрним* (ср. *чёрн*, дат.мн. *чёрнѣм* без ера). В ряде случаев всё-таки наблюдаются конечноударные глаголы, образованные от прилагательных указанного типа, их всего два-три, ср. *разнѣм се* (впрочем, долгота корня в прилагательном *рѣзен*, *газнѣ*, *рѣзнѣх*, видимо, колеблется), *гаднѣм* (при *гадѣм*), ср. *гѣднѣја*.

Однако представляется, что и в долгосложных глаголах а.п. с с рецессивным суффиксом *-*ьл-* мы наблюдаем то же явление, что и в рассмотренных выше именах с рецессивными суффиксами. Это ещё раз наводит на мысль о фонетическом явлении оттяжки с долгого на долгий, отразившимся в действии закона Крижанича.

2.7.2.4. Страдательные причастия на *-*ān-*. От глаголов а.п. *a* причастие всегда получает а.т. А, ср. *бѣжем*: *бѣјам*, *дѣлам*: *здѣлан*. Причастия от остальных глаголов распределены по закону Крижанича: причастия от глаголов с долготным корнем получают колонное долгое ударение на корне, а при краткостном корне ударение наконечное. Распределение не знает исключений (см. табл. 41 и 42).

Образованные от этих причастий глагольные имена на *-anje* с долготными корнями чаще всего получают насуффиксальное ударение, но имеется и немало примеров на накоренное ударение, соответствующее ударению причастия. Подобно именам на *-enje*, они получают накоренное ударение только в «Объяснении», в остальных текстах ударение последовательно наконечное (кроме *вѣзанја*).

Таблица 41: глаголы на *-je/-a-* (обведены формы с накоренным ударением).

	краткосл.	долгосл.
инф.	<i>искáт</i>	<i>кāзат</i>
импер.	<i>јсци́ [išcī]</i>	<i>кāжі́</i>
I-прич.	<i>iskàl</i>	<i>кāзал</i>
прич.прош.		<i>казáвши</i>
аорист		<i>кāзах</i>
имперфект	<i>iskāchu</i>	<i>казáхи</i>
1.ед.наст.	<i>јсцем [išcēm]</i>	<i>кáжем</i>
прич.наст.	<i>јшциуциѣ</i>	<i>пѣшущ</i>
прич.страд.	<i>исканà</i>	<i>кáзан</i>

Таким образом, указанные страдательные причастия ведут себя так же, как и все остальные формы, в которых возникают две долготы подряд. В соответствующих долготных именах действия, по-видимому, имеются системные колебания. Можно предполагать, что в говоре Крижанича они факультативно подчинялись закону Крижанича. Не вполне ясно, почему накоренное ударение в них он последовательно проводит только в «Объяснении». Как бы то ни было, нельзя исключить аналогическое воздействие форм настоящего времени. Вероятно, в диалекте Крижанича шёл процесс обобщения в именах действия на *-anje* и *-enje*.

В немногих примерах производных на *-*ьсь*, образованных от этих причастий тоже проявляется действие закона Крижанича, ср. *послáнец* (причастие относится к а.п. В, чередующемуся с начальным ударением *razaslaní, póslana*), но *скѣтанец*.

Таблица 42: страд. причастия на *-an-*.

	1. ед. наст.	страд. причастие	имя действия, ударение:	
			на корне (ОВ)	на суффиксе
долгосложные	<i>пѣшем</i>	<i>пѣсан, написана</i>	<i>пѣсанѣ</i>	<i>писáнѣ, описáнѣ</i>
	<i>вѣжем</i>	<i>свѣзана, вѣзаних</i>	<i>вѣзанѣ (ГИ)</i>	
	<i>кáжем</i>	<i>кáзан, откáзана</i>	<i>изкáзанѣ</i>	<i>изказáнѣ</i>
	<i>зѣждем</i>	<i>зѣдан, созѣдана</i>		<i>zidánie, sozidánie</i>
	<i>дáвам</i>	<i>дáван</i>	<i>дáванѣ</i>	<i>wdawánie (даѣнѣ)</i>
	<i>мóрам</i>	<i>примóран</i>		
	<i>почѣтам</i>	<i>почѣтан</i>		<i>predpočitánie</i>
	<i>мѣшам</i>	<i>смѣшан, мѣšana</i>	<i>смѣшанѣ</i>	<i>mešánie</i>
	<i>ужѣвам</i>	<i>ужѣван, ужѣвана</i>	<i>ужѣванѣ</i>	<i>уживáнѣ</i>
	<i>влáдам</i>	<i>влáдан</i>		<i>владáнѣ</i>
	<i>спáвам</i>			<i>спавáнѣ</i>
	<i>рѣкам</i>			<i>изрикáнѣ</i>
	<i>пѣтам</i>	<i>опѣтан</i>	<i>пѣтанѣ</i>	<i>питáнѣ</i>
	<i>помѣнам</i>			<i>поминáнѣ</i>
<i>кáрам</i>	<i>пока́ран</i>		<i>кагáнѣ</i>	
краткосложные	<i>ѣсцем</i>	<i>исканá</i>		<i>искáнѣ</i>
	<i>ѣмльем</i>	<i>ѣмáн</i>		<i>ѣмáнѣ</i>
	<i>воу́jem</i>	<i>звоѣвáн</i>		<i>воѣвáнѣ</i>
	<i>венчáм</i>	<i>wenczán</i>		<i>венчáнѣ</i>
	<i>кончáм</i>	<i>okoncán</i>		<i>кончáнѣ</i>
	<i>держѣм</i>	<i>deržan, deržani, obderžanà</i>		<i>держáнѣ</i>
	<i>тежѣм</i>	<i>изтежáн, obtežanà</i>		<i>изтежáнѣ</i>
	<i>боѣм се</i>	<i>боѣн</i>		<i>боѣнѣ</i>

2.7.2.5. Производные существительные на *-*ьstvo*. После падения еров в этих образованиях удлинилось окончание (см. 2.4.4). Закон Крижанича здесь действует последовательно только в а.т. В.

Таблица 43: имена на *-stvo* (подчёркнуты неожиданные формы).

производящая:	а.п. <i>b</i>	а.п. <i>c</i>
долготные	<i>бáнство</i> <i>пиѣнство</i> <i>господáрство</i> <i>ѣдѣнство</i> <i>тежáчство</i> <i>дрáчство</i> <i>ковáчство</i>	<u><i>кнежство</i></u> <i>льúдство, льудство</i> (×1) <i>свѣтство</i>
		<i>жидóвство</i> <i>синóвство</i>
краткостные	<i>воѣство</i> <i>свидочство</i>	<i>божство</i>

2.7.2.6. Производные существительные на *-*ьнѣкъ*. В производных от а.п. *c* закон Крижанича не действует, а производные от а.п. *b* как правило долготны (кроме *boinik*), ср. от а.п. *b*: *трѹдник* (от *трѹд*, *трѹда*), от а.п. *c*: *роднѣкъ* (от *рѹд*, *гѹда*), *должнѣкъ* (от *дѹлг*, *дѹлги*). Несмотря на скудость данных, можно предположить, что и здесь имелась оттяжка с долгого слога на долгий. Эти имена отличаются от имён, например, на *-*ьсь* (дающих единый тип от производящих а.п. *b* и а.п. *c*) наличием в суффиксе гласного полного образования (и двух суффиксов подряд). В именах на *-*ьнѣкъ* а.п. *b* и *c* не слились. Можно себе представить такую эволюцию в косвенных падежах:

trūdьnѣka* (м.б.>trūdьnѣka*)>**trūd̄nѣka*>*trūd̄nika*;

bojьnѣka* (м.б.>bojьnѣka*)>**bojnѣka*>*bojnikā*;

rodьnѣka*>rodьnѣka*>*rodnikā*;

dāl̄zьnѣka*>dāl̄zьnѣka*>**dāl̄znikā*>*dāl̄znikā*.

В последних двух случаях (производящие а.п. *c*) нет условий для действия закона Крижанича, а образования от а.п. *b* могли под него подпасть (увы, примеров мало).⁶⁸ Кажущееся исключение *kōpunik* (от *kōнь*, *конья*) связано с йотовой иммобилизацией.

2.7.3. Позиции, где закон Крижанича не действует (?)

2.7.3.1. В формах дв.ч. на *-*ī* существительных на *-a* можно ожидать действие закона Крижанича. Крижанич этих форм сам не применяет и не рекомендует, но приводит несколько примеров, ср. мест.дв. *при двѣ́жу...жѣ́ну*, род.дв. *от двѣ́жу...жѣ́ну́* (так!), мест.дв. *въ рѹ́ку*. Вполне вероятно, что ударения этих форм Крижанич не знал.

2.7.3.2. В существительных на *-*āрь* закон Крижанича не действует, ср. *ри́бар* (от *ри́ба*), *овчѣ́р* (от *овцѣ́*), *митѣ́р* (от *ми́то*), *месѣ́р* (от *мѣ́со*)⁶⁹. Здесь а.п. *b* и а.п. *c* закономерно слились в едином конечноударном типе (а.т. G устранён). Но в отличие от, например, мест.мн. **svētьcěxь*>**svētcih*>*svētcih*, ударение в словах на *-*āрь* после падения еров стояло через слог от корня (который закономерно сокращался): **mūtārěxь*>**mūtārěxь*>**mūtārěxь* (устранение а.т. G)>**mūtārīh*>**mitārīh* (по закону Крижанича). Иначе говоря, действие закона Крижанича здесь относится к двум последним слогам и не затрагивает корня (сократившегося).

2.7.3.3. В существительных на *-*ākь* наблюдается то же положение, ср. *добрѣ́ак*, *худѣ́ак*, *слипѣ́ак*, с тем, однако, отличием, что у нас вовсе нет примеров с накоренным ударением. И здесь, в связи с устранением а.т. G и сокращением корня в новом а.т. V, закон Крижанича

⁶⁸ В.А. Дыбо сомневается, что в этих образованиях действовал закон Крижанича (устное сообщение). Как не подчиняющиеся закону Крижанича они даны и в [Ослон 2008].

⁶⁹ Эти образования подчиняются закону Крижаничу в словенском (но только от производящих а.п. *b*, см. [Дыбо 2000: 137]).

действует на двух последних слогах.

2.7.3.4. Притяжательные прилагательные на -*īn- представляют особую проблему⁷⁰. Дело в том, что в этом суффиксе после долготных корней у Крижанича представлено краткостное ударение, ср. *Лўкин* от *Лўка*, а после краткостных – долготное, ср. *женїн* от *женà*. Действие закона Крижанича, таким образом, тут не наблюдается. Поскольку мы не принимаем положения о фонетическом сокращении суффикса после долготного корня [Дыбо 2000: 142] (а признаём лишь запрет на удлинение), то и этот случай мы объяснить не в состоянии. Похожее явление – «расщепление» исконной долготы суффикса на две – наблюдается в производных прилагательных на *-av*, ср. *лáскав*, *ерjáв*, но *корвâв*, *корwawá*, где а.т. В получил вторичную долготу.

2.7.3.5. Прилагательные с суффиксом -*ьк- в членных формах ведут себя как производные, т.е. получают долготное накоренное ударение независимо от акцентной парадигмы нечленной формы (ср. *крáткога*, *тòнкаја* [*tānka*]). Эти прилагательные претерпели большую системную перестройку. В частности, в них утрачен старый неподвижный тип. При этом в а.п. *b* остались только прилагательные с корневой долготой (ср. *блїзок*, *крāток*), а краткосложные перешли в а.п. *c* (ср. *лéгок*, *крóток*). Во всех прилагательных, восходящих к а.п. *c*, корень сократился (ср. *крїпок*, *слáдок*). Таким образом, почти все первоначальные отношения в этом типе имён потеряны, и ожидать здесь действия закона Крижанича, видимо, не приходится.

2.7.3.6. Формы мн.ч. существительных среднего рода а.п. *b* не распределяются по закону Крижанича (см. табл. 44): почти все эти формы имеют долготное накоренное ударение (при конечном в ед.ч.)⁷¹. Ударение здесь совпадает с формой род.мн., ср. *плѣщ*, *сѣл*, так же в формах с ером, ср. *вѣсел*, *рѣбер*. Это отличает их от форм род.мн. слов мужского рода, где при прояснении ера последний получает удлинённый новый акцент, ср. *јарѣм*, *отáц* и др. Впрочем, несколько конечноударных форм имеется в «Политике».

Неясно, чем вызвана оттяжка с окончания. Вероятно, в нём была какая-то особая долгота, перешедшая на корень. Нельзя, конечно, исключать действия какой-то аналогии. При малом количестве засвидетельствованных форм косвенных падежей трудно делать определённые выводы.

⁷⁰ Разные, противоположные друг другу объяснения см. в [Дыбо 2000: 138] и [ОСАС: 14].

⁷¹ Возможно, конечноударные формы, приведенные в [ОСАС: 124], – результат неверного прочтения. Они либо могут быть формами род.ед., либо употреблены с ударением двойственного числа, ср. «*Невелїм бо ... двá бедрà ... него двї бедрї*» [ГИ.], «*...na swoia plecà wżém...*» [Пол.] при мн. *плѣща* [ГИ]. То же, возможно, в «*po-sit trī...bela perá*» [Пол.]

Таблица 44: существительные ср.р. а.п. *b*.

		им.ед.	мн.	
			на корне	на окончании
долгосложные	без ера	днò вєслò селò ребрò седлò окнò стегнò бєдрò перò	дána вєсла, вєсла сєла (сєла), sєlech рєбра, рєбер сєдел òкпа (stėgna), стєген бєдер jєтра, jєтер плєща	селїх [двá] бєдрá (дв. ?) plecà (дв. ?) [trı...] перá (дв. ?)
	с ером	крїлò чїсло мїто тенєто лїце длїто бльїдо вїно бєрвно плáтно сїкно глáкно вїдро пáсмо и др.	врáта ўста крїла чїсла, чїсел, чїслих мїта тенєта лїца длїта бєрвен плáтна, плáтен сїкпа, сїкен, сїкпом глáкен wєder нáдра, нáдер пáсем	blyudá winá berwєn platná (род.ед.?), platєn sukòn

2.8. Относительная хронология

Попытаемся расположить описанные фонетические изменения в хронологическом порядке. Наша относительная хронология (см. табл. 45) не претендует на универсальность, она призвана лишь объяснить интересующие нас явления в рамках одного диалекта (говора, отражённого в текстах Крижанича). Для воссоздания более общей картины необходимо учитывать внешние соответствия, чего мы здесь не делаем. Некоторые изменения, которые мы пытаемся объяснить чисто фонетической эволюцией, на деле могли быть и (частично) морфологическими.

Итак, в нашей модели выделяются несколько групп фонетических преобразований: (а) удлинение, (б) сокращение, (в) сдвиг ударения вправо, (д) оттяжка ударения влево. Согласно нашей трактовке, два последних преобразования никогда не происходят одновременно, однако акцентная система может переживать сменяющие друг друга периоды движения ударе-

ния в одну или другую сторону (в определённых условиях). На стадии (0) ударение стоит согласно раннеславянскому контурному правилу.

Мы восстанавливаем следующие фонетические преобразования (они касаются только количества гласных и места ударения):

- 1) сокращение перед внутренним акутом (конечный акут уже сокращён)⁷²;
- 2) оттяжка с конечных редуцированных⁷³;
- 3) возникновение нового циркумфлекса – переход старого акута перед долготным ером в (особый) циркумфлекс (по крайней мере в формах род.мн., но не в формах со стяжением, где удлинение произойдёт позже)⁷⁴;
- 4) сокращение перед долготным ударением (новым циркумфлексом, «новым акутом» любого происхождения, в т.ч. из балтославянского циркумфлекса);
- 5) правило Дыбо: сдвиг ударения вправо с балтославянских циркумфлекса и краткости, восходящих к доминантным слогам (рецессивные слоги несут в это время «славянский циркумфлекс» по правилу Мейе, т.е. фонологически безударны);
- 6) начало падения еров: стяжение групп ер+йот+гласный, приводящее к (избыточным?) долготам;
- 7) заместительное удлинение гласных (видимо, исключая сверхкраткие), непосредственно предшествующих этому стяжению – не после долготных слогов;
- 8) завершение падения еров; заместительное удлинение перед сонантами в ударном закрытом слоге перед павшим ером – не после долготных слогов;
- 9) закон Крижанича: оттяжка ударения влево с долгих слогов на долгие (обведено жирной рамкой в таблицах);
- 10) сокращение заударных долгот; на этой стадии приходится реконструировать аналогическое восстановление корневых долгот в инфинитивах долголосложных глаголов а.п. *b* и в некоторых формах имён а.п. *c* (например, род.ед. существительных на *-a*).

⁷² Порядок первых трёх изменений принят условно.

⁷³ Балтославянская метатония? См. об этом [Николаев 1989].

⁷⁴ Это можно воспринимать как сохранение долготы старого акута, который в остальных случаях сократился.

Таблица 45 (подчёркнуты формы с аналогической долготой)

0	<u>grěsěxъ</u>	<u>volěxъ</u>	<u>gōrděxъ</u>	<u>málъ-jъ</u>	<u>prostъ-jъ</u>	<u>bědnъ-jъ</u>	<u>dělъznъ-jъ</u>	<u>rodъnъ-jъ</u>
1	grěsěxъ	volěxъ	gōrděxъ	málъjъ	prostъjъ	bědnъjъ	dělъznъjъ	rodъnъjъ
2	grěsěxъ	volěxъ	<u>gōrděxъ</u>	málъjъ	<u>prostъjъ</u>	<u>bědnъjъ</u>	<u>dělъznъjъ</u>	<u>rodъnъjъ</u>
3	grěsěxъ	volěxъ	gōrděxъ	málъjъ	prostъjъ	bědnъjъ	dělъznъjъ	rodъnъjъ
4	grěsěxъ	volěxъ	<u>gorděxъ</u>	málъjъ	<u>prostъjъ</u>	<u>bědnъjъ</u>	<u>dělъznъjъ</u>	<u>rodъnъjъ</u>
5 →	<u>grělěxъ</u>	<u>volělъxъ</u>	<u>graděxъ</u>	málъjъ	<u>prostъjъ</u>	<u>bědnъi</u>	<u>dělъznъjъ</u>	<u>rodъnъjъ</u>
6	grěhěhъ	volěhъ	graděhъ	málъi	prostъi	[bědnъi]	dělъznъi	rodъnъi
7	grěhěhъ	volěhъ	graděhъ	málъi	<u>prōstъi</u>	bědnъi	dělъznъi	rodъnъi
8	grěhěhъ	volěhъ	graděhъ	mālī	prōstī	bědnī	dělъznī	rodnī
9 ←	<u>grěhěhъ</u>	<u>volěhъ</u>	<u>graděhъ</u>	<u>mālī</u>	<u>prōstī</u>	<u>bědnī</u>	<u>dělъznī</u>	<u>rodnī</u>
10	grīhih	volīh	gradīh	māli	prōsti	bīdni	dālъzni	rodnī

0	<u>xvālītъ</u>	<u>xvālītī</u>	<u>gōrdītъ</u>	<u>gōrdītī</u>	<u>těsnītъ</u>	<u>rъbъ</u>	<u>rōkāmъ</u>	<u>rōkě</u>
1	xvālītъ	xvālītī	gōrdītъ	gordītī	těsnītъ	rъbъ	rōkāmъ	rōkě
2	xvālītъ	xvālītī	<u>gōrdītъ</u>	<u>gordītī</u>	<u>těsnītъ</u>	<u>rъbъ</u>	<u>rōkāmъ</u>	<u>rōkě</u>
3	xvālītъ	xvālītī	gōrdītъ	gordītī	těsnītъ	rъbъ	rōkāmъ	rōkě
4	xvālītъ	xvālītī	<u>gordītъ</u>	<u>gradītī</u>	<u>těsnītъ</u>	<u>rъbъ</u>	<u>rōkāmъ</u>	<u>rōkě</u>
5 →	<u>xvālītъ</u>	<u>xvālītī</u>	<u>gradīt</u>	<u>gradītī</u>	<u>těsnī</u>	<u>rъbъ</u>	<u>rōkāmъ</u>	<u>rōkě</u>
6	hvālī	hvalītī	gradīt	gradītī	těsnī	rъb	rōkām	rōkě
7	hvālī	hvalītī	gradīt	gradītī	těsnī	rъb	rukām	rukě
8	hvālī	hvalītī	gradīt	gradītī	těsnī	rъb	rukām	rukě
9 ←	<u>hvālīt</u>	<u>hvalītī</u>	<u>gradīt</u>	<u>gradītī</u>	<u>těsnī</u>	<u>rъb</u>	<u>rukām</u>	<u>rukě</u>
10	hvāli	<u>hvālīt(i)</u>	gradīt	gradītī	tīsni	rīb	rukām	<u>rūkě</u>

0	<u>rъbъjъ</u>	<u>božъjъ</u>						
1	rъbъjъ	božъjъ						
2	rъbъjъ	božъjъ	<u>nākāza</u>	<u>nākāzъ</u>	<u>zābāvъka</u>	<u>zāgōrъje</u>	<u>bezъrědъje</u>	<u>nāčělъnīkъ</u>
3	rъbъjъ	božъjъ	nākāza	nākāzъ	zābāvъka	zāgōrъje	bezъrědъje	nāčělъnīkъ
4	rъbъjъ	božъjъ	<u>nākāza</u>	<u>nakāzъ</u>	<u>zābāvъka</u>	<u>zāgōrъje</u>	<u>bezъrědъje</u>	<u>načělъnīkъ</u>
5 →	<u>rъbъjъ</u>	<u>božъjъ</u>	<u>nākāza</u>	<u>nakāzъ</u>	<u>zābāvъka</u>	<u>zāgōrъje</u>	<u>bezъrědъje</u>	<u>načělъnīkъ</u>
6	rъbъ-i	božъ-i	nākāza	nakāz	zābāvka	zāgōrъje	bezrědъje	načělnik
7	rъbъ-i	bōžъ-i	nākāza	nakāz	zābāvka	zāgōrъje	bezrědъje	načělnik
8	rъbjī	bōžjī	nākāza	nakāz	zābāvka	zāgōrъje	bezrědъje	načělnik
9 ←	<u>rъbjī</u>	<u>bōžjī</u>	<u>nākāza</u>	<u>nakāz</u>	<u>zābāvka</u>	<u>zāgōrъje</u>	<u>bezrědъje</u>	<u>načělnik</u>
10	rībji	bōžji	nākāza	nakāz	zābāvka	zāgōrъje	bezrědъje	načělnik

2.9. Выводы

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. При появлении в предке чакавско-кайкавского говора Ю.Крижанича двух долготных слогов подряд ударение в итоге почти всегда оказывается на первом из них. Этот принцип действует не только в словах с корнями, восходящими к балтославянским доминантным слога́м, но и в образованиях, для которых невозможно предполагать первично начальное ударение. Таким образом, если это один и тот же процесс, то мы имеем дело с оттяжкой ударения назад, а не с запретом на сдвиг вперёд. Данное преобразование имело место после (или во время) падения еров, т.к. отражается в словах, где раньше двух долгот подряд не было.

Конечно, может быть, что на самом деле закон Крижанича – результат нескольких одновременных процессов и/или многочисленных аналогических выравниваний. Однако сама возможность объяснить его результат довольно однозначным набором фонетических преобразований (что мы попытались сделать в данной работе) как будто говорит в пользу именно регулярных фонетических процессов, приведших к засвидетельствованному состоянию. Чёткое распределение материала по фонетическому принципу не характерно для аналогических процессов⁷⁵.

Итак, мы восстанавливаем две передвижки ударения: ранний сдвиг вправо (правило Дыбо) и позднюю оттяжку на слог влево (закон Крижанича). Восприятие закона Крижанича как запрет на сдвиг вправо на одной из стадий многоступенчатого «правостороннего дрейфа ударения» [ОСАС: 18], по-видимому, не может объяснить результатов его действия в конечнударных образованиях после падения еров, т.к. при таком подходе не обойтись без реконструкции обратного «дрейфа».

Более того, утверждая, что закон Крижанича действовал после (или во время) падения еров (т.е. никак не раньше XI – XII вв.), мы должны отказаться от его отнесения к праславянской эпохе и поставить под сомнение правомерность отождествления сходных результатов его действия в различных диалектах с их генетической общностью. Вполне возможно, что это лишь проявление некоторых общих тенденций развития, так или иначе наметившихся в позднепраславянском диалектном континууме, но затем осуществившихся по-разному в разных областях после окончательного распада праславянского языка.

Привлечение данных из других славянских диалектов позволит уточнить картину и, в частности, проверить, согласуются ли эти данные с моделью, описанной в настоящей работе.

⁷⁵ В. Вермеер в своём приложении к книге Лефельта [Lehfeldt 2001: 150] пытается объяснить рассматриваемое явление как результат аналогии в склонении существительных. Он вообще отвергает фонетическую природу закона Крижанича, которая, по его мнению, вымышлена представителями московской акцентологической школы в рамках их «modus operandi», критикуемого Вермеером. Объяснение аналогией могло бы иметь смысл, если бы речь шла об одной парадигме. В действительности же, как мы показали, закон Крижанича охватывает множество морфологических категорий и знает мало исключений.

3. МОРФОЛОГИЯ

3.1. Категории и типы. Описывая имеющееся в языке множество (слово)форм, необходимо определить предмет описания, т.е. что, собственно, подразумевается под «грамматической формой», набором каких морфологических единиц она определяется и какие критерии служат для её выделения и отделения от других форм. Эти формы необходимо классифицировать, объединив в группы (типы) по представленным в них общим чертам. Ниже мы отдельно рассматриваем словоизменение (словоизменительные парадигмы) и словообразование (словообразовательные типы). Мы ставим перед собой следующие задачи:

а) осветить всё многообразие словоформ слов так, чтобы сложилось общее представление о всех возможных (но необязательно засвидетельствованных) формах, т.е. построить синхронную модель (реконструкцию) языка, позволяющую «породить» конкретную словоформу, зная общие морфологические принципы (по принципу «от общего к частному»);

б) создать механизм реконструкции всех форм, входящих в некую парадигму, имея на входе конкретную лексическую единицу с набором однозначных параметров, определяющих её принадлежность к какой-либо группе (по принципу «от частного к общему»)⁷⁶;

в) памятуя об исторической преемственности освещаемых языковых данных, показать, какие формы (группы форм) описываемого языка напрямую восходят к реконструированному праязыковому состоянию, а в каких наблюдаются «сбои», обусловленные различными перестройками (или обобщениями), т.е. объяснить синхронные факты, исходя из имеющихся представлений об эволюции данного языка⁷⁷ («от диахронии к синхронии»);

г) проверить (в данном случае – уточнить) эту реконструкцию, выяснив, в какой степени в неё вписывается наш материал, и, возможно, опровергнуть некоторые её положения, если он им явно противоречит («от синхронии к диахронии»).

В описываемом нами говоре Крижанича имеются следующие категории (в таблице перечислены их возможные значения):

Таблица 46.

категория ⇨	число	падеж	род	лицо
значения ⇨	единственное множественное двойственное	именительный винительный родительный дательный творительный местный звательный	мужской женский средний	1-е 2-е 3-е

⁷⁶ Первые две задачи можно рассматривать как попытку повторить работу, проделанную для русского языка А.А. Зализняком в его «Грамматическом словаре русского языка» [Зализняк 1977], т.е. дать как можно более точное и исчерпывающее синхронное описание, основанное на максимальном объеме материала, содержащего информацию о всём множестве морфологических и лексических единиц.

⁷⁷ Речь идёт прежде всего об акцентологической реконструкции В.А. Дыбо, например в [Дыбо 1963, Дыбо 1981, Дыбо 2000 и др.], которая, кстати, в немалой степени основана на фактах языка Крижанича.

Сочетания этих категорий дают следующий набор парадигм (цифрами обозначены отдельные – не выводимые друг из друга – группы акцентных типы, которые указываются для характеристики слов):

Таблица 47.

часть речи		парадигмы		категории
имя существительное				число, падеж
имя прилагательное		нечленная форма		число, падеж, род
		членная форма		число, падеж, род
		наречие		[неизм.]
глагол	основа настоящего времени	1	настоящее время и императив	число, лицо
			действ. причастие настоящего времени	[см. «имя прилагательное»]
			деепричастие настоящего времени	[неизм., ср. «наречие»]
	инфинитивная основа	2	/-причастие	число, род
			инфинитив	[неизм.]
			аорист	число, лицо
			имперфект	число, лицо
			деепричастие прошедшего времени	[неизм., ср. «наречие»]
			страд. причастие прошедшего времени	[см. «имя прилагательное»]
	3	страд. причастие прошедшего времени	[см. «имя прилагательное»]	
другие части речи		предлоги, союзы, частицы, междометия		[неизм.]

В таблицу не включены составные формы (перфект, плюсквамперфект и др.), о которых см. в соответствующих разделах о глаголе. Как видно из таблицы, существуют «вложенные» парадигмы: так, действительное причастие настоящего времени, страдательное причастие прошедшего времени и действительное причастие прошедшего времени, относясь к глаголу, на самом деле идентичны парадигме имени прилагательного.

Весь набор форм (словоизменение) любого слова полностью описывается в одной или нескольких таблицах, соответствующих каждой из парадигм, чей набор определяется принадлежностью данного слова к некоторой части речи. Например, глагол *pāsēm* (1.ед.наст.) ‘пасу’ определяется так: часть речи: «глагол», основа (настоящего времени и инфинитивная) «*pas-*», морфологический тип: «1-е спряжение», морфологический подтип «основы на шумный с непостоянной долготой», акцентный тип «ССВ», что даёт возможность породить все формы, опираясь на соответствующие таблицы: наст. *pāsēm* и т.д. ; *l*-прич. *pàsəl, pàsla, pàslo*; инф. *pàst(i)*; аор. *pàsòh*; страд.прич. *pasèn, pasenà, pasenò*.

Описание словообразования заключается в определении правил порождения производных образований от производящих при помощи суффиксов. Нас прежде всего интересует зависимость акцентных типов производящих от акцентных типов производных. Оно устанавливается путём приписывания словообразовательным суффиксам одного из трёх фундаментальных акцентологических свойств («рецессивность», «доминантность», «категориальность»), вытекающих из их праславянских валентностей (см., например, [Дыбо 1981; 256]). Каждая словообразовательная морфема рассматривается отдельно; в поведении производных выявляются «сбои», нарушающие их историческую преемственность по отношению к реконструируемым праславянским прототипам.

3.2. Реконструкция форм. Как и в области фонетики, в морфологическом отношении тексты Крижанича представляют собой смешанную систему с рядом колебаний. Помимо фонетических отступлений от произношения своего говора, Крижанич прибегает к ряду морфологических искажений, в одних случаях сближающих его язык с русским, а в других, видимо, отражающих его личные предпочтения и взгляды в отношении письменного общеславянского языка. К счастью, многие из них он специально оговаривает, приводя и свои «хорватские» формы (в ОВ и ГИ). Тем не менее, в большинстве случаев приходится довольствоваться формами, приводимыми только в «общем» правописании и нуждающимися в специальной интерпретации. Так, например, Крижанич даёт следующую сравнительную таблицу спряжения [ГИ 83]:

Таблица 48.

<i>По Херв:</i>	<i>По Руску.</i>	<i>По Херва:</i>	<i>По Руску</i>	<i>По Херв:</i>	<i>По Руску.</i>
<i>Ѕмам.</i>	<i>Ѕмају</i>	<i>Ведѐм.</i>	<i>Веду̀.</i>	<i>Во́дим.</i>	<i>Во́джу.</i>
<i>Ѕмаш.</i>	<i>Ѕмајеш, ши</i>	<i>Ведѐш.</i>	<i>Ведѐш е́ши.</i>	<i>Во́диш.</i>	<i>Во́диш, ши.</i>
<i>Ѕмамо.</i>	<i>Ѕмајет</i>	<i>Ведѐ.</i>	<i>Ведѐт.</i>	<i>Во́ди.</i>	<i>Во́дит.</i>
<i>Ѕма.</i>	<i>Ѕмајем.</i>	<i>Ведѐмо̀,</i>	<i>Ведѐм,</i>	<i>Во́димо.</i>	<i>Во́дим.</i>
<i>Ѕмате.</i>	<i>Ѕмајете.</i>	<i>Ведѐтѐ.</i>	<i>Ведѐтѐ.</i>	<i>Во́дите.</i>	<i>Во́дите.</i>
<i>Ѕмају</i>	<i>Ѕмајут.</i>	<i>Веду̀.</i>	<i>Веду̀т.</i>	<i>Во́де.</i>	<i>Во́дет, дат.</i>

Из таблицы можно сделать несколько выводов. Кроме того, что Крижанич даёт собственно «хорватские» окончания, можно составить представление о том, что он называет русским языком, что должно способствовать правильному прочтению форм, данных без оговорок. Еще пример: «...по Руску всá на Е: кѣ, При Рѣбе, гла̀ве, кнѣ́ге. [...] Ѕлити по Херва̀тску всá на I: кѣ, При Рѣ́би, гла̀ви, кнѣ́ги...» Это значит, что, видя написание на -е в местном падеже какого-либо слова на -а, можно с уверенностью транскрибировать его как -i. Почти всю морфологию говора Крижанича можно восстановить исходя из его собственных указаний. Таким образом, наша транскрипция будет отражать нашу интерпретацию словоизменительных окончаний. При неясностях или колебаниях будет даваться написание Крижанича.

Итак, для получения подлинной («старохорватской») формы какого-либо слова, приведенного в «общем» написании, необходимо считаться с несколькими возможными типами искажений:

1) орфографические приёмы, не искажающие произношения и легко снимаемые без ущерба для реконструкции (например «я» вместо [e]);

2) орфографические приёмы, сближающие написание с иноязычной формой (чаще всего русской) и тем самым затрудняющие верное чтение, например («е» вместо «а» из ера), что не во всех случаях поддается однозначному толкованию (об этом см. 1.1);

3) морфологические искажения: замена родных окончаний «общими» (ср. *веду̀т* вм. *веду̀*), введение различий там, где их нет в родном говоре, ср., например, сосуществование окончаний твор.ж. -оју и -еју, искусственно вводящее мягкую разновидность склонения (на самом деле окончания всегда -ом, -и); искусственное снятие стяжения (ср. *почита̀ет*);

4) вызываемые такими искажениями смещения ударения (ср. *ročítáet* при «хорватском» *почѣтам*, *ведѣм* вместо *ведем*);

5) заимствования (в основном из русского), как целых слов, так и отдельных аффиксов и связанные с этим неясности или колебания в постановке ударения.

Последний пункт представляется особенно важным, поскольку при невнимании к заимствованиям имеется риск принять чуждые Крижаничу ударения за примеры особых акцентных типов. Подобные случаи будут оговариваться. Понятно, что часто нет чётких критериев для приписывания того или иного подозрительного слова русскому, например, влиянию, но при наличии у слова явных признаков заимствования его необходимо исключить из рассмотрения. Особенно много таких случаев в «Политике», избыточной русскими словами, которые иногда невозможно по форме отличить от родных, сербохорватских. При этом ударение в одних случаях как бы переносится из воображаемой хорватской формы (например, может быть долготным), а в других, видимо, ставится по русскому образцу.

Труднее всего объяснить колебания в постановке ударения в случаях, когда невозможно точно определить происхождение слова или когда слово явно существует в родном говоре Крижанича, но по какой-то причине он выбирает иное ударение, ср. явно хорватское *ла́жем*, *ло́жем* при русских *логѹ*, *ложѣш* 'лгать' (где по-разному поставлено ударение)⁷⁸, но *ка́жем* при *ка́жу* (с одинаковыми ударениями и искаженной русской формой, ср. рус. *кажу*). Остается надеяться, что таких случаев мало и что Крижанич редко сознательно искажает акцентное поведение слов, взятых из его родного говора.

Иногда представляется неясным выбор ударения в производных суффиксальных образованиях, ср. «...*Сѣрдѣшце*, *Сѣлнѣшце*: *Хервѣтом*, *Сердѣшце*, *Сунашце*» [ГИ 60]: в первом слове с «общим» суффиксом ударение стоит иначе, нежели в «хорватской» форме, хотя здесь это не вызвано морфологическим искажением. Впрочем, этот случай, вероятно, можно объяснить сосуществованием вариантов в говоре Крижанича, хотя, конечно, подобные объяснения не могут всегда приниматься как единственно возможные.

3.3. Набор акцентных типов. Любая форма однозначно определяется принадлежностью к словообразовательной категории и акцентному типу. Акцентный тип – это совокупность просодических характеристик форм в пределах одной словоизменительной парадигмы, т.е. место и количество ударения (акцентная кривая) во всех формах слова, а также наличие

⁷⁸ В данном случае различие в постановке ударения объясняется тем, что на самом деле под «русской» формой скорее всего подразумевается форма *лгу*, а букву 'о' Крижанич вписал, исправляя «неправильное» русское произношение без прояснения ера, т.к. тут [ОГ 141] речь идёт не о замене «неправильного» русского слова целиком на «правильное» хорватское, а лишь об улучшении русского (пусть даже с явно русским ударением): «*За Лгѹ, Лжѣш, Лжѣ, Лжѣв: рецѣ, Ложѹ, и Логѹ, Ложѣш, Ложѣт, Ложѣм, Ложетѣ, Ложѹт, и Логѹт*», откуда также видно, что Крижанич готов простить русским и чуждое ему чередование («русское» *logit* вместо его родного *laži*). В другом месте [ОВ 46], где речь идёт об этом же, он пишет: «*Лжѣш, за Лѣжеш*», где последняя форма имеет уже хорватское ударение.

или отсутствие безударных долгот (в нашем случае – предупредной долготы). Так как каждой словоизменительной категории свойственна своя акцентная кривая, выделение универсальных акцентных типов, покрывающих весь корпус слов, в некоторой степени условно. Кроме того, мы считаемся с диахронной приемственностью акцентных типов, т.е. стараемся не затемнять их праславянского источника. Термин «акцентная парадигма» мы будем применять, только если слово рассматривается целиком (т.е. как производное). Для праславянского восстанавливаются следующие акцентные типы [Дыбо 1981: 60]:

- А – постоянное акутовое ударение на корне или производящей основе (= а.п. *a*);
- В – ударение на окончании или, в некоторых формах, на корне (= а.п. *b*);
- С – подвижное ударение (= а.п. *c*);
- Д – новоакутовое ударение на гласном, предшествующем суффиксу с редуцированным (и, по-видимому, с ударением на редуцированном при его положении в сильной позиции);
- Е – постоянное ударение на кратком гласном суффикса;
- F – постоянное акутовое ударение на суффиксе;
- G – восходящее ударение (типа нового акута) на суффиксе.

Для анализа акцентного поведения слов оказывается существенным членение слов на морфемы (приставка, корень, суффикс, окончание), которое, будучи в известном смысле условным, все же должно быть в общем случае очевидно. В частности, неподвижное ударение может стоять на любом из аффиксов, а в случае наличия нескольких аффиксов одного типа важно, на каком из них оно стоит. Поэтому для праславянского вводятся цифровые индексы, соответствующие порядковому номеру ударного аффикса (сложные суффиксы; суффиксы, осложнённые интерфиксами). Это практично для типов Е, F и G в случае нескольких суффиксов подряд, например: **stǫklĕnĭca* (F₁), **proseŋĭca* (F₂) [Дыбо 1981: 173]. При этом должно быть ясно, что все акцентные типы, кроме А, В и С, имеют смысл только при анализе порождения производных, т.е. при осознанном членении слова на части. Если же говорить о поведении акцента в слове в целом, т.е. не отделяя суффиксы от основы, то мы имеем дело только с тремя парадигмами: *a* (колонное ударение), *b* (наконечное) и *c* (подвижно-маргинальное). Таким образом, слово **pros-ĕn-ĭc-a* относится к а.т. F₂, если его считать производным от **prōs-o*, к а.т. F₁, если его производить от **prōs-ĕn-ъ*, а само по себе оно ведёт себя как а.т. А (а.т. *a*).

В описании системы порождения производных в говоре Крижанича мы задаёмся двумя целями: (1) как можно более лаконично синхронно классифицировать представленные в нём слова и (2) пошагово воссоздать эволюцию от идеальной праславянской системы к отражённому в его говоре состоянию. Для этого необходимо, с одной стороны, соблюсти диахронную приемственность акцентных типов (чтобы было ясно, является ли синхронный акцентный тип в некоторой категории регулярным продолжением соответствующего праславянского типа или же результатом позднейшей перестройки), а с другой стороны, не перегружать описание несущественной для синхронной классификации информацией.

3.4. История акцентных типов. Говор Крижанича в основном сохраняет праславянские акцентные типы, правда, с определёнными изменениями, заключающимися как в смешении некоторых типов друг с другом, так и в возникновении новых. Так, например, в виду упрощения системы слоговых интонаций (по крайней мере в восстановленном нами её виде, т.е. со снятием некоторых интонационных различий), нет смысла выделять типы D, E и G, а падение еров и перестройки приводят к образованию нового варианта типа A с постоянным долготным ударением на корне (ср. *grīšnik* < прасл. **grěšbŋikъ* – а.т. D). Для синхронного описания кажется уместным различать лишь место ударения в рамках акцентной кривой, т.к. его количество подвергается изменениям в различных позиционных и морфологических условиях (ср. *mõre* < прасл. **mõrje* – а.п. с). Таким образом, заглавная буква при обозначении акцентного типа будет относиться прежде всего к месту ударения, а долготно оно или кратко, будет оговариваться специально.

Поэтому, не нарушая в полной мере привязки акцентных типов у Крижанича к их праславянским прототипам, необходимо переосмыслить их совокупность с учетом различий, информативных для синхронного описания. В общем случае, если не принимать во внимание многочисленных перестроек, т.е. в условиях регулярной фонетической эволюции, соответствия праславянских акцентных типов типам у Крижанича выглядят так:

Таблица 49.

прасл.	Криж.	место ударения	имя	наст.вр. глаголов	l-причастие
A D	A	на корне	<i>řiba</i>	<i>bàvim, bàvi</i>	<i>bàvil</i>
			<i>strāža</i>		<i>rāsəl</i>
			<i>grīšnik</i>		
			<i>nòv, nòva, nòvo</i>		
B	B	на окончании/ на последнем слоге основы	<i>vòl, volà</i>	<i>mõžem, možì</i>	
			<i>ženà, ženè</i>		
			<i>krāļ, kraļà</i>	<i>kāžem, kāžì</i>	
			<i>dobrò, dobrà</i>		
			<i>remestvõ, remestvã</i>		
C	C	подвижное: на последнем/ первом слогe	<i>bõg, bõga</i>	<i>vedèm, vedì</i> ⁷⁹	
			<i>nogà, nogè, nõgu</i>		
			<i>grād, grāda</i> <i>glāvà, glāvè, glāvu</i>		
E F	E	на суффиксе	<i>kraļìc, kraļìca</i>	<i>igrām, igrāj</i>	<i>igràl</i>
			<i>dobròta, dobròte</i>		
	I	на первом слогe	<i>ràzum</i>		<i>dāl, pròdal</i>

Мы вводим новый акцентный тип I, не реконструируемый для праславянского, но важный для системы Крижанича (ср. *ràz-um, ràz-dər̀la*), являющийся результатом различных обобщений и восходящий к разным праславянским типам (в частности а.т. C).

⁷⁹ В настоящем времени глаголов а.т. C у Крижанича ударение стоит всегда на последнем слогe. Праславянские формы-энклиномены заменены конечноударными (ср. **vèdǫ* > *vedèm*). Поэтому характеристика «подвижное» для таких ударений условна.

Кроме базовых акцентных типов (А, В, С, Е, I), специфичных для каждого морфологического типа, выделяется ряд подтипов с особенностями акцентного поведения.

Кроме словоизменительных типов (склонения, спряжения), необходимо разобрать и словообразовательные типы, т.к. морфемный состав слова часто определяет наличие специфических акцентных перестроек в той или иной категории. Мы сначала даём синхронный обзор словоизменения (охватывающий все слова данной части речи), а затем рассматриваем особенности, связанные со словообразованием (т.е., например, с различными суффиксами) и прослеживаем диахронные изменения, приведшие к деформации реконструированной праславянской системы в сторону состояния, представленного у Крижанича.

3.5. Имя существительное

3.5.1. Окончания. Выделяются четыре типа склонения. Приведём восстановленные окончания для всех склонений, показывая, как они обозначаются Крижаничем. В следующей сводной таблице различаются твёрдая и мягкая разновидности и даются все варианты правописания (как в «общей» так и в «хорватской» системах, в квадратных скобках даны написания, применяемые только в «хорватских» примерах).

Таблица 50.

	а: -*а (žena, vo[a])		ь: -*ъ, -*ь (brat, kral ¹)		о: -*о (selo, more)		ь: -*ь (rič)	
	Криж.	рекон.	Криж.	рекон.	Криж.	рекон.	Криж.	рекон.
И	-а	-а	-∅	-∅	-о -е ¹	-о -е ¹	-∅	-∅
В	-у	-и	-а		-а		-и	-ĩ
Р	-и, -е	-ě					-и	-i
Д	-и, -ѣ, -е	-i	-у		-и		-и	-i
Т	-оју, -еју ² [-ом, -у]	-ѡт -ũ	-ом -ем ¹		-ом -ем ¹		-ју [-јом]	-jũ -jõm
М	-ѣ -и	-i	-ѣ, -и -у		-i, -е ? -и		-и	-i
З	-о ⁴ -е ⁴	-о -е ⁴	-е -у	-е -и ³	= И		= И	
ИЗ	-и, -е	-е	-и	-i	-а	-а	-и	-i
В			-и, -е	-е				
Р	-∅	-∅	-ов ¹ -ев ¹ -еј, -иј ¹ -∅	-õv ¹ -ěv ¹ -ĩ(j) ¹ -∅	-∅	-∅	-еј, -иј [-и]	-ĩ(j)
Д	-ам	-ат	-ом -ем ¹		-õm -õm ¹		-ем [-ам]	-ат
Т	-ами	-ãmi	-ми -и	-mĩ -ĩ	-ми	-mĩ	-ми	-mĩ
М	-ах	-аh	-ѣх, -их -ех		-ĩh -ěh ?		-ѣх, -их -ех	-ĩh -ěh ?
ИВЗ	-ѣ	-i	-а	-а	-ѣ, -и	-i	-и	-i
Р	-у	-ũ	-у		-ũ		-ју	-jũ
ДТ	-ама	-ãma	-ма -ома -ема ¹		-та -õта -ěта ¹		-ми	-mi

¹ мягкая разновидность.

² «ложная» мягкая разновидность: в «хорватской» системе в этом типе мягкая разновидность не выделяется.

³ после -r, -l, -j.

⁴ после суффикса -ic- в определенных типах слов (см. ниже).

3.5.2. Словоизменительные типы. Каждый тип определяется как совокупность морфологических и акцентных характеристик, т.е. тип (подтип) склонения в сочетании с акцентной кривой. Морфологические признаки:

- твёрдость/мягкость основы,
- отсутствие/наличие беглой гласной,

Акцентные признаки:

- акцентная парадигма: *a, b, c* (иногда с некоторыми оговорками),
- наличие предупредительной долготы,
- краткость/долгота ударного слога (может быть непостоянной в парадигме),
- ударность последнего/непоследнего слога основы,
- наличие сонанта в ударном закрытом слоге (может быть удлинением).

Очевидно, что всё разнообразие морфологии (набор словоизменительных парадигм) определяется, в общем случае, количеством возможных сочетаний всех названных признаков. При этом в действительности в системе представлены не все возможные сочетания.

3.5.3. Тип а: склонение на -а женского и мужского рода

Морфологические типы: без беглого гласного (а); с беглым гласным (*а)

Акцентные парадигмы: *a, b, c*

Неподвижное ударение (а.п. *a* – а.т. А, Е, I): в каждом из шести подтипов представлен акцентный особый облик род.мн (в таблице обведено жирной рамкой), причём эти различия тривиальны и обусловлены чисто позиционно (удлинения нет, если слог не последний, при наличии удлинения сокращается предупредительная долгота).

Таблица 51.

	1	2		3		4	5	6
	a	a	*a	a	*a	a	a	*a
им.	<i>rība</i>	<i>slābina</i>	<i>svādba</i>	<i>krāļēvšcīna</i>	<i>ūgōdba</i>	<i>nākāza</i>	<i>strāža</i>	<i>mīrka</i>
вин.	<i>rību</i>	<i>slābinu</i>	<i>svādbu</i>	<i>krāļēvšcīnu</i>	<i>ūgōdbu</i>	<i>nākāzu</i>	<i>strāžu</i>	<i>mīrku</i>
род.	<i>rībe</i>	<i>slābine</i>	<i>svādbe</i>	<i>krāļēvšcīne</i>	<i>ūgōdbe</i>	<i>nākāze</i>	<i>strāže</i>	<i>mīrke</i>
дат.	<i>rībi</i>	<i>slābini</i>	<i>svādbi</i>	<i>krāļēvšcīni</i>	<i>ūgōdbi</i>	<i>nākāzi</i>	<i>strāži</i>	<i>mīrki</i>
твор.	<i>rībom</i>	<i>slābinom</i>	<i>svādbom</i>	<i>krāļēvšcīnom</i>	<i>ūgōdbom</i>	<i>nākāzom</i>	<i>strāžom</i>	<i>mīrkom</i>
	<i>rību</i>	<i>slābinu</i>	<i>svādbu</i>	<i>krāļēvšcīnu</i>	<i>ūgōdbu</i>	<i>nākāzu</i>	<i>strāžu</i>	<i>mīrki</i>
мест.	<i>rībi</i>	<i>slābini</i>	<i>svādbi</i>	<i>krāļēvšcīni</i>	<i>ūgōdbi</i>	<i>nākāzi</i>	<i>strāži</i>	<i>mīrki</i>
зв.	<i>rībo</i>	<i>slābino</i>	<i>svādbo</i>	<i>krāļēvšcīno</i>	<i>ūgōdbo</i>	<i>nākāzo</i>	<i>strāžo</i>	<i>mīrko</i>
и.-в.-з.	<i>rībe</i>	<i>slābine</i>	<i>svādbe</i>	<i>krāļēvšcīne</i>	<i>ūgōdbe</i>	<i>nākāze</i>	<i>strāže</i>	<i>mīrke</i>
род.	<i>rīb</i>	<i>slābin</i>	<i>svādab</i>	<i>krāļēvšcīn</i>	<i>ūgōdab</i>	<i>nakāz</i>	<i>strāž</i>	<i>mīrak</i>
дат.	<i>rībam</i>	<i>slābinam</i>	<i>svādbam</i>	<i>krāļēvšcīnam</i>	<i>ūgōdbam</i>	<i>nākāzam</i>	<i>strāžam</i>	<i>mīrkam</i>
твор.	<i>rībami</i>	<i>slābinami</i>	<i>svādbami</i>	<i>krāļēvšcīnami</i>	<i>ūgōdbami</i>	<i>nākāzami</i>	<i>strāžami</i>	<i>mīrkami</i>
мест.	<i>rībah</i>	<i>slābinah</i>	<i>svādbah</i>	<i>krāļēvšcīnah</i>	<i>ūgōdbah</i>	<i>nākāzah</i>	<i>strāžah</i>	<i>mīrkah</i>
и.-в.-з.	<i>rībi</i>							
род.	<i>rību</i>							
д.-тв.	<i>rībama</i>							

Наконечное ударение (а.п. *b* – а.т. *B*): подтипы различаются количеством последнего гласного основы. В зв.ед. накоренное ударение и удлинение.

Таблица 52.

	1		2
	a	*a	a
им.	<i>ženà</i>	<i>sestrà</i>	<i>tūgà</i>
вин.	<i>ženù</i>	<i>sestrù</i>	<i>tūgù</i>
род.	<i>ženē</i>	<i>sestrē</i>	<i>tūgē</i>
дат.	<i>ženì</i>	<i>sestrì</i>	<i>tūgì</i>
твор.	<i>ženôm</i>	<i>sestrôm</i>	<i>tūgôm</i>
	<i>ženû</i>	<i>sestrû</i>	<i>tūgû</i>
мест.	<i>ženì</i>	<i>sestrì</i>	<i>tūgì</i>
зв.	<i>žēno?</i>	<i>sēstro</i>	<i>tūgo ?</i>
и.-в.-з.	<i>ženè</i>	<i>sestrè</i>	<i>tūgè</i>
род.	<i>žēn</i>	<i>sestâr</i>	<i>tūg</i>
дат.	<i>ženâm</i>	<i>sestrâm</i>	<i>tugam</i>
твор.	<i>ženâmi</i>	<i>sestrâmi</i>	<i>tugâmi</i>
мест.	<i>ženâh</i>	<i>sestrâh</i>	<i>tugâh</i>
и.-в.-з.	<i>ženì</i>		
род.	<i>žènu ?</i>		
д.-тв.	<i>ženâma</i>		

Подвижное ударение (а.п. *c* – а.т. *C*): подтипы различаются долготой и количеством слогов в основе (один или два).

Таблица 53.

	1		2	3
	a	*a	a	a
им.	<i>nogà</i>	<i>zemlâ</i>	<i>rūkà</i>	<i>hudobâ</i>
вин.	<i>nògu</i>	<i>zèmļu</i>	<i>rūku</i>	<i>hũdobu</i>
	<i>nà nogu</i>	<i>nà zemļu</i>	<i>nà ruku</i>	
род.	<i>nogē</i>	<i>zemļē</i>	<i>rūkē</i>	<i>hudobē</i>
дат.	<i>nogì</i>	<i>zemļì</i>	<i>rūkì</i>	<i>hudobì</i>
твор.	<i>nogôm</i>	<i>zemļôm</i>	<i>rūkôm</i>	<i>hudobôm</i>
	<i>nogû</i>	<i>zemļû</i>	<i>rūkû</i>	<i>hudobû</i>
мест.	<i>nogì</i>	<i>zemļì</i>	<i>rūkì</i>	<i>hudobì</i>
зв.	<i>nògo</i>	<i>zèmļo</i>	<i>rūko</i>	<i>hũdobo</i>
и.-в.-з.	<i>nòge</i>	<i>zèmļe</i>	<i>rūke</i>	<i>hũdobe</i>
	<i>nà noge</i>	<i>nà zemļe</i>	<i>nà ruke</i>	
род.	<i>nõg</i>	<i>zemâl</i>	<i>rūk</i>	<i>hudõb</i>
дат.	<i>nogâm</i>	<i>zemlâm</i>	<i>rukâm</i>	<i>hudobâm</i>
твор.	<i>nogâmi</i>	<i>zemlâmi</i>	<i>rukâmi</i>	<i>hudobâmi</i>
мест.	<i>nogâh</i>	<i>zemlâh</i>	<i>rukâh</i>	<i>hudobâh</i>
и.-в.-з.	<i>nõgi</i>		<i>rūki</i>	
род.			<i>rūku</i>	
д.-тв.	<i>nogâma</i>		<i>rukâma</i>	

Слова этого склонения сохранили большинство своих праславянских черт, как в области морфологии, так и в акцентологическом отношении. Облик словоизменительной парадигмы в целом совпадает с общей сербохорватской картиной. В частности, в род.мн. всех слов данной группы представлено долготное ударение. В словах в а.п. *a* он отражает новый циркумфлекс (ср. *rīb*), а в остальных (ср. *žēn*, *nōg*), новый акут (с удлинением), видимо, совпавший с рефлексом циркумфлекса (в т.ч. нового, см. 2.4.1).

В последнем слоге может быть редуцированный, проявляющийся в род.мн. Источником такого гласного может быть и вставной ер: в формах род.мн. со сложными сочетаниями согласных из **sestrь*, **zemljь* появляется вставной гласный /a/, ср. *sestār*⁸⁰.

В род. мн., если за ударным слогом нет гласных (например, проясняющегося редуцированного), последний слог удлиняется, а приставка сокращается, ср. *nākāza*, но *nakāz*. Имеется, правда, вариант, где в род. мн. сокращения приставки нет и представлены две долготы подряд (*причїн*, см. сноску 43). О таких формах трудно судить из-за крайней скудости примеров.

Группа слов имеет факультативно другую форму род.мн.: *ðbərva* (*obðrva*): *obārv* и *obārvī*. К этой же группе относятся, по сообщению Крижанича, *ostərvā* (*ostərva*) и *svekərvā*⁸¹ (*svekərva*, возможно, склоняется по другому склонению: *svekrī*, см. 3.5.7).

Чередования заднеязычных в падежных формах слов на *-a*, по сообщению Крижанича, в его говоре нет⁸².

Наряду с твор.ед. на *-om*⁸³ Крижанич сообщает и о специфически чакавских или кайкавских формах на *-ū*⁸⁴.

Как уже указывалось, формы с двумя долготами подряд типа *rūkē*, *dūšē*, *glāvōm*, *brādōm* мы толкуем как *rūkē*, *dūšē*, *glāvōm* и т.д. Это кажется оправданным, т.к. в соответствующих краткосложных формах выступает исключительно конечный циркумфлекс, ср. род.ед. *от сохē* твор.ед. *над всū земльū* (см. 1.3.6). Долгота в корне регулярно сокращается перед старым акутом в формах дат.мн., твор.мн., мест.мн. и дат.-твор.дв., ср. *главām*, *рукāми*, *рукāма*. Неясны единичные примеры им.ед. и вин.ед. *глāве*, *рўке* при обычных *глāве*, *рўке*. Здесь может быть колебание или (что вероятнее) описка Крижанича⁸⁵.

⁸⁰ «Херватски: Сестār, Служаб, Лāдаь, Устан, Петаль, Бригав, Зāнак, Ми́рак.» [ГИ 30].

⁸¹ «Оберва : от Обёрв , и Обервѣ , и Оберви: Остерва, Свекерва, то́же.» [ГИ 31].

⁸² «Хервāтї въ придївнику велѣт : При кнѣги, при рўки, при сохї...»

⁸³ «А по Хервāтску, по Сѣрбску, и по Лѣшску, ѡдет на ОМ: кѣ, со Рїбом, Глāvōм, Дрāгом, Брādōм. Со стрāжом, земльōм, дїньом, тўчом, дўшōм, кўщом, змїюм, Мелāниюм, Лїїюм» [ГИ 29].

⁸⁴ «А на врїмена Хервāтї , въ мисто кончїни ОЈУ , или ЕЈУ , скрашено ѡзглашāјут У: кѣ, Својū рўкū го бїјет : над всū земльū кральўјет : Кōлнѣтсе дўшū. Сѣ јест , Својѣју рукōју: над всејū земльѣју : Душѣју се кленѣт» [ГИ 30].

⁸⁵ «Ј въ ѡменїкū, да Крознїкū вножїнном: Овѣ Кнѣге, Рўке, Сохѣ [...] Кроз кнѣге, рўке, сохи» (последнее без знака ударения) [ГИ 22] и «Менник, Зовнїк, и Крознїк вножїнни, јесут једнāки со Јскерником јединїчним: и творѣтсе по Руску всї на І: кѣ, Овије Главї, ѡ главї, кроз главї. Ови слугї, ѡ слугї, кроз слугї [...] А по Хервāтску всї на Е: кѣ, Овѣ Глāве, ѡ глāве, кроз глāве. Ови слўге, ѡ слўге, кроз слўге» [ГИ 30]. Любопытно, что «русские» формы им., вин. и зв. здесь одинаковы, а «хорватские» различаются ударением. При этом в

Эти существительные в целом утратили различие между мягкой и твердой разновидностями. Однако Крижанич указывает, что неопрошенные слова на *-ica* (со значением имен деятеля женского рода, уменьшительных, составных и образованных от прилагательных) имеют особенности в звательном падеже, ср. *krařice, seřtrice, bogomõlice*, но также и *krařica, seřtrica, bogomõlica*, в отличие от слов типа *přico, lãstavico* (где суффикс синхронно имеет иное значение). Впрочем, слова на *-ica*, образованные от прилагательных, по свидетельству Крижанича употребляются в зв.ед. и с гласным *-o*⁸⁶.

Крижанич пишет: «От Госпõжа, и Госпã: õ Госпõже, õ Гõспе.» [ГИ 26]. Первое из этих слов дано в русском виде (видимо, имеется в виду *gospõja : gospõje*), а второе является стянутой формой: *gospã : gõspe*. В форме зв.ед. а.т. В мы видим удлинение и оттяжку (как в *sẽstro* а.т. В, см. ниже).

Формы дв.ч. на *-и* существительных на *-а* почти не засвидетельствованы, ср. мест.дв. *при двѣју...жѣну*, род.дв. *от двѣју...жѣну́* (с двумя знаками), мест.дв. *въ рѣку*. Определить, действовал ли здесь закон Крижанича, невозможно ввиду скудости данных. По всей видимости, сам Крижанич этих форм не употреблял.

3.5.4. Тип ъ: склонение на согласный (-*ь, -*ь) мужского рода

Морфологические типы:

беглый гласный	твёрдые	мягкие
нет	ь	ь'
да	*ь	*ь'

Акцентные парадигмы: *a, b, c*

Неподвижное ударение (а.п. *a* – а.т. А, Е, I): акцентные подтипы различаются долгой основой, а также различными чередованиями, связанными с наличием в большинстве форм парадигмы сонорного перед павшим ером. Все чередования позиционные.

других местах им.ед. и вин.ед. в ГИ: *рѣке, гла́ве* (*рѣки, гла́ви*), а в Пол. встречаются примеры вроде «*glawí ímaiut golíje budto telci*» [Пол. 88] при более обычном *glãwi*.

⁸⁶ «...ни́коьи овако́ва и на О изрика́ют: О́ Диви́цо, õ десни́цо» [ГИ 26].

Таблица 54.

	1				2		
	Ъ	*Ъ	Ъ'	*Ъ'	Ъ	*Ъ	*Ъ'
им.-вин.	<i>brăt</i>	<i>vîtar</i>	<i>zmîj</i>	<i>brătac</i>	<i>mîtnik</i>	<i>sîčan</i>	<i>bûbăŋ</i>
род-вин.	<i>brăta</i>	<i>vîtra</i>	<i>zmîja</i>	<i>brătca</i>	<i>mîtnika</i>	<i>sîčna</i>	<i>bûbŋa</i>
дат.	<i>brătu</i>	<i>vîtru</i>	<i>zmîju</i>	<i>brătcu</i>	<i>mîtniku</i>	<i>sîčnu</i>	<i>bûbŋu</i>
твор.	<i>brătom</i>	<i>vîtrom</i>	<i>zmîjem</i>	<i>brătce</i>	<i>mîtnikom</i>	<i>sîčnom</i>	<i>bûbŋem</i>
мест.	<i>brătu</i>	<i>vîtru</i>	<i>zmîju</i>	<i>brătcu</i>	<i>mîtniku</i>	<i>sîčnu</i>	<i>bûbŋu</i>
зв.	<i>brăte</i>	<i>vîtru</i>	<i>zmîju</i>	<i>brătce</i>	<i>mîtniçe</i>	<i>sîčne</i>	<i>bûbŋu</i>
и.-з.	<i>brăti</i>	<i>vîtri</i>	<i>zmîji</i>	<i>brătci</i>	<i>mîtniki</i>	<i>sîčni</i>	<i>bûbŋi</i>
вин.	<i>brăte</i>	<i>vître</i>	<i>zmîje</i>	<i>brătce</i>	<i>mîtnike</i>	<i>sîčne</i>	<i>bûbŋe</i>
род.	<i>brătov krăt</i>	<i>vîtrov</i>	<i>zmîjev</i>	<i>brătcev</i>	<i>mîtnikov</i>	<i>sîčnov</i>	<i>bûbŋev</i>
дат.	<i>brătom</i>	<i>vîtrom</i>	<i>zmîjem</i>	<i>brătce</i>	<i>mîtnikom</i>	<i>sîčnom</i>	<i>bûbŋem</i>
твор.	<i>brătmi [tovărmi]</i> <i>brăti</i>	<i>vîtri ?</i>	<i>zmîjmi ?</i>	<i>brătci</i>	<i>mîtnikmi</i>	<i>sîčni</i>	<i>bûbŋi</i>
мест.	<i>brătih</i>	<i>vîtrih</i>	<i>zmîjih</i>	<i>brătih</i>	<i>mîtnikih</i>	<i>sîčnih</i>	<i>bûbŋih</i>
и.-в.-з.	<i>brăta</i>						
род.	<i>brătu</i>						
д.-тв.	<i>brătma bratoma</i>						

	3		4	5
	*Ъ	*Ъ'	Ъ	*Ъ
им.-вин.	<i>ostănak</i>	<i>stărac</i>	<i>prĕgîb</i>	<i>ũcînak</i>
род-вин.	<i>ostănka</i>	<i>stărca</i>	<i>prĕgîba</i>	<i>ũcînka ~ ucînka</i>
дат.	<i>ostăнку</i>	<i>stărcu</i>	<i>prĕgîbu</i>	<i>ũcînku ~ ucînku</i>
твор.	<i>ostăнком</i>	<i>stărcem</i>	<i>prĕgîbom</i>	<i>ũcîнком ~ ucîнком</i>
мест.	<i>ostăнку</i>	<i>stărcu</i>	<i>prĕgîbu</i>	<i>ũcînku ~ ucînku</i>
зв.	<i>ostănce</i>	<i>stărce</i>		
им.-зв.	<i>ostănki</i>	<i>stărci</i>	<i>prĕgîbi</i>	<i>ũcînki ~ ucînki</i>
вин.	<i>ostănke</i>	<i>stărce</i>	<i>prĕgîbe</i>	<i>ũcînke ~ ucînke</i>
род.	<i>ostănkov</i>	<i>stărcev</i>	<i>prĕgîbov</i>	<i>ũcînkov ~ ucînkov</i>
дат.	<i>ostăнком</i>	<i>stărcem</i>	<i>prĕgîbom</i>	<i>ũcîнком ~ ucîнком</i>
твор.	<i>ostănki</i>	<i>stărci</i>	<i>prĕgîbmi</i>	<i>ũcînki ~ ucînki</i>
мест.	<i>ostănkih</i>	<i>stărcih</i>	<i>prĕgîbih</i>	<i>ũcînkih ~ ucînkih</i>

Наконечное ударение (а.п. *b* – а.т. *B*): ударение в им.-вин.ед краткое восходящее; подтипы различаются долготой основы, обуславливающей вид акцентной кривой (закон Крижанича): краткосложные во всех формах получают наконечное ударение, а долгосложные в некоторых формах имеют накоренное. Особое поведение в род.мн. наблюдается в односложных при наличии проясняющегося беглого гласного (ср. *pàs*).

Таблица 55.

	1					2			
	Ъ	*Ъ	Ъ'	*Ъ'	Ъ	*Ъ	Ъ'	*Ъ'	
им.-вин.	<i>vòl</i>	<i>ovàn</i>	<i>pàs</i>	<i>kòŋ</i>	<i>otàc</i>	<i>grîh</i>	<i>pētàk</i>	<i>krāļ</i>	<i>nīmàc</i>
род-вин.	<i>volà</i>	<i>ovnà</i>	<i>psà</i>	<i>koŋà</i>	<i>otcà</i>	<i>grîhà</i>	<i>pētkà</i>	<i>krāļà</i>	<i>nīmçà</i>
дат.	<i>volù</i>	<i>ovnù</i>	<i>psù</i>	<i>koŋù</i>	<i>otcù</i>	<i>grîhù</i>	<i>pētkù</i>	<i>krāļù</i>	<i>nīmçù</i>
твор.	<i>volòm</i>	<i>ovnòm</i>	<i>psòm</i>	<i>koŋèm</i>	<i>otcèm</i>	<i>grîhòm</i>	<i>pētkòm</i>	<i>krāļèm</i>	<i>nīmçèm</i>
мест.	<i>volù</i>	<i>ovnù</i>	<i>psù</i>	<i>koŋù</i>	<i>otcù</i>	<i>grîhù</i>	<i>pētkù</i>	<i>krāļù</i>	<i>nīmçù</i>
зв.		<i>ðvne ?</i>			<i>ðtçe</i>	<i>grîše</i>		<i>krāļu</i>	<i>nīmçe</i>
им.-зв.	<i>volì</i>	<i>ovnì</i>	<i>psì</i>	<i>koŋì</i>	<i>otcì</i>	<i>grîhì</i>	<i>pētkì</i>	<i>krāļì</i>	<i>nīmçì</i>
вин.	<i>volè</i>	<i>ovnè</i>	<i>psè</i>	<i>koŋè</i>	<i>otcè</i>	<i>grîhè</i>	<i>pētkè</i>	<i>krāļè</i>	<i>nīmçè</i>
род.	<i>volõv</i>	<i>ovnõv</i> ?	?	<i>koŋëv</i>	<i>otcëv</i>	<i>grîhov</i>	<i>pētkov</i>	<i>krāļev</i>	<i>nīmcev</i> <i>nīmçev</i>
дат.	<i>volòm</i>	<i>ovnòm</i>	<i>psòm</i>		<i>otcòm</i>	<i>grîhòm</i>	<i>pētkòm</i>	<i>krāļèm</i>	<i>nīmçèm</i>
твор.	<i>volmī</i>	<i>ovnī</i>	<i>psī</i>	<i>koŋmī</i>	<i>otcī</i>	<i>grîhmi</i> <i>grîhi</i>	<i>pētki</i>	<i>krāļmi</i> <i>krāļi</i>	<i>nīmçi</i>
мест.	<i>volīh</i>	<i>ovnīh</i>	<i>psīh</i>	<i>koŋīh</i>	<i>otcīh</i>	<i>grîhih</i>	<i>pētkih</i>	<i>krāļih</i>	<i>nīmçih</i>
и.-в.-з.								<i>krāļà</i>	
род.								<i>krāļu</i>	
д.-тв.								<i>krāļma</i> <i>krāļema</i>	

Подвижное ударение (а.п. с – а.т. С): в им.ед. долготное ударение; акцентные под-
типы различаются долготой основы. Перенос ударения на предлоги факультативный.

Таблица 56.

	1		2	
	Ъ		Ъ'	
им.-вин.	<i>bõg</i>	<i>grād</i>	<i>mũž</i>	
род-вин.	<i>bõga</i>	<i>grāda</i>	<i>mũža</i>	
дат.	<i>õt boga</i>	<i>iz grada</i>	<i>zà muža</i>	
твор.	<i>bõgu</i>	<i>grādu</i>	<i>mũžu</i>	
твор.	<i>bõgom</i>	<i>grādom</i>	<i>mũžem</i>	
мест.	<i>bõgu</i>	<i>grādu</i>	<i>mũžu</i>	
мест.	<i>òb bogu</i>	<i>ù gradu</i>		
зв.	<i>bõže</i>	<i>grāde</i>	<i>mũže ?</i>	
им.-зв.	<i>bõgi</i>	<i>grādi</i>	<i>mũži</i>	
вин.	<i>bõge</i>	<i>grāde</i>	<i>mũže</i>	
вин.	<i>zà boge</i>	<i>ù grade</i>	<i>zà muže</i>	
род.	<i>bogõv</i>	<i>gradõv</i>	<i>mužëv</i> <i>muži</i>	
дат.	<i>bõgom ?</i>	<i>grādom</i> <i>pò gradom</i>	<i>mũžem</i> ⁸⁷	
твор.	<i>bogmī</i>	<i>gradmī</i>	<i>mužmī</i>	
мест.	<i>bogīh</i>	<i>gradīh</i>	<i>mužīh</i>	
и.-в.-з.			<i>mũža</i>	
род.		<i>grāda</i>	<i>mũžu</i>	
д.-тв.			<i>mũžma</i>	

⁸⁷ В дат.мн. мягкой разновидности встречается окончное ударение (2 примера): «Блудно пак јест рѣц: При петі мужѣх : Ко петі мужѣм : Со пету мужмї. Когда бо двї Обстõна јмена въ кўпи стојѣт, једно јмáјет стојáт во Јзкернику» [ГИ 133]. Судя по всему, ударение в этой ошибочной для Крижанича форме здесь заимствовано из формы род.мн. мужѣь. Пример в «Политике» скорее всего объясняется опечаткой (при большом количестве примеров с окончным ударением).

Различаются мягкая (основы на *-š, -ž, -c, -l, -ŋ, -j* и отвердевшие *-r, -t, -d*) и твердая (все остальные) разновидности. В первой формы твор.ед, род.мн, дат.-твор.дв. образуются окончаниями *-em, -ev (-i)*, и *-ema*, во второй *-om, -ov*, и *-oma*. Слова на отвердевшие зубные (типа *rŷt*) колеблются, Крижанич их относит к обеим разновидностям⁸⁸. Слова на шипящие, видимо, образуют по две формы род.мн.: *mužŷ*⁸⁹ наряду с *mužěv*. У слова *lŷdi* (мн.) в род.мн. только *ludŷ*.⁹⁰

В твор.ед. на *-mi* (при отсутствии предударной долготы), заместительное удлинение в основах на сонорный возникает, видимо, лишь факультативно (ср. *čármŷ* – много раз, *stvármŷ* при единичных примерах типа *obmânmi, towârmŷ*). Примеров мало, но можно предположить, что отсутствие удлинения связано с поздним временем замены исконного *-i* на аналогическое *-mi*, уже после окончания действия заместительного удлинения.

Наличие бывшего сверхкраткого в последнем слове основы, проявляется (как *-a-*) в форме им.ед., ср. *sàn, snã; otàs, otcã*, а также в форме род.мн., если она образуется без достроенного окончания, ср. *otãc*. Если этот редуцированный находится после сонорного, то в тех формах, где он не прояснен, удиняется предшествующий ему гласный, ср. *stâræc, stârca*. Это удлинение обычно не происходит после долготного гласного, ср. *zãkõnmŷ* при *obmãnmi*.

Слова со сверхкраткими в последнем слове показывают старый облик формы твор.мн.: *oràl, orlŷ; otàs, otcŷ; ovàn, ovnŷ*. Для части прочих слов (для большинства непроезженных) имеются, видимо, по две формы твор.мн.: *zŷb: zubŷ* и *zubmŷ*.

В достроенном окончании род.мн. происходит удлинение: *gradõv, mužŷ*. Некоторые слова факультативно образуют старые формы род.мн. без окончания: а.т. А: *krát, krât*, а.т. В: *kõň, kõň; lakàt, lakât; novàc, novâc; noxàt, noxât; otàc, otâc; pàs, pâc*, а.т. С: *piñez pinéz*. Проясненный редуцированный отражается в виде */a/*, под долготным ударением (из нового циркумфлекса или нового акута).⁹¹

Зв.ед. образуется двойко: от корней на *-r, -l* – на *-u*, ср. *gospodãru, sèrbŷu* (однако это не относится к слову *cãr*, ср. *цáре*), от всех остальных на *-e*, ср. *brãte*. Чередования заднеязычных (*g > ž, z > ž, h > š, k > č, c > č*) проявляются только в зв.ед., ср. *bõže, kněže, grěče, vlãše, àglinče*.

⁸⁸ «Пут чинит Путом, и пугем»

⁸⁹ Такая трактовка окончания косвенно вытекает из примеров (на другое склонение): «А по Херватску на Ъ, или на I: кѣ, тих ричий, скорбий, милостий: или, Свиѣх ричий, скорбий, милостий, радостий, напастий, мислий, ратий, ноций.»

⁹⁰ «По Херватску [...] всѣ идет правилно на ОВ, и ЕВ : [...] Муж, от мужев, и мужев, и мужий. От Людѣв, и людий» [ГИ 24]

⁹¹ «А гди јест Остриѣ зãвлак, тãмо никакож липо нестоѣт то обсичено творѣнје: кѣ, Цãр, брãт, бич: вѣтер, сѣвер, вѣтел: Кãмен, Рѣмен, Пѣпел: Учѣтель, Светѣтель, Владãтель: Правѣтѣла, мученик, обрѣзанец. От тих Цãров, вѣтров, кãменов, учѣтельев, правѣтельев, обрѣзанцев. А нѣ, от Цãр, от вѣтер, от камѣн, от мученик: и остãлно» [ГИ 23].

3.5.5. Тип о: склонение на -о, -е среднего рода

Морфологические типы:

беглый гласный	твёрдые	мягкие
нет	о	о'
да	*о	*о'

Акцентные парадигмы: *a, b, c*

Неподвижное ударение (а.п. *a* – а.т. А, Е): акцентные подтипы различаются долготой основы, а также различными чередованиями, связанными с наличием в большинстве форм парадигмы сонорного перед павшим ером. Чередования позиционные.

Таблица 57.

	1		2			4	5			
	о	о'	о	*о	*о'	*о	*о	*о'		
и.-в.-з.	<i>līto</i>	<i>dnīšće</i>	<i>sōčivo</i>	<i>jādro</i>	<i>sārcē</i>	<i>nakovālnō</i>	<i>cārstvo</i>	<i>dīmņe</i>	<i>primōrje</i>	<i>imānje</i>
род.	<i>līta</i>	<i>dnīšća</i>	<i>sōčiva</i>	<i>jādra</i>	<i>sārcā</i>	<i>nakovālna</i>	<i>cārstva</i>	<i>dīmņa</i>	<i>primōrja</i>	<i>imānja</i>
дат.	<i>lītu</i>	<i>dnīšću</i>	<i>sōčivu</i>	<i>jādru</i>	<i>sārcu</i>	<i>nakovālnu</i>	<i>cārstvu</i>	<i>dīmņu</i>	<i>primōrju</i>	<i>imānju</i>
твор.	<i>lītom</i>	<i>dnīšćem</i>	<i>sōčivom</i>	<i>jādrom</i>	<i>sārcem</i>	<i>nakovālnom</i>	<i>cārstvom</i>	<i>dīmņem</i>	<i>primōrjem</i>	?
мест.	<i>lītu</i> <i>līti</i> ?	<i>dnīšći</i>	<i>sōčivu</i>	<i>jādru</i>	<i>sārci</i>	<i>nakovālnu</i>	<i>cārstvu</i>	<i>dīmņi</i>	<i>primōrji</i> ?	<i>imāņi</i>
им.-зв.	<i>līta</i>	<i>dnīšća</i>	<i>sōčiva</i>	<i>jādra</i>	<i>sārcā</i>	<i>nakovālna</i>	<i>cārstva</i>	<i>dīmņa</i>	<i>primōrja</i>	<i>imānja</i>
род.	<i>līt</i>	<i>dnīšć</i>	<i>sōčiv</i>	<i>jādar</i>	<i>sārdac</i>	<i>nakovālan</i>	<i>cārstav</i>	<i>dīmaņ</i>	<i>primōraj</i> ? <i>primōrji</i>	<i>imāņi</i> <i>imāņ</i>
дат.	<i>lītom</i>	<i>dnīšćem</i>	<i>sōčivom</i>	<i>jādrom</i>	<i>sārcem</i>	<i>nakovālnom</i>	<i>cārstvom</i>	<i>dīmņem</i>	<i>primōrjem</i>	?
твор.	<i>lītmi</i> <i>[krasīlmi]</i>	<i>dnīšći</i>	<i>sōčivmi</i>	<i>jādri</i>	<i>sārci</i>	<i>nakovālni</i>	<i>cārstvi</i>	<i>dīmņi</i>	<i>primōrji</i> ?	<i>imāņmi</i>
мест.	<i>lītih</i>	<i>dnīšćih</i>	<i>sōčivih</i>	<i>jādrīh</i>	<i>sārcih</i>	<i>nakovālnih</i>	<i>cārstvih</i>	<i>dīmņih</i>	<i>primōrjih</i>	<i>imāņih</i>
и.-в.-з.	<i>līti</i>				<i>sārci</i>					
род.	<i>lītu</i>									
д.-тв.	<i>lītma</i> <i>lītoma</i>									

Наконечное ударение (а.п. *b* – а.т. В): акцентные подтипы 1 и 2 различаются количеством гласного в корне, в подтипе 3 – долготное ударное окончание. Примеров типа «*о'-b3» (*korjě, ojě*) очень мало. Закон Крижанича не действует: в типах 1 и 2 все формы множественного числа получают накоренное долготное ударение (возможно, есть исключения, см. 2.7.3.6).

Таблица 58.

	1				2				3			
	о	*о	о'	*о	о	*о	о'	*о'	*о	*о'	о'	
и.-в.-з.	<i>selò</i>	<i>oknò</i>	<i>dnò</i>	<i>plecè</i>	<i>očcè</i>	<i>mītò</i>	<i>vīdrò</i>	<i>līcè</i>	<i>drīvcè</i>	<i>vojstvò</i>	<i>kopjè</i>	<i>ojè</i>
род.	<i>selà</i>	<i>oknà</i>	<i>dnà</i>	<i>plecà</i>	<i>očcà</i>	<i>mītà</i>	<i>vīdrà</i>	<i>līcà</i>	<i>drīvcà</i>	<i>vojstvā</i>	<i>kopjā</i>	<i>ojā</i>
дат.	<i>selū</i>	<i>oknū</i>	<i>dnū</i>	<i>plecū</i>	<i>očcū</i>	<i>mītū</i>	<i>vīdrū</i>	<i>līcū</i>	<i>drīvcū</i>	<i>vojstvū</i>	<i>kopjū</i>	<i>ojū</i>
твор.	<i>selòm</i>	<i>oknòm</i>	<i>dnòm</i>	<i>plecèm</i>	<i>očcèm</i>	<i>mītòm</i>	<i>vīdròm</i>	<i>līcèm</i>	<i>drīvcèm</i>	<i>vojstvòm</i>	<i>kopjèm</i>	<i>ojèm</i>
мест.	<i>selū</i> <i>selì</i>	<i>oknū</i>	<i>dnū</i>	<i>plecì</i>	<i>očcì</i>	<i>mītū</i>	<i>vīdrū</i>	<i>līcì</i>	<i>drīvcì</i>	<i>vojstvū</i>	<i>kopjū</i>	?
им.-зв.	<i>sēla</i>	<i>ōkna</i>	<i>dāna</i>	<i>plēca</i>	<i>ōcca</i>	<i>mīta</i>	<i>vīdra</i>	<i>līca</i>	<i>drīvca</i>	<i>vojstvā</i>	<i>kōpja</i>	?
род.	<i>sěl</i>	<i>ōkan</i>	<i>dān</i>	<i>plēc</i>	<i>ōcac</i>	<i>mīt</i>	<i>vīdran</i>	<i>līc</i>	<i>drīvac</i>	<i>vojstāv</i>	<i>kopāj</i>	<i>ojī</i>
дат.	<i>sēlom</i>	<i>ōknom</i>	?	<i>plēcem</i>	<i>ōccem</i>	<i>mītom</i>	<i>vīdrom</i>	<i>līcem</i>	<i>drīvcem</i>	<i>vojstvòm</i>	<i>kōpjem</i>	?
твор.	<i>sēlmi</i>	<i>ōkni</i>	?	<i>plēcmi</i>	<i>ōcci</i>	<i>mītmi</i>	<i>vīdri</i>	<i>līcmi</i>	<i>drīvci</i>	<i>vojstvī</i>	<i>kōpji</i>	?
мест.	<i>sēlih</i> <i>selīh</i>	<i>ōknih</i>	?	<i>plēcih</i>	<i>ōcīh</i>	<i>mītih</i>	<i>vīdrih</i>	<i>līcīh</i>	<i>drīvcīh</i>	<i>vojstvīh</i>	<i>kōpjih</i>	?
и.-в.-з.	<i>selì</i>			<i>plecì</i>	<i>očcì</i>	<i>mītì</i>	<i>vīdrì</i>	<i>līcì</i>	<i>drīvcì</i>			
род.								<i>līcu</i>				
д.-тв.								<i>līcma</i> <i>licèma</i>				

Подвижное ударение (а.п. с – а.т. С): акцентные подтипы различаются долготой основы. Встречается перенос ударения на предлоги.

Таблица 59.

	1		2	
	о	о'	о	о'
и.-в.-з.	<i>pròso</i>	<i>pòle</i>	<i>blāgo</i>	<i>mōre</i> <i>nā more</i>
род.	<i>pròsa</i>	<i>pòla</i>	<i>blāga</i>	<i>mōra</i>
дат.	<i>pròsu</i>	<i>pòlu</i> <i>pò poļu</i>	<i>blāgu</i>	<i>mōru</i>
твор.	<i>pròsom</i>	<i>pòlem</i>	<i>blāgom</i>	<i>mōrem</i>
мест.	<i>pròsu</i>	<i>pòlu</i> <i>pòli</i>	<i>blāgu</i>	<i>mōru</i>
им.-зв.		<i>pòla</i>		<i>mōra</i>
род.		<i>pòl</i>	<i>blāg</i>	<i>mōr</i>
дат.		<i>pòlem</i>		
твор.		<i>pòlmi</i>		
мест.		<i>pòlih</i>		<i>mōrih</i>
и.-в.-з.		<i>pòli</i>		
род.		<i>pòlu</i>		
д.-тв.		<i>pòlma</i>		

Различаются твёрдая и мягкая разновидности.

При наличии ера в последнем слого основы он проясняется в род.мн., ср. *čīslò*, *čīsal*; *sàrdce*, *sàrdac*, а в одном случае в им.-вин.мн.: *dnò dāna*.

Слова со сверхкраткими и с сочетаниями согласных в исходе имеют старый облик формы твор.мн.: *jājcĕ, jājci; dnīšće, dnīšci*⁹².

Имеются также особенности в склонении существительных на *-je*. Имеется всего несколько слов с ударным окончанием *-jĕ*. ср. *korjĕ* род.мн. *korāj, oĵĕ* род.мн. *oĵĭ*. В виду немногочисленности примеров, трудно уверенно говорить об этой словоизменительной категории, ср. ещё *smetjĕ, keljĕ*.

В отглагольных именах на **-je* (где это окончание безударно), видимо, возможно смягчение предшествующего окончанию *-n-*, ср. несколько приводимых Крижаничем форм: мест.ед. *imāņi*, мест.мн. *imāņih*, род.мн. *imāņ* и *imāņi*⁹³. Другие согласные не смягчаются. Это заставляет задуматься о правомерности раздельного чтения сочетания 'н' с 'j'. Возможно, Крижанич сознательно «исправлял» произношение типа [*imaņe*], стремясь к единообразию.

В основах на *-en* произошло слияние а.п. *a* и а.п. *b*, ср. *јме, јмена*, род.мн. *јмѣн, плѣме*, род.ед. *плѣмена*, но проявления подвижности сохранились в сочетании с проклитиками, *врѣме, во врѣме, ко врѣмену*. У всех слов на *-en-* форма род.мн. имеет конечное ударение. Как видно из таблиц, акцентные типы претерпели большие изменения.

Формы им.-вин.мн.ср. на **-ā* в а.т. *B* не распределяются по закону Крижанича: практически все эти формы имеют накоренное ударение⁹⁴. Почти все данные формы не только имеют накоренное ударение, но и в краткосложные проник циркумфлекс (т.е. удлинение). Ударение здесь совпадает с формой род.мн., ср. *plĕc, sĕl*, так же в формах с ером, ср. *vĕsəl, rĕbər*. Это отличает их от форм род.мн. слов мужского рода, где при прояснении ера последний получает циркумфлекс, ср. *jarām, otāc* и др. Впрочем, несколько конечноударных форм имеется в «Политике», ср. *sukōn*.

3.5.5.1. Тип о-С: существительные среднего рода, восходящие к древним основам на согласный. Склоняются, в основном, как предыдущий тип, но со вставкой согласного во всех формах, кроме им.ед.

Морфологические типы:

на <i>-en-</i>	на <i>-et-</i>	на <i>-es-</i>
on	ot	os

Акцентные парадигмы: *a, c* (с обобщением конечного ударения в род.мн. и неясной непостоянной долготой в типе «ot-c2»).

⁹² «Али зарад претвѣрдá ĵзрѡка, опушцáјетсе М: кѣ, Со Брашми, Кральѣстви, Дупльи, Нáдри, Солнци, Жĭтѣи, Несподѡбѣи, Днĭшщци, Дворĭшщци, Јáјци. Псалом 149 : Свázáти пúти. Рецĭи, Свѣзáти пúтми» [ГИ 36].

⁹³ «От НІЕ, ТІЕ, ѡдет І : кѣ, от ових Јмáньи, Владáньи, Чтѣньи. Овĭх Пришĕстѣи, Зачѣтѣи, Жĭтѣи... А от НІЕ, кáжетсе стерпно бĭт и Нь: кáкот, Јмáнь. Владáнь, Чтѣнь, Учѣнь, Јзказáнь, Мĭшльень, Дĭјáнь» [ГИ 36]. Видимо, Крижанич имеет в виду, что его говору характерны формы типа *imāņe* (а не *imāņje*).

⁹⁴ Возможно, конечноударные формы, приведенные в ОСАС [124], – результат неверного прочтения. Они являются либо формами род.ед., либо употреблены с ударением двойственного числа, ср. «Невелĭм бо ... двá бедра' ... него двĭ бедри» [Гр.], «...na swoia plecá wzĕt...» [Pol.] при мн. *плѣща* [Гр.]. То же, возможно, в «*nosit trĭ...bela perá*» [Pol.]

Таблица 60.

	a (A)		a (E)			c (C)	
			1	2	3 ?	1	2
	on	ot	ot	ot	ot	on	ot
И.-В.-З.	<i>ime</i>	<i>jägŋe</i>	<i>telè</i>	<i>dītè</i>	<i>brāvčë</i>	<i>vřimè</i> <i>ù vrime</i>	<i>prāse</i>
род.	<i>imena</i>	<i>jägŋeta</i>	<i>telèta</i>	<i>ditèta</i>	<i>brāvčëta</i>	<i>vřimena</i>	
дат.	<i>imenu</i>	<i>jägŋetu</i>	<i>telètu</i>	<i>ditètu</i>	<i>brāvčëtu</i>	<i>vřimenu</i>	
твор.	<i>imenom</i>	<i>jägŋetom</i>	<i>telètom</i>	<i>ditètom</i>	<i>brāvčëtom</i>	<i>vřimenom</i>	
мест.	<i>imenu</i>	<i>jägŋetu</i>	<i>telètu</i>	<i>ditèti ?</i>	<i>brāvčëtu</i>	<i>vřimenu</i>	
ИМ.-ЗВ.	<i>imena</i>	<i>jägŋeta</i>	<i>telèta</i>	<i>ditèta</i>	<i>brāvčëta</i>	<i>vřimena</i>	<i>prāseta</i>
род.	<i>imēn</i>	<i>jägŋēt ?</i>	<i>telēt</i>	<i>ditēt</i>	<i>brāvčēt ?</i>	<i>vřimēn</i>	
дат.	<i>imenom</i>	<i>jägŋetom</i>	<i>telètom</i>	<i>ditètom</i>	<i>brāvčëtom</i>	<i>vřimenom</i>	
твор.	<i>imenmi</i>	<i>jägŋetmi</i>	<i>telètmi</i>	<i>ditètmi</i>	<i>brāvčëtmī</i>	<i>vřimenmi</i>	
мест.	<i>imenih</i>	<i>jägŋetih</i>	<i>telètih</i>	<i>ditètih</i>	<i>brāvčëtih</i>	<i>vřimenih</i>	
И.-В.-З.	<i>imeni</i>	<i>jägŋeti</i>		<i>ditèti</i>			
род.				<i>ditètu</i>			
Д.-ТВ.				<i>ditètma</i>			

	c (C)		
	o-s		
И.-В.-З.	<i>nèbo</i> <i>nā nebo</i>	<i>vũho</i>	<i>òko</i>
род.	<i>nèba</i>	<i>vũha</i>	<i>òka</i>
дат.	<i>nèbu</i>	<i>vũhu</i>	<i>òku</i>
твор.	<i>nèbom</i>	<i>vũhom</i>	<i>òkom</i>
мест.	<i>nèbu</i> <i>nā nebu</i>	<i>vũhu</i>	<i>òki ?</i>
ИМ.-ЗВ.	<i>nebēsa</i>	<i>vũha vušēsa</i>	<i>òka očēsa</i>
род.	<i>nebēs</i>	<i>vũh vušēs</i>	<i>òk očēs</i>
дат.	<i>nebēsom</i>	<i>vũhom vušēsom</i>	<i>òkom očēsom</i>
твор.	<i>nebēsmi</i>	<i>vũhmi vušēsmi</i>	<i>òkmi očēsmi</i>
мест.	<i>nebēsih</i>	<i>vũhih vušēsih</i>	<i>òkih očēsih</i>
И.-В.-З.		<i>vũhi vuši</i>	<i>òki òči</i>
род.		<i>vũhu vušiju</i>	<i>òku očiju</i>
Д.-ТВ.		<i>vũhma vušima</i>	<i>òkma očima</i>

3.5.6. Склонение на согласный (-*b) женского рода (ь)

Морфологические типы: без беглого гласного (ь); с беглым гласным (*ь)

Акцентные парадигмы: a, c

Неподвижное ударение (а.п. a – а.т. А, Е): в действительности оно не вполне неподвижно; конечное ударение обобщено в род.мн. во всех подтипах, в мест.мн. во всех подтипах, кроме 4, а в дат.мн., видимо, только в непроезженных (подтип 1).

Таблица 61.

	1		2		3	4	5
	ь	*ь	ь	ь	ь	ь	ь
и.-в.-з.	<i>ràt</i>	<i>mìsal</i>	<i>mìlost</i>	<i>tājnost</i>	<i>zlòst</i>	<i>kakòvost</i>	<i>mārzòst</i>
род.	<i>ràti</i>	<i>mìsli</i>	<i>mìlosti</i>	<i>tājnosti</i>	<i>zlòsti</i>	<i>kakòvosti</i>	<i>mārzòsti</i>
дат.		<i>mìsli</i>	<i>mìlosti</i>	<i>tājnosti</i>	<i>zlòsti</i>	<i>kakòvosti</i>	<i>mārzòsti</i>
твор.	<i>ràtju</i> <i>ràtjom</i>	<i>mìsalju</i>	<i>mìlostju</i> <i>mìlostjom</i>	<i>tājnostju</i> <i>tājnostjom</i>	<i>zlòstju</i> <i>zlòstjom</i>	<i>kakòvostju</i> <i>kakòvostjom</i>	<i>mārzòstju</i> <i>mārzòstjom</i>
мест.	<i>ràti</i>	<i>mìsli</i>	<i>mìlosti</i>	<i>tājnosti</i>	<i>zlòsti</i>	<i>kakòvosti</i>	<i>mārzòsti</i>
им.-зв.	<i>ràti</i>	<i>mìsli</i>	<i>mìlosti</i>	<i>tājnosti</i>	<i>zlòsti</i>	<i>kakòvosti</i>	<i>mārzòsti</i>
род.	<i>ratī</i>	<i>mislī</i>	<i>milostī</i>	<i>tajnostī</i>	<i>zlostī</i>	<i>kakovostī</i>	<i>mārzostī</i>
дат.		<i>mislām</i>	<i>mìlostam</i>	<i>tājnostam</i>	<i>zlòstam ?</i>	<i>kakòvostam</i>	<i>mārzòstam</i>
твор.	<i>ràtmi</i>	<i>mìsalmi</i>	<i>mìlostmi</i>	<i>tājnostmi</i>	<i>zlòstmi ?</i>	<i>kakòvostmi</i>	<i>mārzòstmi</i>
мест.	<i>ratīh</i>	<i>mislīh</i>	<i>milostīh</i>	<i>tajnostīh</i>	<i>zlostīh ?</i>	<i>kakòvostih</i>	<i>mārzostīh</i>
и.-в.-з.							
род.							
д.-тв.							

Подвижное ударение (а.п. с – а.т. С): в подтипе 1 не вполне ясна акцентная кривая, а также отсутствие удлинения в им.-вин.ед. (в него, видимо, входит только одно слово).

Таблица 62.

	1	2	3
и.-в.-з.	<i>smərt</i>	<i>nǫc</i> <i>ǫb noć</i>	<i>rīč</i>
род.	<i>smərti</i> <i>dǫ smərti</i>	<i>nǫci</i>	<i>rīči</i>
дат.			<i>rīči</i>
твор.	<i>smərtju</i> <i>smərtjǫ</i> ?	<i>noćjǫ</i> <i>noćjǫm</i>	<i>ričjǫ</i> <i>ričjǫm</i>
мест.	<i>smərti</i>	<i>nǫci</i>	<i>rīči</i>
им.-зв.		<i>nǫci</i>	<i>rīči</i>
род.	<i>smərtī</i>	<i>noćī</i>	<i>ričī</i>
дат.		<i>noćām</i>	<i>ričām</i>
твор.		<i>noćmī</i>	<i>ričmī</i>
мест.		<i>noćīh</i>	<i>ričīh</i>
и.-в.-з.			<i>rīči</i>
род.			<i>rīčju</i>
д.-тв.			<i>rīčmi</i>

Характерный архаизм: регулярный рефлекс окончания твор.мн. *-*ьтъ > -am*. Кривая *i*-основ существенно преобразована. Здесь представлено всего две акцентных парадигмы, утрачена а.п. *b* (видимо, нетипичная и для праславянского).

3.5.7. Нерегулярные существительные

Эти слова не вписываются ни в один из перечисленных типов. Они восходят к древним основам на *-er-* (*màti*, *čí*⁹⁵) или, в одном случае, являются результатом локальных преобразований.

Таблица 63.

им.-зв.	<i>màti</i>	<i>čí</i>
вин.	<i>màter</i>	<i>čer</i>
род.	<i>màtere</i>	<i>čerē</i>
дат.	<i>màteri</i>	<i>čerì</i>
твор.	<i>màterju</i>	<i>čerju ?</i>
мест.	<i>màteri</i>	<i>čerì</i>
им.-зв.	<i>màtere -i ?</i>	<i>čère -i ?</i>
род.	<i>màter</i> <i>materì ?</i>	<i>čerì</i>
дат.	<i>màteram</i>	<i>čeràm</i>
твор.	<i>màtermi</i>	<i>čermì</i>
мест.	<i>màterah</i>	<i>čeràh</i>
и.-в.-з.	<i>màteri</i>	<i>čèri</i>
род.	<i>màterju</i>	<i>čerjũ</i>
д.-тв.	<i>màterma</i>	<i>čermã</i>

им.-вин.	<i>dãn</i>
род.	<i>dněva dně</i>
дат.	<i>dněvu dnĩ</i>
твор.	<i>dněvom dněm</i>
мест.	<i>dněvi dnĩ</i>
зв.	<i>dněve dně</i>
им.-зв.	<i>dnĩ</i>
род.	<i>dãn</i>
дат.	<i>dněvom dněm</i>
твор.	<i>dněvmi dnĩ</i>
мест.	<i>dnĩh</i>
и.-в.-з.	<i>dnĩ</i>
род.	<i>dněvu</i>
д.-тв.	<i>dněma dněvma</i>

Сюда примыкает не вполне ясная форма *svekrĩ*, которая приводится как альтернативная, ср. «Свекѣрва, и Свекрї, а не Свекрѡв» [ГИ 38]. Склонение не приводится. Кроме того, приводится слово *krĩ* (как неправильное): «Нїктож бо тáко неговорїт: лїше Краьински Хервãти скáзно велѣт, Ова Крї» [ГИ 38].

3.6. Имя прилагательное

3.6.1. Окончания. Восстановленные окончания прилагательных приводятся в следующей таблице. В ней различаются твердая и мягкая разновидности и даются все варианты правописания (как в «общей», так и в «хорватской» системах).

⁹⁵ Ср. «Дщї: по Руску Дѡц: по Хервãтску Щї» [ГИ 38].

Таблица 64.

Нечленные формы:

		м.		ср.		ж.	
		Криж.	рекон.	Криж.	рекон.	Криж.	рекон.
ед.	им.	-∅	-∅	-o	-o	-a	-a
	вин.			-e ¹	-e ¹	-y	-u
	род.	-a ² -ого [-oga] -его [-ega] ¹		-a ² -oga -ega ¹		-eje, -ије -и, [-e]	-ě
	дат.	-y ² -ому -ему ¹		-i ² -omū -emū ¹		-oj -ej ¹	-oj -ej ¹
	твор.	-им		-īm		-oj, -ej [-y]	-ĩ -ōm ?
	мест.	-ом -ем ¹		-ōm -ēm ¹		-oj -ej ¹	-oj -ej ¹
мн.	им.	-и	-i	-a	-a	-ије -и, [-e]	-e
	вин.	-и, [-e]	-e				
	род.	-их		-ih			
	дат.	-им		-īm			
	твор.	-ими		-īmi			
	мест.	-их		-ih			
дв.	им.-вин.	-a	-a	-и		-i	
	род.	-у		-и			
	дат.-твор.	-има		-īma			

Членные формы:

		м.		ср.		ж.	
		Криж.	рекон.	Криж.	рекон.	Криж.	рекон.
ед.	им.	-иь, [-и]	-ĩ	-oje	-ō	-aja	-ā
	вин.			-eje ¹	-ē ¹	-yuy	-ũ
	род.	-ого [-oga] -его [-ega] ¹		-ōga -ēga ¹		-eje, -ије [-e]	-ě
	дат.	-ому -ему ¹		-ōmi -ēmi ¹		-oj -ej ¹	-oj -ej ¹
	твор.	-им		-im		-oj, -ej [-y]	-ĩ -ōm ?
	мест.	-ом -ем ¹		-om -em ¹		-oj -ej ¹	-oj -ej ¹
мн.	им.	-и	-i	-aja	-a	-ије, -иьи -и, [-e]	-e
	вин.	-и, [-e]	-e				
	род.	-их		-ih			
	дат.	-им		-īm			
	твор.	-ими		-īmi			
	мест.	-их		-ih			
дв.	им.-вин.	-aja	-a	-и		-i	
	род.	-yuy, -ију?		-и			
	дат.-твор.	-има		-īma			

¹ мягкая разновидность.² морфологически нечленные формы.

Морфологические типы:

беглый гласный	твёрдые	мягкие	на -j
нет	п	п'	п-j
да	*п		

3.6.2. Нечленное склонение

Остатки склонения нечленных форм сохранились (в основном, видимо, у непроемных прилагательных), ср. род.ед.м. «...*swincá, rtúti i dobra želéza*», дат.ед.м. «*добру́ мужу* [...] *ни́шцу члові́ку*», причём факультативно. В остальном это проявляется только в сохранении подвижной акцентной кривой (а.п. с) при морфологически членных формах (отличной от собственно членных форм). Таким образом, членные формы прилагательных отличаются от нечленных лишь несколькими окончаниями (одним, им.ед.м., – обязательно).

Акцентные парадигмы: *a, b, c*

Неподвижное ударение (а.т. А). Сюда входят исконно неподвижные прилагательные (а.т. *a*) – подтип 1, а также небольшая группа краткостных прилагательных, восходящих к а.п. *b* – подтип 2. Эти прилагательные иммобилизованы, но сохраняют особое ударение (восходящее к новому акценту краткостей). Судя по всему, в подтип 2 могли факультативно входить и некоторые прилагательные, восходящие к а.п. *a* (ср. *ни́шц* и *ни́шц*, хотя только *мáл*).

Таблица 65.

	1: п, п'			2: п, п'		
	м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.
им.	<i>māl</i>	<i>mālo</i>	<i>māla</i>	<i>nòv</i>	<i>nòvo</i>	<i>nòva</i>
вин.	<i>sviž</i>	<i>sviže</i>	<i>mālu</i>	<i>lòš</i>	<i>lòše</i>	<i>nòvu</i>
род.	<i>māla</i> <i>māloga</i> <i>svižega</i>		<i>māle</i>	<i>nòva</i> <i>nòvoga</i> <i>lòšega</i>		<i>nòve</i>
дат.	<i>mālu</i> <i>mālomu</i> <i>svižemu</i>		<i>māloj</i> <i>svižej</i>	<i>nòvu</i> <i>nòvomu</i> <i>lòšemu</i>		<i>nòvoj</i> <i>lòšej</i>
твор.	<i>mālim</i>		<i>mālu</i>	<i>nòvim</i>		<i>nòvu</i>
мест.	<i>mālom</i> <i>svižem</i>		<i>māloj</i> <i>svižej</i>	<i>nòvom</i> <i>lòšem</i>		<i>nòvoj</i> <i>lòšej</i>
им.	<i>māli</i>	<i>māla</i>	<i>māle</i>	<i>nòvi</i>	<i>nòva</i>	<i>nòve</i>
вин.	<i>māle</i>		<i>māle</i>	<i>nòve</i>		<i>nòve</i>
р.-м.	<i>mālih</i>			<i>nòvih</i>		
дат.	<i>mālim</i>			<i>nòvim</i>		
твор.	<i>mālimi</i>			<i>nòvimi</i>		

Наконечное ударение (а.т. В). Из исконных непроемных прилагательных а.п. *b* твёрдой разновидности в этой группе остались только те, чья основа содержит сверхкраткий (в т.ч. вставной), проясняющийся в им.ед. В противном случае они перешли в а.т. А (в основном, краткостные, ср. *нòв, нòва, нòво*) или в а.т. С (долготные, ср. *грúб, grubá, грúбо*). Однако производные прилагательные (в т.ч. причастия настоящего времени от глаголов а.т. С) сохранили а.т. В (а также одно прилагательное мягкой разновидности *сінь*).

Таблица 66.

1: *п				2: *п, п'			3: *п		
	м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.
им.			<i>dobrã</i>	<i>zàl</i>	<i>zlò</i>	<i>zlã</i>	<i>krātàk</i>	<i>krātkò</i>	<i>krātkã</i>
вин.	<i>dòbar</i>	<i>dobrò</i>	<i>dobrũ</i>	<i>tàšć</i>	<i>tašćè</i>	<i>zlũ</i>			<i>krātkũ</i>
род.	<i>dobrã</i> <i>dobrogã</i>		<i>dobrẽ</i>	<i>zlã</i> <i>zlogã</i> <i>tašćegã</i>		<i>zlẽ</i>	<i>kratogã</i>		
дат.	<i>dobrũ</i> <i>dobromũ</i>		<i>dobròj</i>	<i>zlũ</i> <i>zlomũ</i> <i>tašćemũ</i>		<i>zlòj</i> <i>tašćèj</i>			
твор.	<i>dobrĩm</i>		<i>dobrũ</i>	<i>zlim</i>		<i>zlũ</i>	<i>krātkĩm</i>		
мест.	<i>dobròm</i>		<i>dobròj</i>	<i>zlom</i>					
им.	<i>dobrĩ</i>	<i>dobrã</i>	<i>dobrẽ</i>	<i>zli</i>	<i>zlã</i>	<i>zlẽ</i>		<i>krātkã</i>	
вин.	<i>dobrẽ</i>		<i>dobrẽ</i>						<i>krātkẽ</i>
р.-м.	<i>dobrĩh</i>			<i>zlih</i>					
дат	<i>dobrĩm</i>			<i>zlim</i>			<i>krātkĩh</i>		
твор.	<i>dobrĩmi</i>			<i>zlimi</i>					

3: п				4: п'			4: п		
	м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.
им.			<i>jednãkã</i>	<i>sĩŋ</i>	<i>sĩŋè</i>	<i>sĩŋã</i>	<i>širòk</i>	<i>širokò</i>	<i>širokã</i>
вин.	<i>jednãk</i>	<i>jednãkò</i>	<i>jednãkũ</i>			<i>sĩŋũ</i>			<i>širokũ</i>
род.	<i>jednakogã</i>		<i>jednãkẽ</i> ⁹⁶	<i>sĩŋã</i> <i>sĩŋegã</i>		<i>sĩŋẽ</i> ⁹⁶	<i>širokogã</i>		<i>širokẽ</i>
дат.	<i>jednakomũ</i>		<i>jednãkòj</i>	<i>sĩŋũ</i> <i>sĩŋemũ</i>		<i>sĩŋèj</i>	<i>širokomũ</i>		<i>širokòj</i>
твор.	<i>jednãkĩm</i>		<i>jednãkũ</i> ⁹⁷	<i>sĩŋĩm</i>		<i>sĩŋũ</i> ⁹⁷	<i>širokĩm</i>		<i>širokũ</i>
мест.	<i>jednãkòm</i>		<i>jednãkòj</i>	<i>sĩŋèm</i>		<i>sĩŋèj</i>	<i>širokòm</i>		<i>širokòj</i>
им.	<i>jednãkĩ</i>		<i>jednãkẽ</i>	<i>sĩŋĩ</i>	<i>sĩŋã</i>	<i>sĩŋè</i>	<i>širokĩ</i>	<i>širokã</i>	<i>širokẽ</i>
вин.				<i>sĩŋè</i>		<i>sĩŋè</i>			
р.-м.	<i>jednãkĩh</i>			<i>sĩŋĩh</i>			<i>širokĩh</i>		
дат	<i>jednãkĩm</i>			<i>sĩŋĩm</i>			<i>širokĩm</i>		
твор.	<i>jednãkĩmi</i>			<i>sĩŋĩmi</i>			<i>širokĩmi</i>		

Подвижное ударение (а.т. С). Сюда входит основная масса неизменяемых прилагательных, а также часть производных на *-*ьп-* и *-*ьк-*. В отличие от долгосложных прилагательных а.т. В, здесь в формах род., мест., дат. и твор.мн. долгота в основе сокращена. Кроме того, по-видимому, краткосложные факультативно склоняются по а.т. В (чем устраняются два отличия в акцентных кривых: в им.-вин.ср.ед. и вин.ж.ед.), а во множественном числе все формы, по-видимому, конечноударны. Таким образом, в прилагательных слияние а.т. А и В зашло довольно далеко.

⁹⁶ Долгота в корне в этих формах засвидетельствована только в следующем объяснении о «хорватском» произношении: «*Ј въ жѣнскихъ , въ ѓзкернику јединичномъ: Отъ Книгѣ, отъ рѣкѣ, отъ сохѣ. Отъ Дрѣгѣ, отъ Великѣ, отъ Тихѣ Женѣ*» [ГИ 22].

⁹⁷ Эту корневую долготу мы восстанавливаем лишь предположительно, по аналогии с существительными.

Таблица 67.

	1: п			2: п			3: *п		
	м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.
им.			<i>prostà</i>			<i>světà</i>			<i>težkà</i>
вин.	<i>pròst</i>	<i>pròsto</i> <i>prostò</i>	<i>pròstu</i> <i>prostù</i>	<i>svět</i>	<i>světo</i>		<i>těžak</i>	<i>těžko</i>	<i>težkù</i>
род.	<i>prostà</i> <i>prostogà</i>		<i>prostě</i>	<i>svetogà</i>		<i>světě</i> ⁹⁶	<i>težkogà</i>		<i>težkě</i>
дат.	<i>prostù</i> <i>prostomù</i>		<i>prostòj</i>	<i>světù</i> <i>svetomù</i>		<i>světòj</i>			
твор.	<i>prostìm</i>		<i>prostù</i>	<i>světìm</i>		<i>světù</i> ⁹⁷	<i>težkìm</i>		<i>težkù</i>
мест.	<i>prostòm</i>		<i>prostòj</i>	<i>světòm</i>		<i>svetòj</i>	<i>težkòm</i>		
им.	<i>prostù</i>	<i>prostà</i>	<i>prostě</i>	<i>svěì</i>		<i>světě</i>	<i>težkì</i>	<i>težkà</i>	<i>težkě</i>
вин.	<i>prostě</i>			<i>světě</i>			<i>težkě</i>		
р.-м.	<i>prostìh</i>			<i>svetìh</i>			<i>težkìh</i>		
дат	<i>prostìm</i>			<i>svetìm</i>			<i>težkìm</i>		
твор.	<i>prostìmi</i>			<i>svetìmi</i>			<i>težkìmi</i>		

3.6.3. Членное склонение

У членных прилагательных выделяется три акцентных типа.

Непроизводные прилагательные с ударным последним слогом основы получают неподвижное долготное ударение на том же слоге (исключение: *вели́к–вѣликиѣ* с ударением на первом слоге двусложной основы). Мы в этом усматриваем результат действия закона Крижанича (см. 2.4.1 и 2.7.2.2).

Однако имеется несколько прилагательных на -g- а.т. А (некоторые, возможно, вторично), в которых по непонятной причине основа не удлиняется, ср. *срòг–срòгий*, *дру́г–дру́гий*, *једнорòг–једнорòгий* (видимо, описка вместо **једнорòгий*), *ту́г–ту́гий* и, возможно *внòг* (*мнòг*; членные формы выявить трудно)⁹⁸.

Производные ведут себя иначе и могут получать как наосновное ударение, так и долготное ударение на первом слоге окончания (здесь, как мы считаем, тоже действует закон Крижачича, ср., в частности, 3.9.2). То же относится к причастиям настоящего времени а.т. В (ср. 3.10.1.3).

⁹⁸ Таких примеров крайне мало, но, вероятно, тут действует какой-то фонетический закон, чьего проявления в иных случаях мы не обнаружили. Подвижные же прилагательные на -g- ведут себя как все остальные, т.е. имеют долготу в членной и нечленной формах, ср. *дра́г–дра́гий*, *на́г–на́гий*.

Таблица 68.

ед.	м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.
им.	<i>māli</i>	<i>mālo</i>	<i>māla</i>	<i>drùgi</i>	<i>drùgo</i>	<i>drùga</i>	<i>mužskī</i>	<i>mužskō</i>	<i>mužskā</i>
вин.			<i>mālu</i>			<i>drùgu</i>			<i>mužskū</i>
род.	<i>māloga</i>		<i>māle</i>	<i>drùgoga</i>		<i>drùge</i>	<i>mužskōga</i>		
дат.	<i>mālomu</i>		<i>māloj</i>	<i>drùgomu</i>		<i>drùgoj</i>	<i>mužskōmu</i>		
твор.	<i>mālimi</i>		<i>mālu</i>	<i>drùgim</i>		<i>drùgu</i>	<i>mužskīm</i>		
мест.	<i>mālih</i>		<i>māloj</i>	<i>drùgom</i>		<i>drùgoj</i>	<i>mužskōm</i>		
им.	<i>māli</i>	<i>māla</i>	<i>māle</i>					<i>mužskā</i>	
вин.	<i>māle</i>		<i>dobrè</i>						
р.-м.	<i>mālih</i>						<i>mužskīh</i>		
дат	<i>mālim</i>						<i>mužskīm</i>		
твор.	<i>mālimi</i>						<i>mužskīmi</i>		

В табл. 69 приведены основные виды мены акцентных типов при образовании членных форм.

Таблица 69.

	а.п.	нечленные	членные	замечания	
нет исконного ера в основе	<i>a</i>	<i>māl, māla, mālo</i>	<i>māli, māla, mālo</i>	удлинение перед стяжением, оттяжка с окончания по закону Крижанича	
	<i>b</i>	<i>dōbar, dobrā, dobrō</i>	<i>dōbri, dōbra, dōbro</i>		
	<i>c</i>	<i>prōst, prostā, prōsto</i>	<i>prōst, prōsta, prōsto</i>		
	<i>a</i>	<i>bogāt, bogāta, bogāto</i>	<i>bogāti, bogāta, bogāto</i>		
	<i>b</i>	<i>visōk, visokā, visokō</i>	<i>jednāki, jednāka, jednāko</i>		
	<i>b</i>	<i>jednāk, jednākā, jednākō</i>	<i>visōki, visōka, visōko</i>		
ер в основе	<i>b</i>	<i>rečēn, rečenā, rečenō</i>	<i>rečēni, rečēna, rečēno</i>	удлинения нет (мешает второй слог, еровый или нет)	
	<i>b</i>	<i>stojēc, stojēcā, stojēcē</i>	<i>stojēci, stojēca, stojēce</i>		
	<i>a</i>	<i>řizav, řizva, řizvo</i>	<i>řizvi, řizva, řizvo</i>		ведут себя как непроизводные (по аналогии?) ⁹⁹
	<i>a</i>	<i>prāvedan, prāvedno, prāvedna</i>	<i>prāvedni, prāvedno, prāvedna</i>		
	<i>b</i>	<i>krātāk, krātkā, krātkō</i>	<i>krātki, krātka, krātko</i>		оттяжка по закону Крижанича на долготный слог после падения еров
	<i>c</i>	<i>nīzak, nīzkā, nīzko</i>	<i>nīzki, nīzka, nīzko</i>		
<i>b</i>	<i>bīdān, bīdnā, bīdnō</i>	<i>bīdni, bīdna, bīdno</i>	удлинения нет (мешает слог с ером)		
<i>c</i>	?	<i>vodnī, vodnā, vodnō</i>			
<i>c</i>	?		<i>mužskī, mužskā, mužskō</i>	сокращение в корне – отсутствие оттяжки	

Особые случаи: *veļik, veļika, veļiko* (а.п. *a*) – *vēliki, vēlika, vēliko*;
zāl, zlā, zlō (а.п. *b*) – *zlī, zlā, zlō*.

⁹⁹ В этой немногочисленной группе могли произойти различные выравнивания. Впрочем, возможно, что долгота в членных формах как раз исконна (и сокращена в нечленных).

3.7. Местоимение

3.7.1. Личные местоимения. Сложность системы личных местоимений в говоре Крижанича, а также трудности, связанные с его «общей» орфографией, осложняют реконструкцию. Тем не менее, опираясь на его примеры и объяснения, можно получить довольно полное представление обо всём многообразии форм. Так, наряду с полноударными формами, имеются безударные (краткие) формы, ср. *méne* и *me*, а также (в 3-м лице) формы, примыкающие к предлогам, ср. «*silnogo gospodína nânu posadi*», «*У Грёков нит сего прѣдѣла, нити знáка нáнь*» (долготное ударение!). В последней цитате мы, кажется, имеем дело с локативным значением. Примеров таких форм мало. Вообще, правила употребления различных форм местоимения (например, 3-го лица) не вполне ясны.

Формы *mène*, *tèbe*, *mèni*, *tèbi* переносят ударение на предлог, ср. *ót мене*, *zá tebe*, *кó теби* (но *со сóбоју*, *со тобóју*). Возвратное местоимение *sèbe* ведет себя так же.

Таблица 70.

	1-е лицо		2-е лицо		3-е лицо						
					м.		ср.		ж.		
И	<i>jã, jãz</i>		<i>tĩ</i>		<i>õn</i>		<i>onõ, õno</i>		<i>onã</i>		
В	<i>mène</i>	<i>me</i>	<i>tèbe</i>	<i>te</i>	<i>jĩ</i>	<i>-ŋ</i>	<i>jè, ñè</i>	<i>...ñe ?</i>		<i>jũ, ñũ</i>	<i>...ñũ ?</i>
Р					<i>jegã, ñegã</i>			<i>gã</i>		<i>jè, ñè ?</i>	
Д	<i>mèni</i>	<i>mi</i>	<i>tèbi</i>	<i>ti</i>	<i>jemũ, ñemũ</i>		<i>mũ</i>	<i>jèj, ñèj</i>			
Т	<i>mènoju (?)</i>		<i>tòboju (?)</i>		<i>ñim</i>				<i>[ñejũ]</i>		
М	<i>mèni</i>		<i>tèbi</i>		<i>ñem</i>				<i>ñej</i>		
И	<i>mĩ</i>		<i>vĩ</i>		<i>onĩ</i>		<i>onã</i>		<i>onĩ ?</i>		
В	<i>nãs, ñĩ</i>		<i>vãs, vĩ</i>		<i>ñih, ñe ?</i>	<i>jih, jè</i>	<i>ñè, ñè</i>	<i>ja, je</i>	<i>jè, ñè</i>		
РМ	<i>nãm</i>		<i>vãm</i>		<i>ñih</i>				<i>jih</i>		
Д	<i>nãmi</i>		<i>vãmi</i>		<i>ñim</i>				<i>jim</i>		
Т	<i>nãs</i>		<i>vãs</i>		<i>ñimi</i>				<i>jimi</i>		
И	<i>(mĩ dvã)</i>		<i>(vĩ dvã)</i>		<i>ona dvã</i>		<i>oni dvĩ</i>				
В	<i>(nãs dvĩh)</i>		<i>(vãs dvĩh)</i>		<i>ja</i>		<i>jĩ</i>				
РМ	<i>nãju</i>		<i>vãju</i>		<i>ñjũ</i>						
Д	<i>nãta</i>		<i>vãta</i>		<i>ñĩta</i>				<i>jĩta</i>		
Т					<i>ñĩta</i>				<i>jĩ</i>		

Эти формы выступают в составе относительных местоимений. Во всех падежах, кроме именительного, они образуются простым прибавлением с энклитики *-že*: *jemũ-že*, *ñej-že* и т.д., ср. также *zã-ŋ-že*. В именительном падеже Крижанич даёт: им.ед. *jĩže*, *jèže*, *jãže*; им.мн. *jĩže*, *jãže*, *jèže*. Сам он не употребляет этих форм.

3.7.2. Вопросительные (относительные) местоимения.

По текстам и объяснениям Крижанича восстанавливаются следующие парадигмы (в сочетании с предлогами встречается форма *zãč* 'почему'):

Таблица 71.

	м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.	неодуш.	одуш.
И	<i>kī</i>	<i>kō</i>	<i>kā</i>	<i>čijī</i>	<i>čijē</i>	<i>čijā</i>	<i>čā</i>	<i>gdō</i>
В			<i>kū</i>			<i>čijū</i>		<i>kogā ?</i>
Р	<i>kōga</i>		<i>kē</i>	<i>čijēga</i>		<i>cijē</i>	<i>česā ?</i>	
Д	<i>kōtu</i>		<i>kōj</i>	<i>čijētu</i>		<i>cijěj</i>	<i>četu</i>	<i>komū</i>
Т	<i>kīm</i>		<i>kōju</i>	<i>čijīm</i>		<i>cijū</i>	<i>čīm</i>	<i>kīm</i>
М	<i>kōm</i>		<i>kōj</i>	<i>čijēm</i>		<i>čijěj</i>	<i>čēm</i>	<i>kōm</i>
ИВ	<i>kī</i>		<i>kā</i>	<i>čijī</i>	<i>čijā</i>	<i>čijē</i>		
В	?			<i>čijē ?</i>				
РМ	<i>kīh</i>			<i>čijīh</i>				
Д	<i>kīm</i>			<i>čijīm</i>				
Т	<i>kīmi</i>			<i>čij m</i>				
ИВ	<i>kā</i>		<i>kī</i>	<i>čijā</i>	<i>čijī</i>			
РМ	<i>kīju</i>			<i>čijū</i>				
ДТ	<i>kīta</i>			<i>čijīta</i>				

3.7.3. Прочие местоимения.

Притяжательные местоимения *mōj*, *tvōj*, *svōj* склоняются по образцу конечноударных прилагательных мягкой разновидности («п'-b2»), но с удлинением в им.ед.м. В указательном местоимении *tāj* такого удлинения нет.

Таблица 72.

	м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.
И	<i>mōj</i>	<i>mojē</i>	<i>mojā</i>	<i>tāj</i>	<i>tō</i>	<i>tā</i>
В			<i>mojū</i>			<i>tū</i>
Р	<i>mojegā</i>		<i>mojē</i>	<i>togā</i>		<i>tē</i>
Д	<i>mojetū</i>		<i>mojēj</i>	<i>tomū</i>		<i>tōj</i>
Т	<i>mojīm</i>		<i>mojū</i> <i>mojōm</i>	<i>tīm</i>		<i>tojū</i>
М	<i>mojēm</i>		<i>mojēj</i>	<i>tōm</i>		<i>toj</i>
ИВ	<i>mojī</i>	<i>mojā</i>	<i>mojē</i>	<i>tī</i>	<i>tā</i>	<i>tē</i>
РМ	<i>mojīh</i>			<i>tīh</i>		
Д	<i>mojīm</i>			<i>tīm</i>		
Т	<i>mojīmi</i>			<i>tīmi</i>		
ИВ	<i>mojā</i>	<i>mojī</i>		<i>tā</i>	<i>tī</i>	
РМ	<i>mojīju</i>			<i>tīju</i>		
ДТ	<i>mojīta</i>			<i>tīta</i>		

Так же, как *tāj*, склоняется *sāj* (или *sīj*), но по мягкой разновидности. Судя по редкому употреблению, это местоимение не свойственно говору Крижанича. По мягкой разновидности склоняется и *vās* (у Крижанича только *vēs*): *vsā*, *vsē*, *vsegō*. Местоимения *nās*, *vās* склоняются по образцу прилагательных с ударением на корне мягкой разновидности («п'-a1»), *negōv*, *nejīn* также имеют колонное ударение («п-a1»).

3.8. Имя числительное

Количественные числительные:

Таблица 72.

И	<i>jedən</i>	<i>jednò</i>	<i>jednà</i>
В			<i>jednù</i>
Р	<i>jednogà</i>		<i>jedně</i>
Д	<i>jednomù</i>		<i>jednòj</i>
Т	<i>jednĩm</i>		<i>jednũ ?</i>
М	<i>jednòm</i>		<i>jednòj</i>

	м.	ж.-ср.		
ИВ	<i>dvā</i>	<i>dvĩ</i>	<i>trĩ</i>	<i>četiři</i>
РМ	<i>dviju, dvih</i>	<i>trih</i>	<i>četiřih</i>	
Д	<i>dvìma, dvìm</i>	<i>trìm</i>	<i>četiřim</i>	
Т	<i>dvìma, dvìmi</i>	<i>trìmi</i>	<i>četiřimi</i>	

ИВ	<i>pět</i>		<i>sědām</i>		<i>děset</i>	
РМ	<i>peřĩ</i>	<i>peřih</i>	<i>sedmĩ</i>	<i>sedmih</i>	<i>deseřĩ</i>	<i>deseřih</i>
Д		<i>peřim</i>		<i>sedmim</i>		<i>deseřim</i>
Т	<i>petjũ</i>	<i>peřimi</i>	<i>sed(ə)mjũ</i>	<i>sedmimi</i>	<i>desetjũ</i>	<i>deseřimi</i>

ИВ	<i>jedānnādeset, jedānnādeste</i>	
РМ	<i>jedānnādes(e)ti</i>	<i>jedānnādes(e)tih</i>
Д		<i>jedānnādes(e)tim</i>
Т	<i>jedānnādes(e)tju</i>	<i>jedānnādes(e)timi</i>

Десятки: *dvāděset* (и *dvājset* – без заместительного удлинения!), *trīděset*, *četirdesět*, *petdesět*, *šezdesět*, *sedāmdesět*, ..., *stō*.

3.9. Именное словообразование

Акцентный тип производного зависит от акцентной парадигмы производящего и валентности суффикса. При этом валентность суффикса влияет на результат только при подвижности производящей основы (а.п. с). В общем случае правила порождения именных производных в праславянском таковы:

Таблица 73.

		<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>
рецессивные	\hat{a}	A * <i>ágnę</i> * <i>ágnęte</i> * <i>ágnęta</i>	F * <i>telę</i> * <i>telęte</i> * <i>telęta</i>	C * <i>děte</i> * <i>dětęte</i> * <i>dětęta</i>
	\hat{a}	A * <i>stárīna</i>	G * <i>bělīna</i>	C * <i>zīvīna</i> * <i>zīvīnq</i>
	\hat{a}	A * <i>rádostь</i>	E * <i>bělость</i>	C * <i>lěnostь</i> * <i>lěnostjǫ</i>
	\hat{e}	A * <i>gládькь</i>	D * <i>blīzькь</i> * <i>blīzьka > blīzьka</i>	C * <i>krěpькь</i> * <i>krěpьka</i>
доминантные	\check{a}	A * <i>stárīca</i>	F * <i>sestrīca</i>	F * <i>moldīca</i>
	\check{a}	A * <i>rýbārjь</i> * <i>rýbārja</i>	G * <i>kljūčārjь</i> * <i>kljūčārja</i>	B * <i>mēsārjь</i> * <i>mēsārja</i>
	\check{a}	A * <i>grábežь</i>	E * <i>č̄b̄rtežь</i>	B * <i>mōlděžь</i>
	\check{e}	A * <i>stárьсь</i>	D * <i>telьсь</i> * <i>telьca > telьca</i>	B * <i>mōldьсь</i> * <i>mōldьca</i>

Говор Крижанича показывает ряд отклонений от праславянской реконструкции (т.е. случаев нефонетического развития), пронизывающих весь корпус, так что целесообразно считать эти отклонения системными. Это:

полное устранение а.т. G: все образования, восходящие к этому типу у Крижанича относятся к а.т. B, ср. *bilīnā* < **bělīna*;

устранение а.т. D в случаях, если хотя бы в одной форме первоначально ударный сверхкраткий находился в сильной позиции, ср. *telǫc* < **telьсь*, при *telcā* < **telьca* (вместо **telьca*), см. 2.6.2.

В идеальном виде праславянское правило порождения отражается у Крижанича в следующем виде (даны только примеры регулярной эволюции с учётом указанных системных отклонений; в квадратных скобках реликтивно сохранившиеся типы; прочерки показывают утрату типа):

Таблица 74.

		<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>
рецессивные	\hat{a}	A <i>jägne</i>	E <i>telè</i>	C —
	\hat{a}	A <i>vsāčina</i>	B<*G <i>bilīnā</i>	C —
	\grave{a}	[A] <i>nīščeta</i>	[E] <i>dobrōta</i>	[C] <i>lipotā</i> <i>lipotu</i>
	\grave{e}	A <i>vèrən</i>	B<*D <i>bīdān</i> <i>bīdnā</i> <i>bīdnō</i>	C <i>dālžən</i> <i>dālžnā</i> <i>dālžno</i>
доминантные	\grave{a}	A <i>stārica</i>	E <i>sestrīca</i>	E <i>mladīca</i>
	\grave{a}	A <i>rībar</i>	B<*G <i>kļučār</i> <i>kļučarā</i>	B <i>mesār</i> <i>mesarā</i>
	\grave{a}	A <i>grābež</i>	E <i>rūbèž</i>	B ?
	\grave{e}	A <i>stārac</i>	B<*D <i>telāc</i> <i>telcā</i>	B <i>svētāc</i> <i>svētācā</i>

Как сказано выше, отнесение производных к тому или иному акцентному типу всегда условно. Например, слово *mārtvečīna* относится к а.т. E₂, если считать, что оно образовано от производящего *mārtav*, или к а.т. E₁, если производящим считать *mārtvāc*. Точно также *ovčārnicā* приходится относить к а.т. A, считая производящим слово *ovčār* (а.т. B). Однако и здесь уместно воспользоваться цифровым индексом, чтобы было ясно, что ударение стоит именно на втором слоге, т.е. слову *ovčārnicā* приписывается а.т. A₂=E₁. Таким образом, из заглавной буквы и индекса однозначно вытекает место ударения. При этом удобнее выделять именно элементарную основу (в данном случае *ovč-*), иначе будет труднее определиться с суффиксом, с которого начинать счёт (индекс 1), если суффиксов несколько.

Правда, этот подход осложняется тем, что при «передаче» акцентной информации от суффикса к суффиксу нередко происходят «сбои» и первоначальные праславянские отношения нарушаются. Так, непроизводное *kļuč* (а.т. B) даёт производное *kļučār*, которое по праславянским правилам порождения должно иметь неподвижное ударение на суффиксе, однако в говоре Крижанича все такие образования, видимо, вторично конечноударны (устранён а.т. *G), и дальнейшие производные от них ведут себя так, будто произведены от а.т. B, ср. *kļučarīca* (а.т. E₂). В данном случае первоначальная валентность непроизводной основы затемнена перестройкой в первичном производном; вторичное же производное уже оторвано от этой непроизводной основы. Возможно, это связано с поздним временем образования соответствующих производных или с длительном сохранением продуктивности системы передачи акцентного типа непосредственно следующему суффиксу в производных и потерей связи с непроизводными основами. Значит, с одной стороны, слово *kļučarīca* целесообразно дробить на основу *kļučar-* и суффикс *-īc-*, а с другой стороны, для однозначной классификации всё же полезнее ему приписывать а.т. E₂. В таких случаях мы будем писать «E₂^B», имея в виду, что, если считать а.т. B производящим, то данное производное регулярно в акцентном отношении.

Для определения акцентного поведения того или иного слова необходимо, обратиться к таблице, перечисляющей формы соответствующих непроеводных. Так, слово *dobròta* (а.т. Е) имеет ударение на последнем слоге основы, не содержащей беглого гласного, значит, его поведение такое же, как у слова *řiba* (a1). Таким образом, важнейшее значение имеет место ударения от конца слова, наличие или отсутствие беглой гласной, и наличие или отсутствие предупредной долготы.

В таблицах перечислены все сочетания морфем, сгруппированных по их акцентным свойствам (рецессивные, т.е. не притягивающие акцента, доминатные, т.е. получающие акцент, стоя после рецессивных, и категориальные, получающие ударение независимо от типа производящего).

Далее приводится материал по каждой строчке таблицы. В подзаголовки выделяются «первичные» суффиксы, примыкающие непосредственно к корню, а затем отдельно рассматриваются все вторичные производные (с данным суффиксом в качестве «интерфикса»). Таким образом, в нижеследующем описании даны все основные сочетания морфем, так что можно последовательно проследить «передачу вправо» акцентной информации от суффикса к суффиксу и выявить все имеющиеся сбои.

Таблица 75.

Цветовые обозначения:

	тип, прямо соответствующий праславянскому состоянию (даже если реликтивно)
	тип, связанный с действием закона Крижанича
	тип, регулярно заменивший прасл. тип (в именах: *G>B, в глаголах *C>I)
	тип, не соответствующий праславянскому состоянию
	тип, регулярно вытекающий из нерегулярного типа производящего

(продолжение на следующей странице)

Рецессивные суффиксы

	A	B	C
- <i>bb-a</i>	A <i>sväd-ba</i>	B~C <i>služ-bä</i>	C~B <i>druž-bä</i>
- <i>in-a</i>			A <i>röd-b-ina</i> ?
- <i>bn-</i>	A <i>vër-an</i>	B <i>griš-än</i>	C <i>dīv-an</i>
- <i>ot-a</i>			C <i>(~E) tis-n-otä</i>
- <i>ost-b</i>	A <i>vër-n-ost</i>	E <i>bīd-n-ðst</i>	AE <i>dīv-n-ost dälž-n-ðst</i>
- <i>in-a</i>		B <i>dav-n-inä</i>	B <i>drob-n-inä</i>
- <i>bstv-o</i>		E ₁ <i>voj-än-stvo</i>	
- <i>ik-ь</i>	A <i>sīl-n-ik</i>	AB <i>griš-n-ik, boj-n-ik</i>	B <i>dälž-n-ik</i>
- <i>bsk-</i>	A <i>prē-vöd-n-ič-sk-i</i>	A <i>koŋ-n-ič-sk-i</i>	E <i>slobod-n-ič-sk-i</i>
- <i>ov-</i>	A <i>po-kōj-n-ik-ov</i>		
- <i>ic-a</i>	A <i>korīt-n-ica</i>	E <i>vin-n-ica</i>	E <i>təm-n-ica</i>
- <i>bk-</i>	C <i>měl-ak</i>	B <i>krāt-äk</i>	C <i>těž-ak</i>
- <i>ot-a</i>			B <i>(C?) mek-otä</i>
- <i>ost-b</i>	E <i>mel-k-ðst</i>	E <i>krāt-k-ðst</i>	E <i>tež-k-ðst</i>
- <i>in-a</i>	B <i>mel-č-inä</i>	B <i>læg-č-inä</i>	B <i>tən-č-inä</i>
- <i>ic-a</i>		E <i>krat-č-ica</i>	E <i>tən-č-ica</i>
- <i>bsk-</i>	A <i>brät-sk-i</i>	A <i>žēn-sk-i</i>	B <i>grad-sk-ī</i>
- <i>ost-b</i>			E <i>lud-sk-ðst</i>
- <i>in-a</i>	A <i>cār-šc-ina</i>	A <i>bān-šc-ina</i>	B <i>stran-šc-inä</i>
- <i>ob-a</i>		B <i>zl-obä</i>	C <i>hud-obä</i>
- <i>bn-</i>			C <i>hūd-ob-an</i>
- <i>ov- (-ev)</i>	A <i>cār-ov</i>	E <i>krāļ-ëv</i>	C? <i>sīn-ov</i> A? <i>knēz-ov</i>
- <i>bn-</i>	A <i>vër-ov-an</i>	C? <i>trūd-ov-an</i>	C <i>glās-ov-an</i>
- <i>ik-ь</i>			B <i>duh-ov-n-ik</i>
- <i>ov-</i>			E ₃ <i>duh-ov-n-ik-ðv</i>
- <i>ic-a</i>			E ₂ <i>znak-ov-n-ica</i>
- <i>bn-a</i>	[A] <i>cār-ov-na</i>	[E ₁] <i>krāļ-ëv-na</i>	[E ₁] <i>knez-ðv-na</i>
- <i>bsk-</i>		E ₁ <i>krāļ-ëv-sk-i</i>	E ₁ <i>sin-ðv-sk-i</i>
- <i>in-a</i>		E ₁ <i>krāļ-ëv-šc-ina</i>	
- <i>ost-b</i>		E ₁ <i>kak-ðv-ost</i>	
- <i>bn-</i>		E ₁ <i>kak-ðv-ost-an</i>	
- <i>bk-a</i>	A <i>ivän-ov-ka</i>	E ₁ <i>tərg-ðv-ka</i>	E ₁ <i>žid-ðv-ka</i> A <i>vālk-ov-ka</i>
- <i>bc-b</i>	A <i>kolēn-ov-ac</i>	E ₁ <i>krāļ-ëv-ac</i>	B <i>sin-ov-àc</i> A <i>knēz-ov-ac</i>
- <i>bstv-o</i>		E ₁ <i>krāļ-ëv-stvo</i>	E ₁ <i>sin-ðv-stvo</i>
- <i>ic-a</i>	A <i>ivän-ov-ica</i>	E ₂ <i>krāļ-ëv-ica</i>	E ₂ <i>pol-ov-ica</i> A <i>vālk-ov-ica</i>
- <i>ij-</i>	A <i>cār-ov-ič</i>	E ₁ <i>krāļ-ëv-ič</i>	E ₂ <i>knez-ov-ič</i>
- <i>it-</i>			E ₂ <i>gərm-ov-it</i>
- <i>āt-</i>		E ₂ <i>vuzl-ov-āt</i>	E ₂ <i>gor-ov-āt</i>
- <i>in-a</i>	A <i>brēz-ov-ina</i>	E ₁ <i>kozl-ðv-ina</i>	E ₂ <i>dom-ov-ina</i>
- <i>bn-</i>			E ₂ <i>dom-ov-in-an</i>
- <i>ot-a (-et-a)</i>	A <i>nīšc-eta</i>	E <i>dobr-òta</i>	C <i>kras-otä</i>
- <i>bn-</i>	A <i>sūj-et-an</i>	C <i>læg-ot-an</i>	C <i>kràs-ot-an</i>
- <i>līv-</i>		E ₂ <i>dobr-ot-īv</i>	E ₂ <i>rab-ot-īv</i>
- <i>ost-b (-est-b)</i>	A <i>mīl-ost</i>	E <i>müdr-ðst</i>	E <i>līn-ðst</i>
- <i>bn-</i>	A <i>mīl-ost-an</i>	E <i>müdr-ðst-an</i>	E <i>krīp-ðst-an</i>
- <i>in-a</i>	A <i>mīl-ost-ina</i>		E ₂ <i>blag-ost-ina</i>
- <i>iv-</i>	A <i>mīl-ost-iv</i>		E ₂ <i>blag-ost-iv</i>
- <i>in-a</i>	A <i>īš-ina</i>	B <i>bil-inä</i>	B <i>živ-inä</i>
- <i>bn-</i>	A <i>īst-in-an</i>	E ₁ <i>? množ-in-an</i>	
- <i>av</i>	A <i>lāsk-av</i>	E ₁ <i>ərv-äv</i>	B <i>kərv-äv</i>
- <i>ost-b</i>		E ₁ <i>luk-äv-ost</i>	
- <i>bstv-o</i>		E ₁ <i>luk-äv-stvo</i>	
- <i>bc-b</i>	A <i>lāsk-av-ac</i>	E ₁ <i>pri-liz-äv-ac</i>	

Рецессивные суффиксы (продолжение):

	A		B		C	
-et	A	kūr-e	E	tel-è	E	dīt-è
-jb-	A	jǎgŋ-eć	E	tel-èć	E	dit-èć, ždrīb-èć
-ɸc-e	A	kūr-et-ce			E	dit-èt-ce
-ǰn-a	A	kūr-et-ina	E	tel-èt-ina		
-en-	A	mīden	E?	sukn-èn	B	~C olov-èn~ðlov-en
-ik-ɸ	A	mīd-en-ik	E ₁	ovs-èn-ik		
-ǰc-a	A	mīd-en-ica	E ₁	stākl-èn-ica	E	pros-en-ica

Доминантные суффиксы:

	A		B		C	
-dl-o	A	bī-lo	B	krī-lō	B	odī-lō
-ɸc-ɸ	A	stār-ac	B	kūp-àc	B	lov-àc
-ov(-ev-)	A	stār-č-ev	E	pīš-č-èv		
-ɸsk-			E	ot-àč-sk-i	E	lov-àč-sk-i
-ɸstv-o			E	ot-àč-stvo		
-ārj-			B	lon-č-ār		
-ǰn-a			E	ot-č-ina		
-ɸn-			E	ot-č-īn-an		
-ɸc-e	A	sīt-ce	B?	[sedāl-ce]	B	kol-cè
-ɸstv-o	A	brāt-stvo	B	voj-stvō	B	bož-stvō
	A	bān-stvo	A			
-tɸv-a	A	jīs-tva	B?	pas-tvā	A	plū-tva
-ǰn-a	A	jīs-tv-ina				
-ɸn-	A	jīs-tv-in-an				
-bj-a-	A	brāt-ja	B	gospod-jā	B	knez-jā
-bj-e	A	kāmen-je			A	zvīrje
-jb-	A	krāv-ji	A	pās-ji	A	bōž-ji
-ež-ɸ	A	prāt-ež	E	rūb-èž	E?	bod-èž
-ɸn-	A	prāt-ež-an	E	rūb-èž-an		
-ārj-ɸ	A	rīb-ar	B	gospod-ār	B	mes-ār
-ɸn-			E ₁	ovč-ār-n-ica	E ₁	pek-ār-n-ica
-ɸsk-			E ₁	gospod-ār-sk-i	E ₁	rud-ar-sk-i
-ɸstv-o			E ₁	gospod-ār-stvo		
-ǰc-a			E ₂	gospod-ar-ica		
-ǰn-	A	māter-in	B	žen-īn	B	čer-īn
			E	lūk-īn		
-ɸsk-		dēd-in-ski	E	žen-īn-sk-i	E	čer-īn-sk-i
-ɸstv-o	A	māter-in-stvo				
-ǰc-a	A	mikīt-in-ica	E	lūk-īn-ica		
-ēn-					E	mlād-īn-ac
-ɸsk-					E	slov-īn-sk-i
-ɸk-					E	slov-īn-ka
-ɸstv-o					E	mlād-īn-stvo
						pərv-īn-stvo
-ǰc-a	A	cār-ica	E	sestr-ica	E	mlad-ica
-jb-			E	div-īč-ji		
-ǰn-	A	cār-ič-in	E	ban-īč-in		
-ɸsk-			E	div-īč-sk-i		
-ǰc-a			E	div-īč-ica		

Доминантные суффиксы (продолжение):

	A	B	C
- <i>in-a</i>	A <i>brèz-ina</i>	E <i>čart-ina</i>	E <i>druž-ina</i>
- <i>bn-</i>		E <i>čart-in-an</i>	
- <i>iv-</i>	A <i>pàmet-iv</i>	E <i>pro-kš-iv</i>	E <i>rič-iv</i>
- <i>l'iv-</i>	A <i>raz-sip-iv</i>	E <i>drim-iv</i>	E <i>sram-iv</i>
- <i>itj-b</i>	A <i>kùr-ic</i>	E <i>kraļ-ic</i>	E <i>knež-ic</i>
- <i>ast-</i>	A <i>zèrn-ast</i>		E <i>kol-ast</i>
- <i>at-</i>		[E] <i>žen-at</i>	E <i>glav-at</i>
- <i>ost-b</i>			E <i>bog-at-ost</i>
- <i>bc-b</i>			E <i>bog-at-ac</i>
- <i>bstv-o</i>			E <i>bog-at-stvo</i>
- <i>ic-a</i>			E <i>glav-at-ica</i>

Категориальные суффиксы

	A	B	C
- <i>ak-b</i>	B <i>buj-ak</i>	B <i>dobr-ak</i>	B <i>slip-ak</i>
- <i>bsk-</i>		E ₁ <i>voj-áč-sk-i</i>	
- <i>ov(-ev-)</i>		E ₂ <i>nov-ak-öv</i>	
- <i>bk-a</i>		E ₂ <i>nov-ak-öv-ka</i>	
- <i>ic-a</i>		E ₂ <i>nov-ak-öv-ica</i>	
- <i>in-a</i>			B <i>divj-áč-inà</i>
- <i>bstv-o</i>		E ₁ <i>voj-áč-stvo</i>	E ₁ <i>tež-áč-stvo</i>
- <i>áč-b</i>	B <i>sluh-áč</i>	B <i>igr-áč</i>	B <i>kov-áč</i>
- <i>bsk-</i>			E ₁ <i>kov-áč-sk-i</i>
- <i>bstv-o</i>			E ₁ <i>kov-áč-stvo</i>
- <i>ic-a</i>			E ₂ <i>kov-áč-ica</i>
- <i>it-</i>	E <i>plemen-it</i>		E <i>vlast-it</i>
- <i>ost-b</i>	E <i>plemen-it-ost</i>		E <i>vlast-it-ost</i>
- <i>bc-b</i>	E <i>plemen-it-ac</i>		

3.9.1. *-*ɫb-*

<i>-ɫb-a</i>	A	<i>svād-ba</i>	B~C	<i>služ-bà</i>	C~B	<i>druž-bà</i>
--------------	----------	----------------	------------	----------------	------------	----------------

A^Λ: *свáдба*;

A: с приставкой (иммобилизованные) *ŷgódбу*, *presénba* (отсутствие удлинения перед сонантом после долготной приставки).

B(C?)^B: *хранбà*, *судбà*, *molbí*, *strelbá*, *прозбà*. Форм вин.ед. нет, т.е. возможно, эти слова частично подвижны.

B~C^B: *службà*, *тужбà*

C(B?)^C: *грозбà*, *sredbá*, *dwoibé*

C/B^C: *težbà*, *дружбà*, *tádbu*. Видимо, это смешанный акцентный тип с колебаниями между а.т. В и С. Долгота в корне колеблется (если примеры с долготой – не опечатки или описки). Впрочем, не исключено, что здесь видно русское влияние.

?: *dworbu*.

Таблица 76.

	A	C/C/B ^C : колебания		
		краткое нако- ренное	длгое на- коренное	наконечное
вин.ед.	<i>svádbu</i>	<i>slúžbu</i> <i>družbu</i> <i>težbu</i>	<i>slúzbu</i> (×1) <i>tádbu</i>	
дат.ед.	<i>svádbi</i> [-i]	<i>slúžbe</i>		<i>sredbé</i>
вин.мн.		<i>slúžbi</i> [-e]	<i>túžbi</i>	<i>tadbí</i> <i>sredbí</i> <i>težbí</i>
род.мн.	<i>svádob</i> [-ab]			<i>служáб</i>

⇒	<i>-ɫb-ɫn-a</i>				A	<i>ròd-b-ina</i> ?
---	-----------------	--	--	--	----------	--------------------

A^C: *рòдбина*. Неясно.

3.9.2. *-*ɫn-*

<i>-ɫn-</i>	A	<i>vèr-an</i>	B	<i>grīš-àn</i>	C	<i>dīv-an</i>
-------------	----------	---------------	----------	----------------	----------	---------------

Эти прилагательные сохранили краткие и членные формы. Трудность при отнесении их к тому или иному акцентному типу заключается в том, что в текстах представлено много акцентных вариантов, что, с одной стороны, видимо, отражает колебания в живом говоре Крижанича, а с другой, несомненно, связано с русским влиянием (особенно в «Политике», ср.: «*naszemu cārskomu welíczeŝtwu dólžnego pocztênia neotdaiût*», что, возможно написано по-русски). Кроме того, часто неясно, имеем ли мы дело с краткой или членной формой. По-видимому, сам Крижанич смешивал ударения кратких и членных форм, чему могло способствовать их одинаковое морфологическое оформление в большей части парадигмы. Не всегда

имеются надежные критерии для их разграничения¹⁰⁰. Анализу также препятствует очень непоследовательное различие краткого и долгого ударений в «Политике» (где знак краткого часто появляется вместо ожидаемого долгого), поэтому некоторые примеры приходится отвергать или принимать с большими оговорками.

Нечленное склонение прилагательных (в т.ч. и производных) а.т. В отличается от а.т. С, по сути дела, только формами м.им.ед., ж.им.ед. и ж.вин.ед. Многие прилагательные этой группы имеют по два или более вариантов, ср. *rázen*, *raznó*, *rāzníx*, *razníx*. В членных же формах а.т. В и С наблюдается довольно чёткое распределение по количеству корня: краткосложные получают долготное ударение на первом слоге окончания (увы, на а.т. В очень мало примеров), долгосложные же – накоренное ударение (см. 2.7.2.2).

Таблица 77: долгосложные прилагательные на *-*ьн-* а.п. *b*.

		нечленные			членные		
		м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.
ед.	им.	<i>бѣден</i>	<i>бѣдно</i>		<i>дѣвнѣ</i>		<i>bĭdnaia [-a]</i>
	вин.		<i>скѣдно</i>	<i>krasnŭ ?</i>			<i>rŭdnuiu [-u]</i>
	род.	<i>ѣз дѣвна [-ѣ]</i> <i>давнѣго</i>			<i>бѣдногѣ</i>		
	дат.	<i>rawnŏtu</i>			<i>дѣвном(у)</i>		
	твор.	<i>rawnĭm</i>					
	мест.						
мн.	им.	<i>gresznĭ</i>	<i>rawná</i>	<i>дѣвнѣ [-ѣ]</i>	<i>bĭdni</i>	<i>dáwnaia [-a]</i>	<i>дѣвнѣ [-e]</i>
	вин.						
	род.-мест.				<i>bĭdnich</i>		
	дат.				<i>bĭdnim</i>		
	твор.				<i>rŭdnimi</i>		

Таблица 78: краткосложные прилагательные на *-*ьн-* а.п. *c*.

		нечленные			членные		
		м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.
ед.	им.	<i>дрѣбен</i>			<i>воднѣ</i>	<i>zemnŏe</i>	<i>wodnâia</i>
	вин.		<i>ná drobno</i>				
	род.	<i>kosnogŏ</i>			<i>rodnŏgo</i>		<i>zemníje</i>
	дат.	<i>pŏ drobnu</i>					
	твор.				<i>rodnĭm</i>		
	мест.	<i>дробнѣм</i>			<i>rŏdnoy</i>		
мн.	им.					<i>земнѣја</i>	<i>wŏdnije</i>
	вин.					<i>зѣмнаја</i>	
	род.-мест.				<i>земнѣх</i>		
	дат.						
	твор.						

¹⁰⁰ Поэтому полезнее всего оказываются случаи типа «*ot twoegŏ vlastnŏgo blâga*», где форма явно членная, т.к. стоит при притяжательном местоимении.

Таблица 79: долгосложные прилагательные на *-*ьл-* а.п. с.

		нечленные			членные		
		м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.
ед.	им.	<i>дѣвен</i>	<i>дѣвно</i>		<i>лѣшнѣ</i>	<i>тѣсноѣ</i>	
	вин.			<i>дѣвну</i>		<i>[-о]</i>	
	род.	<i>дѣвного</i>			<i>лѣшного</i>		
	дат.	<i>пó разну</i> ¹⁰¹			<i>лѣшним</i>		
	твор.	<i>разнѣм</i>			<i>дѣвнѣм</i>		
	мест.	<i>разнóм</i>			<i>дѣвном</i>		
мн.	им.	<i>дѣвнѣ</i>	<i>дѣвна разнá</i>	<i>дѣвнѣ [-ѣ]</i>	<i>лѣшнѣ [-е]</i>	<i>тѣвнаѣ</i>	
	вин.						
	род.- мест.	<i>рãзнѣх</i> ¹⁰¹			<i>дѣвнѣх</i>		
	дат.						
	твор.	<i>разнѣми</i>					

В таблицах дана выборка наиболее показательных примеров, подчиняющихся закону Крижанича. В действительности дело обстоит сложнее. Во-первых, многие прилагательные на *-*ьл-* а.т. С. показывают большие колебания (не считая трудностей, связанных с толкованием «общей» орфографии Крижанича), что, по-видимому, отражает синхронное состояние говора Крижанича, претерпевавшего различные перестройки, ведущие к обобщению акцентных типов, к слиянию а.т. В и С (ср. аналогичное положение в современном в русском). Во-вторых, многие исконно долготные прилагательные а.т. С находятся в процессе постепенного перехода к краткосложному типу, ср. *рãзен* (как *рóден*) < **rãzьнь* хотя и *рãзнѣх* < **rãzьнѣхъ*. Кроме того, все (или почти все) краткосложные прилагательные а.т. В перешли в а.т. С (информативных нечленных форм нет).

Членные формы прилагательных а.т. А с односложной основой не должны удлинять корень подобно непроизводным прилагательным (если нет сонанта или долготной приставки, см. 3.6.3). Однако во многих случаях факультативное удлинение, видимо, возникло по аналогии, причём не только в первом слоге, ср. чл.ср.им.мн. *мѣстна~мѣстна, помѣстна, лãгоднѣ~лãгоднѣ, осóпнѣ*, но только *охóтнѣ* (примерам из «Политики» доверять не следует).

А^А: *блáтен, wólyen, чýден, брáнен, бýжно, íтeпno, jезíчна кáменен, кóжен, крãжном, кúжен, лáгоден, лáчен, мáстен, мáтерного, тѣднѣ, тѣпно, тѣsecznego, мýчно, пáметен, прáведен~рãwеднѣ, сѣлен~сѣлнѣ, сѣверна, скóрбен, слáвен~слáwnѣ, srѣcно, тáжен~тáжнаѣ, тѣсуцно, вѣрен, wúглен, chlѣbнѣ~chlѣbнѣ~chlѣbнѣи, чýтен*, только чл.: *íúznaѣ, jезднѣ, мѣднѣ, мѣстна~мѣстна, небѣснѣ, кнѣйжнѣ, охóтнѣ*

А: (иммобилизованные): *нарóдно~нарóднѣ* (без знака долготы), *прѣстúпнѣ, зарáднѣ*

А: (приставочная иммобилизация): *преподóбен~преподóбнѣ, невѣнен, осóпно~осóпнѣ*

А: (йотовая иммобилизация): *пóльнѣ, кóпунѣ, вóльно*

¹⁰¹ Это прилагательное, видимо, имеет два варианта, краткосложный и долгосложный.

A^{B?}: *срэ́берен, хва́лен*, ж.ед. *стра́нна* (если не чл.)

B^B: *krestnôe* (но и *krêstnoe*), *tecznîy, žiwotnôgo*

B^B: *бйден–bîdniy, врйден, грйшен–грйшному, дāвен–дāвний, крāсен–krāsnom, млāчен, прāзен, трūdен, trezén*; только чл.: *dwôrniy, tūžnîy*

B[?]: *смѣшнó*

B^{B,C}~C: *скūден–скūдна~skūden, шūмэн–шūмний~шūмен, рāвен–rāwen, рāзнийх~рāзен, jāвен–jāvniich~jāvniim, злāтен–zlātnu, dusznāia~дūшний.*

C^C: *бóлен, дрóбен, кóсен, лāден, мóщен, гóден, лēзен* (с неясной долгой – ошибка?, при *лēзно*), *плóден, рóден, скрóмен, тéмен, чéстен*; только чл.: *воднйь, вознйь, роднйь, зорнйь, ножнйь, земнйь, осзнóт, поспñiu*

C^C (с сокращением): *дўрен, калногó, глāсен, гньўсен, strāszen–strasznāia*; только чл.: *ручнó, lucznāia, weczniy*

C^C: *ādni* (рус.?), *дйвен, dólžen–dólžnogo, рйсен, glādna, trāczno, мўдно, сóлзно, тйсен–тйсноje*; только чл.: *рйчнийь, рйwnije, глāвнийь, гādnaia, лйшнийь*

E^C: *небёснийь, земёльнийь*

A~E~B: *óсобно~особнó~osóбно*

Более или менее чёткое распределение членных форм по закону Крижанича видно по им.м. (см. 2.7.2.2). Там, где оно нарушено, мы явно имеем дело с сокращением корня. Однако там, где сокращения нет, оно, видимо, может нарушаться в формах членных прилагательных, кроме м.им.ед., ср. (примеры из «Политики»): *glāwniy*, но ж.им.ед. *glawnāia*, ж.им.мн. *glawníje*, род.мн. *glawnich*. Остальные прилагательные будто бы ведут себя правильно (так что здесь может быть какое-то русское влияние, например слова ‘головнóй’).

Накоренное ударение обнаруживается также, если суффикс *-*ьн-* присоединяется к йотовой основе, т.е., например: **konj-ьнь-ь>kōñni* (с заместительным удлинением).

⇒

<i>-ьн-от-а</i>					C	<i>tis-n-otā</i>
-----------------	--	--	--	--	----------	------------------

C^C: *риснотā, тиснотā (tesnotú, род. tesnotí, tesnotí(×1))*

⇒

<i>-ьн-ост-ь</i>	A	<i>vēr-n-ost</i>	E	<i>bīd-n-òst</i>	A,E	<i>dīv-n-ost, dālž-n-òst</i>
------------------	----------	------------------	----------	------------------	------------	------------------------------

A^A: *лāгодност, мйрност, пóлност, тāжност, wēрност*

E^B: *бйдност, дāвност, плāност, прāздност, рāзнóст~рāзност, трūdнóст, чёрност, медлénост [mēdl-ān-ost?]*

A^C: *дйвност, дўрност, лāдност, лйшности, скрóмност wolynóst* (хотя *wólyen* с йотовой имобилизацией, вторично перешедшие в а.т. C?, ср. *wolynogó*)

E^C: *dolžnóst, дробност, godnóst, коснòст, lenóst, лезнòст, ревнòст, тйсност*

⇒	<u>-ьн-їн-а</u>		B	<i>dav-n-īnà</i>	B	<i>drob-n-īnà</i>
---	-----------------	--	----------	------------------	----------	-------------------

B^B: *давнїна, равнїна*

B^C: *дробнїна*

⇒	<u>-ьн-ѣstv-о</u>	A	<i>tāj-n-stvo</i>	E₁	<i>voj-ǎn-stvo</i>	
---	-------------------	----------	-------------------	----------------------	--------------------	--

A^A: *tâjнство*

E^B: *woiênstwo* (с неясным рефлексом ера)

?: *разнство*

⇒	<u>-ьн-їк-ъ</u>	A	<i>sїl-n-ik</i>	AB	<i>grїš-n-ik</i>	B	<i>dalž-n-їk</i>
---	-----------------	----------	-----------------	-----------	------------------	----------	------------------

A^A: *дїмник, dûmnik, knyíznikı, kûrник, lopátник, mêrник, pokóжник, róstnikmi, práčnikı, rátnık, сїлник, sowétnık, strážник*

A^B: *двóрник, grêszniku, kónnikow, мїтник, strêlnikow, трáвник, trúbnıka, chûlnık, pûtnıkom*

B^{B/C?}: *boinık, вознїк*

B^C: *bolniká, glasniká, korwnık, оглавнїк, plodnikı, роднїк, slobodnikı, верстнїк, вистнїк, златнїк, зовнїк*

Несмотря на скудость данных, можно предположить, что эти образования распределены по закону Крижанича, т.е., например:

trūdъnїkъ>*trūdъnїkъ>*(сдвиг с ера вправо)trūdнїkъ>*(зак. Криж.) *trūdник*, но

vozъnїkъ>*vozъnїkъ>*(сдвиг с ера вправо)voznїkъ>voznїk* (если тут основа *vъz-*, а не *vъz-*).

Такой ход мысли поддерживается одобразованиями на *-ōv-nik* (см. 3.9.6). Что касается слов типа *kōпник*, то в них накоренное ударение обусловлено «йотовой иммобилизацией». В образованиях от долгосложных подвижных основ имело место сокращение, закономерное в предупредительном положении: **glāšъnїkъ>*glasнїkъ>glasнїk*.

⇒	<u>-ьн-їч-ьsk-</u>	A	<i>prē-vōd-n-ič-sk-i</i>	A	<i>koп-n-ič-sk-i</i>	E	<i>slobod-n-ič-sk-i</i>
---	--------------------	----------	--------------------------	----------	----------------------	----------	-------------------------

A^A: *inoródniczski, posádniczeskogo, poddânniczeskoy, по превóдничску, oprâwniczeskije, prikázniczeskogo*

A^B: *kónyniczესki*

E^C: *slobodnїczeskıch* (не тот знак), *zapowednїczeskaia*

⇒	<u>-ьн-їк-ов-</u>	A	<i>po-kōj-n-ik-ov</i>			
---	-------------------	----------	-----------------------	--	--	--

A^A: *покóжников*

⇒	<i>-ьн-їс-а</i>	А	<i>kořit-n-ica</i>	Е	<i>vin-n-їса</i>	Е	<i>təm-n-їса</i>
---	-----------------	----------	--------------------	----------	------------------	----------	------------------

А^А: *шўмниця, јўтерница, kořitnicach*

А^В: *blūdnic, mēlnica* (рус.?)

Е^В: *пивніца, разніца, winnicach, boinici*

Е^С: *темніца, гласніца, десніца, guczńica, солніца, колесніца, woinici, polynica, slobodnici, kownici, помощніца*

Неясно: *вечёрница*

3.9.3. -*čk-

<i>-čk-</i>	С	<i>měl-ak</i>	В	<i>krāt-āk</i>	С	<i>těž-ak</i>
-------------	----------	---------------	----------	----------------	----------	---------------

Эта группа прилагательных сохраняет краткие и членные формы. В смысле ударения они ведут себя точно так же, как непроезводимые (т.е. членные формы получают колонное долгое ударение). Краткосложный неподвижный акцентный тип утрачен. Таким образом, имеются только два типа: долготный (а.т. В) и краткостный (восходящий к а.т. С).

Таблица 80: а.т. В.

		нечленные			членные		
		м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.
ед.	им.	<i>krātok</i>	<i>krātko'</i>	<i>krātka'</i>	<i>vūzkiь</i>	<i>krātko</i>	
	вин.			<i>krātku'</i>			
	род.				<i>krātкого</i>		
	дат.						
	твор.	<i>krātкїм</i>					
	мест.	<i>krātком</i>					
мн.	им.			<i>krātki'</i>			
	вин.			<i>kratkije</i>			
	род.-мест.						
	дат.						
	твор.						

Таблица 81: а.т. Тип С

		нечленные			членные		
		м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.
ед.	им.	<i>те́жок</i>	<i>те́жко</i>	<i>те́жка́</i>	<i>тя́жкиь</i>	<i>те́чкое</i>	<i>те́жка́я</i>
	вин.		<i>кри́пко</i>	<i>то́нку́</i>			<i>ле́чкуйи</i>
	род.	<i>tezkogó</i>		<i>лехкѐ</i>	<i>têzkogo</i>		
	дат.						
	твор.	<i>то́нкѝм</i>		<i>те́жко́иу</i>	<i>те́жким</i>		
	мест.	<i>лехко́м</i>					
мн.	им.	<i>те́жкѝ</i>	<i>те́жка́</i>	<i>то́нкѝ</i>	<i>то́нкие</i>	<i>то́нка́я</i> ¹⁰²	<i>то́нкиѝе</i>
	вин.	<i>кри́пкѐ</i>		<i>те́жкѝѝе</i>			
	род.-мест.	<i>tezkích</i>			<i>то́нких</i>		
	дат.						
	твор.	<i>то́нкѝми</i>					

Как видно из таблицы, кривая а.т. С существенно преобразована (подчёркнуты формы, которые в праславянском, вероятно, был формами-энклитоменами). В этот преобразованный а.т. С попали все краткосложные прилагательные а.п. В: *ле́жок*, *кро́ток*, *ме́жок*, *то́нок*, *го́рек*. Причём они, кажется, сохраняют реликты неподвижности, ср. *lechkó* (при более частом *лѣхко*), ж.ед.чл. *lechkaia* (при *lechkaia*)

В: *блѝзок*, *жа́рок*, *ри́док*, *кра́ток–кра́ткого*, *вѣзек (вѣзок)–вѣзкѝь*

С: *гла́дко*, *ри́зок*, *ги́бек (ги́бок)–ги́бкѝь*, *ме́лок–ме́лкого*, *жи́док*, *ме́рзок*, *те́рпок*, *жо́лкок*, *ни́зок*, *ле́жок–ле́хкѝь*, *кро́ток*, *сла́док*, *де́рзок*, *те́жок–тя́жкиь*, *го́рек (го́рок)*, *ши́бок*, *то́нок–то́нкѝь*, *ке́рхок*, *кри́пок–кри́пкѝь*, *ме́жок (ме́кок)–те́чкое*, *бри́док*

Одной из наиболее ярких черт диалекта Крижанича, подтверждающих его ценность для реконструкции праславянского ударения, является строгое совпадение распределения прилагательных на *-*ьk-* с западнославянским отражением корневых долгот. Долготы сохраняются в прилагательных а.п. *b*, но дают краткий рефлекс в других случаях. Т.к. у Крижанича сохраняется место ударения (и подвижность), это распределение с уверенностью можно отнести к древнему периоду. Правда, неподвижные прилагательные на *-*ьk-*, относившиеся к а.п. *a*, получают у Крижанича подвижность (эта тенденция проявляется в той или иной степени и в других славянских языках). Прилагательное **nizьkь*, относимое к а.п. *b*, также имеет подвижность, ср. *ѣз низка*, как и производящее *ниъз*, ср. *на́ низ*, *ѣз низа*, *на́ низу*. Краткостные прилагательные а.п. *b*, получают подвижность (как и остальные производные прилагательные), однако иногда сохраняются следы неподвижности, ср. *по лехку́*, как *по ри́дку*, *кра́тко́*. В таблице приводятся соответствия в западнославянских языках, а также существительные на *-(k)ost*, показывающие полную утрату а.п. *a* у этих производных.

¹⁰² По виду членная форма (впрочем, такое окончание необязательно на это указывает), но употреблена в неожиданном контексте: «*Plátna wsákakowa da tkùt tônkaia na plátie*».

Таблица 82.

		чешский	словацкий	польский и др.	Крижанич		
а.п. а		<i>hladký</i>	<i>hladký</i>	диал. <i>gładk^uo</i>	<i>glądko</i>	<i>гладкòст</i>	
		<i>hybký</i>	<i>hybký</i>	кашуб. <i>ǰibkǐ</i>	<i>ǰібок</i>	<i>гибкòст</i>	
		<i>mělký</i>	<i>melký</i>	диал. <i>mącki</i>	<i>мéлок</i>	<i>мелкòст</i>	
		<i>židký</i>	<i>mrzký</i>		<i>жідок</i>	<i>жидкòст</i>	
а.п. б	долготные	<i>blížký</i>	<i>blízky</i>	кашуб. <i>blizki</i>	<i>блїзок</i>	<i>блїзост</i>	
		<i>řidký</i>	<i>riedky</i>	диал. <i>żatki</i>	<i>жāрок</i>	<i>жāркост</i>	
		<i>krátký</i>	<i>krátky</i>	<i>krótki</i>	<i>рїдок</i>	<i>рїдкост</i>	
		<i>úzký</i>	<i>úzky</i>	<i>wązki</i>	<i>крāток</i>	<i>крāткост</i>	
	кратк.	<i>nížký</i>	<i>nízky</i>	кашуб. <i>nizki</i>	<i>вўзок</i>	<i>вўзкост</i>	
а.п. с	*кратк.	<i>měkký</i>	<i>mākký</i>		<i>нізок</i>	<i>низкòст</i>	
	*долготные			в.-луж. <i>łóchki</i>	<i>лéгок</i>	<i>лехкòст</i>	
				ст.-пол. <i>krótki</i>	<i>крóток</i>	<i>кроткòст, кротòст</i>	
			<i>těžký</i>	<i>tażký</i>	<i>miękki</i>	<i>мéгок</i>	
			<i>šibký</i>	<i>šibký</i>	<i>ciężki</i>	<i>тóнок</i>	<i>горкòст, гóрест</i>
	<i>křepký</i>	<i>krepký</i>		<i>гóрек</i>			
	<i>sladký</i>	<i>sladký</i>	диал. <i>kšepki</i>	<i>дёрзок</i>	<i>дёрзкòст, дёрзост</i>		
	<i>břidký</i>	<i>bridký</i>	кашуб. <i>břadki</i>	<i>тёжок</i>	<i>тежкòст</i>		
				<i>шібок</i>	<i>шибкòст</i>		
				<i>кёршок</i>	<i>керхкòст</i>		
				<i>крїпок</i>	<i>крїпост</i>		
				<i>сладок</i>	<i>сладкòст</i>		
				<i>брїдок</i>	<i>бридкòст</i>		

Таким образом, первоначальное положение видно только из внешнего сравнения. Чем же обусловлено регулярное сокращение корня в а.п. с? Можно было бы предположить, что оно связано с наличием слога между корневым гласным и ударным окончанием в большинстве форм на каком-то древнем этапе: ж.им. **těžká* > **tęžka* с дальнейшим аналогическим обобщением краткости на начальнударные формы. Это должно было произойти до действия правила Дыбо, т.к. сокращения нет в а.п. б. Однако такому объяснению как будто противоречат подвижные прилагательные на *-*ьл-*, во многих из которых нет сокращения. Однако и там имеется такая тенденция, ср. *дўрен, глāсен, гнўьсен, strāszen* и др. Значит, возможно, мы имеем дело с борьбой сокращённых и несокращённых форм, уже завершившейся в случае прилагательных на *-*ьк-* в пользу сокращённых.

Дальнейшие производные дают акцентные типы, в той или иной степени соответствующие типам производящих прилагательных на *-*ьк-*, т.е. не сохраняют архаизмов.

⇒

<i>-ьк-от-а</i>						
-----------------	--	--	--	--	--	--

В^с: *лехкотà, мекотà и мехкотà (mehkotú)*

⇒

<i>-ьк-ост-ь</i>						
------------------	--	--	--	--	--	--

Ě^б: *жāркост, рїдкост, крāткост, вўзкост*

E^C: гладкòст, гибкòст, мелкòст, жидкòст, мерзкòст, терпкòст, низкòст, лехкòст, кроткòст, сладкòст, дерзкòст, тежкòст, горкòст, шибкòст, керхкòст, бридкòст

⇒

- <u>ь</u> č- <u>ī</u> n-a		mel-č- <u>ī</u> nà		lag-č- <u>ī</u> nà		tān-č- <u>ī</u> nà
----------------------------	--	--------------------	--	--------------------	--	--------------------

B^C: горчїна, легчїна, мелчїна, тончїна

⇒

- <u>ь</u> č- <u>ī</u> c-a				krat-č- <u>ī</u> ca		tān-č- <u>ī</u> ca
----------------------------	--	--	--	---------------------	--	--------------------

E^B: kratezїca

E^C: gorczїca, тончїца

3.9.4. -*ьsk-

- <u>ь</u> sk-		brāt-sk-i		žēn-sk-i		grad-sk-ī
----------------	--	-----------	--	----------	--	-----------

A^A: брátски, грéчски, чловíчски, тўрски, лéшски, влáшски, чéшски, нáшски, вáшски, рáјски, рўски, сéрбски, хлáпски, кмéтски, цáрском, шїшски; иммоб.: прōрóчски, парóдски

A^B: kōnyskogo, рїмски, сéлски, свōјски, рѣчкаја, swīnyskogo, жѣнского

A~B^B: skotskīy~skótski

B^C: градскїь, кнежскїь (knēžeskogo), мужскїь, вражскїь, zemskógo

E^C: земéльски, небéски

A~B^C: rábsки, zwérski, mōrskiy (mōrskije, morskómu, но morskīm, morskích), при-мōрско, mīrskaja, лўдском (им.мн. lyúdski, но lyudskógo, lyudskích), стрáнско (стрáнскије, но ср.мн. странскá, странскїм)

Образования от подвижных основ дают два типа: В и А, причём при а.т. А возможны колебания. Это может быть связано с остатками нечленных форм, которые, получив оформление членных, могли факультативно сохранять старое ударение (начальное в формах-энклитоменах). Неясно также и поведение этих образований в смысле действия закона Крижанича. Судя по всему, здесь были колебания.

⇒

- <u>ь</u> sk- <u>o</u> st- <u>ь</u>						ļud-sk-ðst
--------------------------------------	--	--	--	--	--	------------

E^C: lyudskósti

⇒

- <u>ь</u> sk- <u>ī</u> n-a		cār-šć-ina		bān-šć-ina		stran-šć-īnà
-----------------------------	--	------------	--	------------	--	--------------

A^B: влáшщина, цáршщина, вугéршщина, кмéтшщина

A^B: бáншщина, нїмшщина, гōршщина

B^C: страншщїна

3.9.5. *-*ob-*

<i>-ob-a</i>	С?	<i>žal-obà</i>	В	<i>zl-obà</i>	С	<i>hud-obà</i>
--------------	----	----------------	---	---------------	---	----------------

С^А: *жалобà*

В^В: *зlobà*, род. *zlobì*, дат. *zlobjè* (описка?),¹⁰³ *хоробà* (из рус.?)

С^С: *худобà* (при *chudóba*×1, ошибка?)

Таблица 83.

им.	<i>худобà</i>
вин.	<i>хúдобу</i>
род.	<i>chudobí [-ě]</i>
твор.	<i>chudobóiu [-õm/-ũ]</i>
мест.	<i>chudobé [-ì]</i>
вин.	<i>chúdobí [-e]</i>
род.	<i>chudób</i>
дат.	<i>chudobám</i>
твор.	<i>chudobámi</i>

Исконный тип Е перешёл в В (или С): **zľòba > zlobà*. Долгота корня устранена.

⇒

<i>-ob-ьn-</i>			С	<i>hùd-ob-an</i>
----------------	--	--	---	------------------

С^С: *хúдобен*: нар. *chúdobno*, род. *chudobnôgo*, им.мн. *chúdobni*, чл.им.мн. *chudóbnije*, но неожиданное род.мн. *chúdobnich*.

3.9.6. *-*ov- (-*ev-)*

<i>-ov- (-ev)</i>	А	<i>cār-ov</i>	Е	<i>krāļ-èv</i>	С?	<i>sīn-ov</i>	А?	<i>kněž-ov</i>
-------------------	---	---------------	---	----------------	----	---------------	----	----------------

А^А: притяжательные: *брáгов, жéнихов, патријáрхов, влáхов, сиромáхов, скомрáхов, митрополíтов, гákowo, чловíков, Богдáнов, Јвáнов, Сијóнов, Абрахáмов, Арóнов, Даниьíлов, Давíдовом, Јзраьíлово, Јáковов, Јсáков, Iskarijótowa, Kágulow, Rómulow*;

другие: *брéзов, бúков, грáбров, дринов (?), јáворов, јáбланов, јéлов, кли́нов, ори́хов, хрúшков, брíньев, вíшньев, тíсов, покóјовиь, obozowiy (?)*

местоимения: *сíцев*.

Е^В: притяжательные: *стри́чев, banów [bānòv], господāров, czortówim, Новāков, Хри-сто́ва*;

другие: *брестóв, јесенóв, свй́бов, соснóв, тернóв, хрaстóв, тополóв, woiskówoy*;

местоимения: *ньегóв, ньíхов, онакóв, овакóв, такóв*;

А^С или С^С: *кнѐзов (kněžowu), сíнов*.

Исключение (?): *дубóв* (от *dúb* неясного а.т.). Слово *mirowá* (Пол.) явно из русского *мировая*.

Видимо, а.т. С утрачен (по крайней мере, в некоторых случаях) и заменён на тип с колонным долготным начальным ударением (краткосложных примеров нет). Это видно и по производным *кнѐзовци* – от *кнѐзов*, **kněžova*, *Вóлковица* – от **vālkov*, **vālkova*.

¹⁰³ «*Wsákoy zlobjè kóren iest Lakomóst: rékel iest Páwel*» [Пол.10.].

⇒	-ov-ъn-	А	vër-ov-an	С?	trūd-ov-an	С	glàs-ov-an
---	---------	---	-----------	----	------------	---	------------

А^А: *newérownioiu, чáсовен*–(чл.?)*чáсовно*

С^В?: *trúdownen* (трудо̀вно)

Е₁^В?: только чл.: *sudôwnije, стихóвних, woiskôwniy, torgôwnogo*

Е₁^С: *годóвен*–*годóвний*

С^С: *lyúdowno, мíровен, гла́совен*–*гласовнóм, знаковнáжа, дýховен*–*духо̀вну, iádowni* (*iádownogo*, но *iadównich, iadówno*); только чл.: *градóвний, medówniy, редóвна, wisównich, domówni, кормо̀вний, верхо̀вна, влако̀внийе, sadównoe* (рус.?)

Все членные формы а.т. С (кажется, кроме *гласовнóм, знаковнáжа*) имеют ударение на суффиксе *-ōv-*. Здесь возможна следующая трактовка: данный суффикс был долготен ещё до заместительного удлинения перед павшим ером, причём долгота в нём та же, что в окончании род.мн. *-ōv* (а значит, этот суффикс нельзя отождествлять с притяжательным суффиксом, как, например, в слове *сàr-ov*). Как и суффикс род.мн., он участвовал в оттяжках по закону Крижанича. Таким образом, ход событий можно реконструировать так:

**domōvnyъ-jь* >(стяжение и падение еров) **domōvn-ĩ* >(зак. Криж.)>*domōvni*

Тогда здесь мы имеем дело с тем же процессом, что привёл к разграничению членных форм типа *зорнѣ* [*zornĩ*], *воднѣ* (краткостный корень) и *гла̀внѣ* [*glǎvni*], *ду̀шнѣ* (долготный корень).

Сокращение в корнях (ср. *гла́совен* [*glàsovan*]), очевидно, то же, что в трехсложных формах подвижных слов вроде *врѣ́мена* (ср., впрочем, и сокращённое *гла́сен*).

Нашей трактовке интерфикса как долготного как будто противоречит пример *годóвен*, который, впрочем, может быть ошибочным (в противном же случае он, видимо, вторичен). Однако, судя по единственному производному от а.т. В – *trūdovan*, производные от а.т. В слились с производными от а.т. С (и так же претерпели сокращение в корне), если это не пример а.т. А. В принципе, возможно, что место ударения здесь связано с законом Крижанича:

**trūdōvnyъ* >(правило Дыбо) **trūdōvən* >(зак. Криж.) **trūdōvnyъ* >(сокр.) *trūdovan*.

В виду недостатка материала эти рассуждения следует признать гадательными.

⇒	-ov-ъn-ĩk-ъ				Е ₁	<i>duh-ōv-n-ik</i>	
	-ōv-				Е ₃	<i>duh-ov-n-ik-ōv</i>	

Е₁^С: *духо̀вник, kogwówniki, polkówniki, stanównik, redównik, pirównik* (и *pirownik*).

Е₁[?]: *духовнѣ́ков*

На первый взгляд, местом ударения эти производные обязаны закону Крижанича:

dūxōvnyĭkъ* >duxōvnyĭk* >*duhōvnyĭk*.

Возможно, мы имеем здесь дело с тем же, что наблюдается в примерах типа *grīšnik*, образованных от производных а.т. В. Однако такой трактовке противоречит отсутствие сокращения в интерфиксе *-ōv-*, хотя оно, видимо, было в корнях образований от а.т. С без этого

интерфикса, ср. **-glavnĭk* (оглавнĭк), иначе получилось бы ***-glāvnik*. В словах а.т. В вроде **dīxōvñĭkь*, **dīxōvñĭkà* долготный суффикс *-ōv-* должен был сократиться (если он был долготным, см. 2.5.4). Значит, этот суффикс всё-таки был краткостным, но удлинился в результате заместительного удлинения (см. 2.4.2), что, кажется, могло случиться только при его исконной ударности. При таком решении, видимо, приходится предполагать его доминантность (подобно окончанию *-ōv* род.мн.). Неясно.

В любом случае, притяжательное прилагательное *духовнĭков* как будто указывает на вариант **duhovñĭk* а.т. В, так что можно предположить, что в данных образованиях имелись колебания или обобщения (ср. ещё *pirownĭk* при *pirowñĭk*).

⇒

<i>-ov-<u>bn</u>-īc-a</i>					E₂	<i>znak-ov-n-īca</i>		
---------------------------	--	--	--	--	----------------------	----------------------	--	--

E₂^C: *половнĭца, знаковнĭца, czarownĭca*

⇒

<i>-ov-<u>bsk-</u></i>			E₁	<i>krāļ-ēv-sk-i</i>	E₁	<i>sin-ōv-sk-i</i>		
------------------------	--	--	----------------------	---------------------	----------------------	--------------------	--	--

E₁^B: *крāльѣвскиѣ, волōвскиѣ*
E₁^C: *besōwski, синōвска, жидōвска*

⇒

<i>-ov-šć-īn-a</i>			E₁	<i>krāļ-ēv-šć-ina</i>				
--------------------	--	--	----------------------	-----------------------	--	--	--	--

E₁^B: *крāльѣвшина*

⇒

<i>-ov-ost-b</i>			E₁	<i>kak-ōv-ost</i>				
<i>-<u>bn-</u></i>			E₁	<i>kak-ōv-ost-an</i>				

E₁^B: *какōвост, какōвостна* (если не русский рефлекс ера)

⇒

<i>-ov-<u>bk-a</u></i>	A	<i>ivān-ov-ka</i>	E₁	<i>targ-ōv-ka</i>	E₁	<i>žid-ōv-ka</i>	A	<i>vālk-ov-ka</i>
------------------------	----------	-------------------	----------------------	-------------------	----------------------	------------------	----------	-------------------

A^A: *Лвāновка*
E₁^B: *торгōвка*
E₁^C: *жидōвка*
?^C: *Вōлковка* (ср. *Вōлковица*)

⇒

<i>-ov-<u>bc-b</u></i>	A	<i>kolēn-ov-ac</i>	E₁	<i>krāļ-ēv-ac</i>	B	<i>sin-ov-àc</i>	A	<i>knēz-ov-ac</i>
------------------------	----------	--------------------	----------------------	-------------------	----------	------------------	----------	-------------------

A^A: *цāровци, колēновец*
E₁^B: *бāнōвци, крāльѣвци, тергōвец*
E₁^C: *židōwci*
B^C: *sinow`es* (впрочем, строго говоря, здесь, видимо, представлена другая морфема *-ov-*, та же, что в собирательном *синовĭа*, восходящая к тематичнскому гласному *u*-основ)
A^C: *кнēзовци* (притяжательные прилагательные на *-ov-*, видимо утратили подвижность)

Заместительное удлинение в ударном форманте *-ov-* происходит только после краткостных слогов (см. 2.4.2).

⇒	-ov- <u>bstv</u> -o		E₁	<i>krāl-èv-stvo</i>	E₁	<i>sin-òv-stvo</i>	
---	---------------------	--	----------------------	---------------------	----------------------	--------------------	--

E₁^B: *ворòвство, крāльéвство, ropòwstwo, торгòвство*

E₁^C: *жидòвство, синòвство*

⇒	-ov- <u>ic</u> -a	A	<i>ivàn-ov-ica</i>	E₂	<i>krāl-ev-ìca</i>	E₂	<i>pol-ov-ìca</i>	A	<i>vālk-ov-ica</i>
---	-------------------	----------	--------------------	----------------------	--------------------	----------------------	-------------------	----------	--------------------

A^A: *лāстовица, Богдāновица, Стāнковица*

E₁^B: *дјāкòвица*

E₂^B: *кральевíца, Куновíца (?)*

E₁^C: *половíца*

A^C: *вòлковица*

⇒	-ov- <u>itj</u> -	A	<i>cār-ov-ic</i>	E₁	<i>krāl-èv-ic</i>	E₂	<i>knez-ov-ìc</i>
---	-------------------	----------	------------------	----------------------	-------------------	----------------------	-------------------

A^A: *цāровищ, Богдāновищ, Dawídownic, Iwānowic*

E₁^B: *бāнòвищ, крāльéвищ*

E₂^C: *кнезовищ*

⇒	-ov- <u>it</u> -				E₂	<i>gərm-ov-ìt</i>
---	------------------	--	--	--	----------------------	-------------------

E₂^C: *гермовíт, гласовíт, жаровíт, плодовíт, raznowíto, становíт, celowíto*

⇒	-ov- <u>at</u> -	E₂	<i>dəlg-ov-āt</i>	E₂	<i>vuzl-ov-āt</i>	E₂	<i>gor-ov-āt</i>
---	------------------	----------------------	-------------------	----------------------	-------------------	----------------------	------------------

A^{A?}: *czítowat (?)*

E₂^{A,B,C}: *долговáто, горовáт, iskwowáta, виновáт, вузловáт*

⇒	-ov- <u>in</u> -a	A	<i>brèz-ov-ina</i>	E₁	<i>kozl-òv-ina</i>	E₂	<i>dom-ov-ìna</i>
---	-------------------	----------	--------------------	----------------------	--------------------	----------------------	-------------------

A^A: *јéловина, брèзовина, rísowina (?), swátowin*

E₁^B: *козлòвина*

E₂^B: *torgowíni*

E₂^C: *домовíна, medowínu, знаковíна, годовíни, половíна*

E₁^C: *дубòвина, losówina*

⇒	-ov- <u>in</u> -				E₂	<i>dom-ov-ìn-an</i>
---	------------------	--	--	--	----------------------	---------------------

E₂^C: *половíнниъ, домовíнного*

3.9.7. -*ot- (-*et-)

-ot-a (-et-a)	A	<i>nìšć-eta</i>	E	<i>dobr-òta</i>	C	<i>lipotà</i>
---------------	----------	-----------------	----------	-----------------	----------	---------------

Эти производные образуются от прилагательных. Распределение непроизводных прилагательных по акцентным типам в говоре Крижанича претерпело большие перераспределения, что отразилось и на данных производных, показывающих ряд колебаний.

$A^A \sim B^A$: *nísceta* и *нишцетà* (*нишщ*, но и *нишщ*), *péchota* и *пихотà* (*пиш*), *súeta* и *суетà* (*сúе*) – все колеблются. Неясно *júnota*.¹⁰⁴ Интересно, что а.т. А представлен только в «Политике», что подозрительно ввиду её большей подверженности русскому влиянию.

E^B : *добрóга*, *топлóга*.

$E^B \sim B^B$: *tsçéeta* и *тошцетà*, *мокротà* и *мокрóту* (ОВ), *лэготà* (*лготà*) и *лехкóга* (ОВ), *тиснотà* и род. *tesnóti*, *сиротà* и *сирóтами* (и *сиротáми*). Для последнего слова дан зв.ед. *сíрото*.

V^C (форм, указывающих на а.т. С не засвидельствовано): *наготà*, *мехкотà* (*мекотà*) *голотà*, *самотà*, *чистотà*.

$V^C \sim C^C$: *теготà*, *срамотà*, *липотà*, *щцедротà*, *красотà*, причём подвижность имеется только в «Политике».

C^B : *grechotá* (форм, указывающих на а.т. В нет, как и в а.т. C^C)

C^C : *сухотà*, вин.мн. *stráchoti* (*strachotám*).

C^C ($\sim A \sim E$?): *rabotá* колеблется в зависимости от текста. В «Объяснении», кажется, представлена с а.т. А, а в «Политике» пару раз встречается русское (?) ударение.

$C/V^{B,C,A}$ или колебания (информативных форм нет): *новотà*, *долготà*, *гиготà*, *лакотà*, *нимотà*, *хромотà*, *риснотà*, *слипотà*, *пестротà*, *остротà*, *висотà*, *босотà*, *косотà*, *гньусотà*, *кньастотà*, *хластотà*, *простотà*, *рачотà*, *лихотà*, *глухотà*.

Таблица 84.

	А	В		С	В
им.ед.	<i>nísceta</i> <i>péchota</i> <i>súeta</i>	<i>нишцетà</i> <i>pechotá</i> <i>суетà</i>		<i>lépotu</i> <i>tégotu</i> <i>srámotu</i>	<i>липотú</i> <i>tegotú</i> <i>sramotú</i>
род.ед.	<i>сúети</i>	<i>суетí</i>		<i>lépote</i>	<i>sramoté</i>
вин.ед.	<i>níscetu</i>	<i>суетú</i>	дат.ед.	<i>srámote</i> <i>sçédrote</i>	<i>sramoté</i> <i>sçedroté</i>
твор.ед.		<i>пихотóју</i>	им.-	<i>srámoti</i>	<i>tegotì</i>
твор.мн.	<i>súetami</i>		вин.мн.		<i>щцедротí</i>
мест.мн.	<i>súetach</i>				

	А	С	Е (рус. ?)
им.ед.		<i>rabotà</i>	
род.ед.	<i>ра́боти</i> (ОВ)	<i>rabotí</i>	<i>rabóti</i>
вин.ед.	<i>ра́боту, rábotu</i>		
твор.ед.		<i>rabotóiu</i>	
мест.ед.		<i>работé</i>	
им.-вин.мн.			<i>rabóti</i>
род.мн.		<i>rabôt</i>	
твор.мн.		<i>rabotámi</i>	

Наконечное ударение в типе В обусловлено перетяжкой с краткого слога по правилу Дыбо. Факультативная принадлежность нескольких слов к типу А может быть связана с особой семантикой (и опрощением). В типе Е осталось мало слов в связи с появлением вторич-

¹⁰⁴ «Прибáви и овá тúджа : Бáша , Гидíја , Делија , Јаркòнда , Јумлија , Јуноша , Јунота...» [ГИ 41]

ной подвижности у большинства прилагательных прасл. а.п. *b*. Долгота основы везде сокращена (т.к. находилась во втором предударном слогѣ).

⇒	-ot- <u>bn-</u>	A	sùj-et-an	C?	lǎg-ot-an	C	rǎb-ot-an
---	-----------------	----------	-----------	----	-----------	----------	-----------

A^A: *súcten*

C^{B?}: нечл.вин.м.ед. *légotna*, нар. по нóвотну

C^C: (чл.?) *perwotnîmi*, чл. *работнѣь*, (чл.?)им.мн. *pechotnî*

E^{C?}: *tegôtlich* (ошибка, русское влияние?)

A(∼B?)^C: *krásoten*, *srámotno* (*srámotnogo*, вин.мн. *srámotnije* и *sramotníje*)

В этой группе первоначальные отношения сильно нарушены, что связано с перестройками в производящих на *-ota*.

⇒	-ot-ljiv-			E ₂	dobr-ot-řiv	E₂	rab-ot-řiv
---	-----------	--	--	----------------	-------------	----------------------	------------

E₂^E: *dobrotlyíwo*

E₂^C: *работльѣв*

3.9.8. -*ost-

-ost- <u>b</u> (-est- <u>b</u>)	A	mìl-ost	E	mūdr-òst	E	līn-òst
----------------------------------	----------	---------	----------	----------	---	---------

A^A: *дúжест, јáрост, мáлост, мѣлост, охóлост, плáхост, погáност, прáвост, пúлност, рáдост, рѣзвост, сѣтост, слáбост, стáрост, свѣжест, тáжност, тúгост, убóгост, вели́кост, wérnost, хёрлост, шáгост*

E^B: *бѣдност, бѣлост, блѣзост, бодрòст, вúтлост, једнòст, крѣпост, мúдрост, нáглост, облòст, окрúглост, плитвост, рáхлост, хитрòст, chrábrost, злòст, жáлост, шúплост*

E^C: *бёрзост, блáгост, бистрòст, блѣдност, дёрзост, дрáгост, гёрдност, глúпност, големòст, грúбост, јáкост, јúност, кротòст, крúтост, крúпост, кúсост, льúбост, льúтост, лѣност, лúдост, мёрзост, млáдост, нáгост, rakóst, плáност, сѣньест, сировòст, скúдост, скúпост, слáност, свёрѣпост, свётост, swetlóst, тúпост, твёрдност, веселòст, вёрлост, цѣлост, чёрност, чёрствост*

⇒	-ost- <u>bn-</u>	A	mìl-ost-an	E	mūdr-òst-an		
---	------------------	----------	------------	----------	-------------	--	--

A^A: *мѣлостен, рáдостен, жáлостен*

E^B: *крѣпòстен, mudróstnij*

⇒	-ost- <u>řn-a</u>	A	mìl-ost-ina			E₂	blag-ost-řna
---	-------------------	----------	-------------	--	--	----------------------	--------------

A^A: *мѣлостина*

E₂^C: *благостѣна*

⇒	<u>-ost-iv-</u>	A	<i>mīl-ost-iv</i>		E₂	<i>blag-ost-iv</i>
---	-----------------	----------	-------------------	--	----------------------	--------------------

A^A: *ра́достив, мило́стив*

E₂^C: *благос́тѣв*

3.9.9. -*īn-

<u>-īn-a</u>	A	<i>īš-ina</i>	B	<i>bīl-īnā</i>	B	<i>živ-īnā</i>
--------------	----------	---------------	----------	----------------	----------	----------------

Эти производные образуются исключительно от прилагательных. Выделяются две группы: (1) слова, в которых можно предполагать конкретизированное значение (типа ‘истина’) и (2) названия качеств (типа ‘длина’). В первой группе в части примеров сохраняется праславянский неподвижный тип:

A^A: *јстина, тѣшина, свѣжина (свѣж), сла́бина (сла́б),*

Во второй группе все праславянские отношения нарушены, и все слова получают окончное ударение:

Ṽ^{B,C}: *дльїна, dilyinú, синьїна, глубїна, слабїна (и сла́бина), грубїна, дешевїна (рус.?), живїна, кривїна, сивїна, первїна, плитвїна, черствїна, сидїна, твердїна, гордїна, рудїна, дражїна, риджїна, туджїна, должїна, вножїна (множїна), близїна, низїна, вузїна, билїна, дробнїна, давнїна, равнїна, по стермїне, зеленїна, руменїна, чернїна, старїна, рдрїна, ширїна, внутрїна, висїна, лисїна, русїна, светїна, ветшїна, вершїна, сушїна, , точщїна, планїна¹⁰⁵*

Ср. косвенные формы: *въ должїну, во вножїнѣ* и т.д.

В производных от а.т. В закономерно устрани́н а.т. G. Неясным остаётся накоренное краткостное ударение в *новїна*. Скорее всего, тут представлен другой (доминантный) суффикс.

⇒	<u>-īn-yn-</u>	A	<i>īst-in-an</i>	E₁	? <i>мноž-īn-an</i>	
---	----------------	----------	------------------	----------------------	---------------------	--

A^A: *јстинен*

E₁^B: *множїнном*

3.9.10. -*av-

<u>-av-</u>	A	<i>lāsk-av</i>	E₁	<i>arj-āv</i>	B	<i>kārv-āv</i>
-------------	----------	----------------	----------------------	---------------	----------	----------------

A^A: *гѣрбав, грѣжав, гѣбав, ласкав, мѣрхав, враскав*

E₁^B: *ерјав, гиздав, лукав, szegáv*

B₁^C: *корвāv–корвāvѣ (korgawá)*

В производных а.т. В представлен циркумфлекс вместо ожидаемого акута, что можно объяснить заменой исконной формы а.т. С **kāvāv* на *kāvāv* (а.т. В) в связи с

¹⁰⁵ «Планїна, планина, плāност» [ГИ 66]

переосмыслением форм типа ж.ед. *kərvāvā* как а.т. В. Тем самым, здесь мы наблюдаем «расщепление» суффикса на два (-*āv-* и -*āv-*) в зависимости от а.т. производящего.

⇒

- <i>ost-b</i>			E₁	<i>luk-āv-ost</i>		
----------------	--	--	----------------------	-------------------	--	--

E₁^B: *лука́вост, szegáwostiu*

⇒

- <i>bstv-o</i>			E₁	<i>luk-āv-stvo</i>		
-----------------	--	--	----------------------	--------------------	--	--

E₁^B: *лука́вство*

⇒

- <i>bc-b</i>	A	<i>lāsk-av-ac</i>	E₁	<i>skit-āv-ac</i>		
---------------	----------	-------------------	----------------------	-------------------	--	--

A^A: *ди́лавец, láiawec, lāskawec, сли́шавец*

E₁^B: *prilizáwsci, скита́вец*

3.9.11. -**et*

- <i>et</i>	A	<i>kūr-e</i>	E	<i>tel-è</i>	C	<i>prās-e</i>
-------------	----------	--------------	----------	--------------	----------	---------------

A^A: *ја́гнье, ди́гле, хла́пе, ку́ре, пи́пле, небо́же, отроче́, па́холье, пи́шше*

E₁^B: *телè, гӯсе, кльӯсе, ослè, цӯце, зкӯре, козлè, робè*

C^{C?}: *пра́се* (акцентная кривая неясна)

E₁^C: *дїте, ждрїбе, кнèже, шщенè*

⇒

- <i>et-jb-</i>	A	<i>jāgŋ-eć</i>	E	<i>tel-èć</i>	E	<i>dit-èć, ždrīb-èć</i>
-----------------	----------	----------------	----------	---------------	----------	-------------------------

A^A: *ја́гньещ, пи́плещ*

E₁^B: *робèщ, телèщ*

E₁^C: *дитèщ, ждрїбещ, шщенèщ*

⇒

- <i>et-bc-e</i>	A	<i>kūr-et-ce</i>			Ë	<i>dit-èt-ce</i>
------------------	----------	------------------	--	--	----------	------------------

A^A: *ја́гньетце, ку́ретце*

A₁^C: *пра́сетце*

Ë₁^C: *дитèтце, звирètце*

⇒

- <i>in-a</i>	A	<i>kūr-et-ina</i>	E	<i>tel-èt-ina</i>		
---------------	----------	-------------------	----------	-------------------	--	--

A^A: *ку́ретина*

E₁^B: *телèтина*

3.9.12. *-*ɛn-*

<i>-ɛn-</i>	A	<i>mīden</i>	E?	<i>sukn-èn</i>	B	<i>~C olov-èn~òlov-en</i>
-------------	----------	--------------	-----------	----------------	----------	---------------------------

A^A: *мíден, вóлнен, глíнен*

E^{B?}: *платнén, сукнén–сукнéníнь*

B~C₁^C: *оловèн -енà -енò ~ óloweno (olowenim, ólowenomu* [в не рассматриваемом тексте]), *просèn, ржèn, костèn, водèn, бернèn, перстèn*

⇒

<i>-ik-ъ</i>	A	<i>mīd-en-ik</i>	E₁	<i>ovs-èn-ik</i>	
--------------	----------	------------------	----------------------	------------------	--

A^A: *мíденик*

E^{B?}: *овсéник* [в не рассматриваемом тексте]

⇒

<i>-ica</i>	A	<i>mīd-en-ica</i>	E₁	<i>stākl-èn-ica</i>	E₂	<i>pros-en-ica</i>
-------------	----------	-------------------	----------------------	---------------------	----------------------	--------------------

A^A: *мíденица, māslenicu*

E^{B?}: *стеклénица, bagrénicu, просeníца*

E^{B?}: *просeníца* [в не рассматриваемом тексте]

3.9.13. *-*bj-*

<i>-bj-a-</i>	A	<i>brāt-ja</i>	B	<i>gospod-jǎ</i>	B	<i>knez-jǎ</i>
---------------	----------	----------------	----------	------------------	----------	----------------

A^A: *брáтja, свáтja.*

B^B: *господjǎ.*

B^C: *дитjǎ, друзjǎ, кнезjǎ, мужjǎ, синовjǎ.*

А.т. **B^B**, вероятно, перестроен из а.т. **D**, т.е. *gospodjǎ* < **gospodbja*, что закономерно (см. 3.4).

3.9.14. *-*tɔv-*

<i>-tɔv-a</i>	A	<i>jīs-tva</i>	B?	<i>pas-tvǎ</i>	A	<i>plū-tva</i>
---------------	----------	----------------	-----------	----------------	----------	----------------

A^A: *бíтва, брíтва, вíтва, жéтва, жёртва, Ы́ства, сítва, лíства (лízем)*

B?: *паствǎ*

Ǟ^C: *клéтва (klétwi, klétow), плúтва (плúтву)*

Отглагольный суффикс *-*tɔv-a*, по-видимому, связан с основой страдательного причастия, поэтому соответствующие производные могли претерпеть влияние его акцентовки, ср. (вторичный) а.т. **B**: *спасení – паствǎ*, но (вторичный) а.т. **I** (< ***C**): *клét, прóклет, клéте* (вин.мн.) – *клéтва*.

Ввиду скудости материала не представляется возможным реконструировать ход событий. В принципе, для праславянского было бы естественно предположить три типа: А (от а.п. *a*), D (от а.п. *b*) и В (от а.п. *c*). Правда, ни одного явного образования от а.п. *b* у Крижанича нет.

⇒	- <i>tv-ǫn-a</i>	A	<i>j̃is-tv-ina</i>			
	- <i>bn-</i>	A	<i>j̃is-tv-in-an</i>			

A^A: *бѣствина, iéstwinnije*

3.9.15. -**dlǫ*

- <i>dlǫ</i>	A	<i>bì-lo</i>	B	<i>krī-lǝ</i>	B	<i>odī-lǝ</i>
--------------	----------	--------------	----------	---------------	----------	---------------

Для праславянского состояния реконструируются два типа: баритонированный (а.п. *a*) и окситонированный (а.п. *b*)¹⁰⁶, причем окситонеза часто устраняется (в штокавском, например, все образования с узкими гласными, кроме *крѣло*, имеют баритонезу). В диалекте Крижанича эта тенденция тоже, по-видимому, имела (ср. *прѣло*, *жало* – последнее, впрочем, может быть из русского, если это именно ‘жало’), однако сохраняются по крайней мере три слова с конечным ударением.

Таблица 85.

реконструкция		Крижанич	
валентность		а.г.	
ǫ̃	<i>bǐdlo</i> <i>gǔrdlo</i> <i>mǔdlo</i> <i>ǒrdlo</i> <i>rǔdlo</i> <i>šǔdlo</i> <i>tǔrdlo</i>	A	<i>бѣло</i> <i>гѣрло</i> <i>мѣло</i> <i>рало</i> <i>рѣло</i> <i>шѣло</i> <i>тѣрло*</i>
ǫ̃	<i>kridlǝ</i> <i>čǝdlǝ</i>	B	<i>крѣло</i> <i>зачѣло</i> <i>одѣло</i>
ǫ̃	<i>dǝdlǝ</i> <i>perdlǝ</i> <i>žǝdlǝ</i>	A	<i>прѣло</i> [<i>жало</i>]

*Гр. 156: «...*стѣла, тѣрло...*», значит, не из **tvǔrdlǝ* (новошток. *трѣло*).

¹⁰⁶ О произошедшей в этих именах балто-славянской метатонии и список соответствий – см. [Николаев 1989, 82.]

3.9.16. -*bc[-b]

- <u>bc</u> -b	A	<i>stār-ac</i>	B	<i>kūr-àc</i>	B	<i>lov-àc</i>
----------------	----------	----------------	----------	---------------	----------	---------------

Выделяются два морфологических подтипа по поведению былого сверхкраткого. При сложных сочетаниях согласных он не исчезает во всех формах, кроме им.ед. (и в некоторых случаях, род.мн.), несмотря на слабую позицию, ср. *stārac stārca*, но *jezdàc jezdacà*.

A^A: бр^атец, с^амец, в^уец, м^арац л^анец, п^исces, п^ервенец (первен^ец), p^eszec, пог^анец, хл^апци

A (иммобилизованные): пос^авец, приг^орец, з^аг^орец, при^морец, пом^орец, пр^ек^опец, подон^ец, уб^ожец прос^инец

B^B: бог^еs, бои^еs, жам^ец (жем^ец), нов^ац, жезд^ац, тел^ец

B^B: кр^имец, к^упец, мл^инец, м^удрец, п^исец, swiny^es, strelⁱ (str^elc^ew, но str^elc^em), св^ирец

B^C: бор^ец, бо^ец, лов^ец, роб^ци, вод^ец, удов^ец, шщен^ец птен^ци, прас^ци,

B^C: бр^авец, д^итец, д^ивец, grad^se^m, г^удец, вр^абац, кн^езец, н^имец, п^евец, сл^ипец, гл^упец, г^упец, мр^авец, мрав^унец, k^ri^ws^a, в^енец

с павшим ером в корне: чт^ец (зв. ч^етче), жр^ец (жерц^ев), шв^ец

⇒ - <u>ov</u> -(- <u>ev</u> -)	A	<i>stār-č-ev</i>	E	<i>pīš-č-ěv</i>		
--------------------------------	----------	------------------	----------	-----------------	--	--

A^A: бр^атчев, ст^арчев, в^учев

B^B: отч^ев, п^ишчев, стр^ичев

⇒ - <u>bsk</u> -			E	<i>ot-ăč-sk-i</i>	E	<i>lov-ăč-sk-i</i>
------------------	--	--	----------	-------------------	----------	--------------------

E^B: н^им^ецско, от^ецского, гон^ецски^ь, лов^ецски^ь, пев^ецски^ь

⇒ - <u>bstv</u> -o			E	<i>ot-ăč-stvo</i>		
--------------------	--	--	----------	-------------------	--	--

E^B: от^ачство

⇒ - <u>in</u> -a			E	<i>ot-č-ina</i>		
------------------	--	--	----------	-----------------	--	--

A^B: отч^ина

⇒ - <u>in</u> -			E	<i>ot-č-in-an</i>		
-----------------	--	--	----------	-------------------	--	--

E^E: отч^инно

3.9.17. -*bc[-e]

- <u>bc</u> -e	A	<i>sīt-ce</i>	(E)	<i>sedāl-ce</i>	B	<i>kol-cè</i>
----------------	----------	---------------	--------------	-----------------	----------	---------------

A^A: с^ердце, бр^именце, ж^алце, кол^енце, с^итце, с^икалце, с^олнце (s^once), з^ернце, [z^ərnce] (с неожиданным удлинением), зн^аменце, ж^алце

E^B: берв^енце, коп^ецце, лук^онце, ок^онце, плат^енце, реш^етце, сед^елце

B^C: *дрѣвцѣ, јājцѣ, колцѣ, ложцѣ, очцѣ, тѣлце, ушцѣ*

A^C: *слѡвце*

3.9.18. -*bstv-

<i>-bstv-o</i>	A	<i>brāt-stvo</i>	BA	<i>voj-stvo, bān-stvo</i>	BA	<i>bož-stvō, svēt-stvo</i>
----------------	----------	------------------	-----------	---------------------------	-----------	----------------------------

A^A: *брáтство, swátstwo, бѹјство, кмѣтство, погáнство, тáјнство, убѡжство, величство, хлáпство, цáрство, чловѣчество*

B^B: *свидочствѡ, војствѡ*

B̄^B: *бáнство, удѡвство*

B^C: *божствѡ, кнежствѡ*

Ã^C: *глѹпство, рáбство, (краткость, но ср. *gābstwa*), скѹпство, свѣтство*

Ã^C~B^C: *лъѹдство~лъудствѡ*

По-видимому, в этой группе действовал закон Крижанича (см. 2.7.2.5).

3.9.19. -*bj[-e]

<i>-bj-e</i>	A	<i>kāmen-je</i>		A	<i>zvīrje</i>
--------------	----------	-----------------	--	----------	---------------

- 1) собирательные существительные, образованные от существительных, и абстрактные имена, образованные от прилагательных
- 2) существительные, образованные от имен (существительных и прилагательных) с предлогами.
- 3) отглагольные существительные, образованные от причастий.

Все они неподвижны. Если основа односложна, то в корне происходит удлинение, обусловленное стяжением с участием еря перед йотом (см. 2.4.1), но этого удлинения нет после долготных приставок.

A^A: *кáменје, здрáвје, zērnje želēzje*

A^B: *knūtija, batōzija*

A^C: *дрѣвје, дѹбје, гѣрмје, gwōzdie, кѣтје, рѡжжје, тѣрсје, тѣрстје, рѡжжје, лáтје, нáтје, плѣтје, сѹдје, посѹдје, орѹдје, ору́жје, ли́стје, зѣлје, корѣнје, овѡщје, звѣрје, swjētje*

Краткостная приставка – долготный корень: *бездѹше, bezmēria, безмѣстје, безпѣче, безрѣдје, безсовѣстје, беззáкѡнје, беззлѡбје, безчáдје, безчѣстје, недомѣрје, недоѹмје, непогѡдје, нерѣдје, несчáстје, неудобје, невѣрје, обѣрше, обѣлје, облічје, отрѡдје, побрѣжје, rodbilie, подѣнје, подгѡрје, подклѣтје, поднѡжје, вознѡжје, подѡбје, rodwōrii погѡдје, поглáвје, возглáвје, помѡрје, надвѡрје, надгрѡбје, несподѡбје, Подѡнје, Посáвје, Подунáвје, Покѹпје, Запрáжје, Загѡрје.*

Долготная приставка – краткостный корень: *zāgōrje, zāmōrje, zālisje, zārīčje, zāsīnje, prēmīrje, prēvērje.*

Сокращённая приставка – долготный корень (аналогия?): *препѹтје, разпѹтје, удѹлје, удѹбје, nasilie, naslédia, превѣрје.*

Долготная приставка – долготный корень (описка?): *јздѣлје*

3.9.20. -*jǫ-

-jǫ-	A	<i>krǫv-jǫ</i>	A	<i>rǫs-jǫ</i>	A	<i>bǫž-jǫ</i> [зак. Криж.]
------	----------	----------------	----------	---------------	----------	----------------------------

A^A: *бáбѹи, кѹрѹи, рѹбѹи, жабѹи (?) , голубѹи (?) , крáвѹи, мѹшѹи, чловѹчѹи*

A^B: *лѣвѹи, кѹзѹи, пѣсѹи, волѹвѹи*

A^C: *јелѣнѹи, бѹжји, бѹжѹи, звѣрѹи*

Долгота в корне связана с падением ера перед йотом (см. 2.4.1).

3.9.21. -*ež-

-ež-	A	<i>prät-ež</i>	E	<i>rüb-ěž</i>	E?	<i>bod-ěž</i>
------	----------	----------------	----------	---------------	-----------	---------------

A^A: *грáбеж, прáтеж (ж.)* и конечноударное *prateží* (ошибка?)

E^B: *клáдѣж, клáтѣж, лѹпеж, мѣтѣж, скѹбѣж, чертѣж*

E^C: *boděž, крадѣж, младѣж~млáдѣж (ж.) , сербѣж, вертѣж*

Долгота в корне, видимо, тоже колеблется, что можно объяснить сокращением в предупредударном слуге в формах, где факультативно возможно конечное ударение (тем самым, возможно, мы имеем дело с переходным типом E/B). На возможное конечное ударение может указывать сокращение корня и «скорый» знак, ср. *младѣж* при *млáдѣж*.

Таблица 86.

	ед.	мн.
им.	<i>мѣтѣж</i>	<i>metézi</i>
род.	<i>рѹбѣжа</i>	<i>klatézew</i>
дат.		<i>metézem</i>
мест.	<i>рѹбѣжу</i>	<i>rubézech</i>

⇒ -ǫn-	A	<i>prät-ež-an</i>	E	<i>rüb-ěž-an</i>	
--------	----------	-------------------	----------	------------------	--

A^A: *prátežnogo*

E^E: *klatéžni, рѹбѣжний, metéžni*

3.9.22. -*ǫrj-

-ǫrj-	A	<i>rǫb-ar</i>	B	<i>gospod-ǫr</i>	B	<i>mes-ǫr</i>
-------	----------	---------------	----------	------------------	----------	---------------

A^A: *птѹчар, рѹбар*

B^B: *господáр, кльучáр, корчмáр, митáр, овчáр, писáр, псáр, rudári* (видимо, вместо «долгого», ср. *rudaróm*), *вратáр*

B^C: *бравáр, бродáр, бубньáр, главáр, likáг (likágow), месáр, звонáр, чолнáр, чувáр*

А.т. G>В (регулярно). Долгота корня сокращена, как и у всех существительных а.т. В. Тем самым, закон Крижанича регулярно действует на двух последних слогах (в зв.ед. особая ситуация, как и во всех именах).

Таблица 87.

им.	господър	господари
род.	господара	господаров
дат.		gospodaróm
твор.	господаром	господарми
зв.	господару	

⇒

-ārj-ъn-īc-a		E ₁	ovč-ār-n-ica	E ₁	pek-ār-n-ica
--------------	--	----------------	--------------	----------------	--------------

E₁^B: пекърница, овчърница, rowърница

⇒

-bšk-		E ₁	gospod-ar-sk-i	E ₁	rud-ar-sk-i
-------	--	----------------	----------------	----------------	-------------

E₁^B: gornczърskiу, господърскиъ, rudърskije

⇒

-pstv-o		E ₁	gospod-ār-stvo		
---------	--	----------------	----------------	--	--

E₁^B: господърство, czolhърstwo, likърstwa

⇒

-īc-a		E ₂	gospod-ar-īca		
-------	--	----------------	---------------	--	--

E₂^B: господаріца, бубньаріц, кльучаріца, корчмаріца

3.9.23. -*īn-

-īn-	A	māter-in	B	žen-īn	B	čer-īn
			E	lūk-īn		

A^A: мäterин, джэдѣин, Микүлин, владікин, Никітин (?), старостин, Лліѣин, Левдокіѣин, раріп, Радонѣин

A^B: госпѳжин (явное заимствование, ср. госпѳ)

B^B: Радин, Лүкин, женіи

B^C: дощеріи

Здесь имело место «расщепление» исконного долготного суффикса. А.т. G закономерно устранён при краткостном корне (ср. женіи), а после долготного корня, судя по всему, суффикс сократился. Неясно (см. 2.7.3.4). По-видимому, здесь не обошлось без действия какой-то аналогии.

⇒	- <u>bsk-</u>		<i>dèd-in-ski</i>	E	<i>žen-ĩn-sk-i</i>	E	<i>čer-ĩn-sk-i</i>
---	---------------	--	-------------------	----------	--------------------	----------	--------------------

A^A: *дѣдинску, рѣпинском*

E^E: *женїнска*

E^B: *дощерїнска*

⇒	- <u>bstv-o</u>	A	<i>mãter-in-stvo</i>				
---	-----------------	----------	----------------------	--	--	--	--

A^A: *мáтеринство, рѣпinstwo*

	- <u>ic-a</u>	A	<i>miķit-in-ica</i>	E	<i>lūk-ĩn-ica</i>		
--	---------------	----------	---------------------	----------	-------------------	--	--

A^A: *Микїтиница, Микўлиница*

E^E: *Фомїница, Лўкїница, Златїница (?)*

3.9.24. -*ĩn-

	- <u>ĩn-</u>	- <u>bc-b</u>				E	<i>pərv-ĩn-ac</i>
--	--------------	---------------	--	--	--	----------	-------------------

A^A: *сиверїнец*

E^E: *млãдїнец (с неожиданной долготой), первїнец, словїнец*
czúžnci?

⇒	- <u>bsk-</u>					E	<i>slov-ĩn-sk-i</i>
---	---------------	--	--	--	--	----------	---------------------

E^E: *словїнскиѣ*

⇒	- <u>bk-</u>					E	<i>slov-ĩn-ka</i>
---	--------------	--	--	--	--	----------	-------------------

E^E: *словїнка*

⇒	- <u>bstv-o</u>					E	<i>pərv-ĩn-stvo</i>
---	-----------------	--	--	--	--	----------	---------------------

E^E: *млãдїнство, первїнство*

3.9.25. -*ĩn-

	- <u>ĩn-a</u>	A	<i>brèz-ina</i>	E	<i>čart-ĩna</i>	E	<i>druž-ĩna</i>
--	---------------	----------	-----------------	----------	-----------------	----------	-----------------

A^A: *брѣзина, дїдина, говедїна, зãјчина, јѣлина, њїствина, краьина, лїтина, мїлостина, чловїчина, рãuczinoju, stãdina, osóbĩnu* (ср. особã – а.т. А/В/С)

E^B: *овчїна, козїна, коньїна, кончїна, новїна (?)*, *skotĩnu, čertĩna, losĩni (?)*

E^C: *дитїна, десетїна, долина, дубїна, дружїна, лучїна, мекїни, мужїна, осмїна, петїна, планина, подбилина, повалина, зидїна, gedїna, ричїна, родїна, сланина, слободїна, солина, стотїна, третїна, трищїна, туджїна (м.), туьїна (м.), худїна (м.), вершїна, westĩnu, четверїна, четвертїна, шестїна, слатїна, мерцїна (произв.?), wolczĩna, kruczĩne (рус.?), гадїноју*

⇒	- <u>bn-</u>		E	<i>čart-<u>in-an</u></i>		
---	--------------	--	----------	--------------------------	--	--

E^E: кончїнних, *kruczi¹nen* (рус.?), подбилїнна, чертїнних

3.9.26. -*ik-

	- <u>ic-a</u>	A	<i>st^{ar}-ica</i>	E	<i>sestr-<u>ica</u></i>	E	<i>mlad-<u>ica</u></i>
--	---------------	----------	----------------------------	----------	-------------------------	----------	------------------------

A^A: јвица, гérлицо, сýлица, úлицах, поту́рица (серб.), шу́јица, íáгца, стáрица, цáрица, stáczica, владїчица, wúdicu, zrénicu, sekíricu, sóczivica, rúgowici (рус.?), двáјсетица, мéрвицу, Ву́јица, Гру́јица

Отклонения: правї́ца дивї́ца (но и, возможно, русское или ошибочное *déwici*) голу-
бї́цо

E^B: кральї́ца, вдовї́ца (удовї́ца), новї́ца, двојї́ца, тројї́ца (но и tróуicі), столї́ца, топ-
лї́ца, банї́ца, жени́ца, lepíca, пшени́ца, плѣ́нїцах, модри́ца, сестри́ца, лисї́ца, овчї́ца, вуг-
ри́ца, ножї́ци, хервати́ца, Јури́ца

E^C: главї́ца, ливї́ца, кривї́ца, младї́ца, жили́ца, свитлї́ца, самї́ца, седмї́ца, нимї́ца,
осмї́ца, дрени́ца, четвери́ца, седмери́ца, петери́ца, десетери́ца, златї́ца, свети́ца, десети́ца,
желтї́ца, czastíca, ричї́ца, тончї́ца, грубї́цу, тујї́ца, *werwícami*, строчи́ци (или от B)

В слове *dásèici* скорее всего опечатка (ср. *daskámi*, *dáski*, *dasôk*). Из русского (?): *lízici*
(*lizíci*).

Колебания или ошибки: *palíca*, *pálicami*

⇒	- <u>ič-j_z</u>		E	<i>div-<u>ič-ji</u></i>		
---	---------------------------	--	----------	-------------------------	--	--

E^E: дивї́чѣи: единственное притяжательное прилагательное на -*j_z-, не показывающее
удлинения перед стяжением с йотом (ср. *птї́чѣи*, *чловї́чѣи*). Возможно, это связано с его
выраженной производностью.

⇒	- <u>ič-<u>in</u></u>	A	<i>s^{ar}-i^č-in</i>	E	<i>ban-<u>ič-in</u></i>	
---	-----------------------	----------	--	----------	-------------------------	--

A^A: стáричин, цáричин

E^E: сестри́чин, *krályíczi¹ni^u*, дивї́чин, банї́чин

⇒	- <u>ič-<u>bsk</u></u>		E	<i>div-<u>ič-sk-i</u></i>		
	- <u>ič-<u>ic-a</u></u>		E	<i>div-<u>ič-ica</u></i>		

E^E: дивї́чски, дивї́чица

3.9.27. -*iv-

-iv-	A	misl-iv	E	pro-kš-iv	E	rič-iv
------	---	---------	---	-----------	---	--------

A^A: мiслив, пáметив, плiснив

E^B: говорiв, лестiв, прокшiв

E^C: бледiв, болезнiв, бранiв, ложiв, льубезнiв, писнiв, пишiв, похотiв скорбив
хотiв, сластiв, честiв, чритiв, сметiв, вушив (ср. вuш)

3.9.28. -*ijiv-

-ijiv-	A	raz-sip-iv	E	drim-iv	E	sram-iv
--------	---	------------	---	---------	---	---------

A^A: razsipyiw

E^B: говорльiв, дримльiв, ложльiв, марльiв, пожемльiв, скитльiв

E^C: бранльiв, бригльiв, дарльiв, дерльiв, жарльiв, карльiв, крадльiв,
прескорбльiв, разкипльiв, spasyiwa, смотерльiв, срамльiв, страшльiв, свадльiв, терпльiв,
жерльiв, žadlyiw

3.9.29. -*itj-

-itj-ь	A	kür-ic	E	kraļ-ic	E	knež-ic
--------	---	--------	---	---------	---	---------

A^A: Jвáнищи, кúрищи, пiплищи, птiщ, воjвóдищ

A^{A(C)}: прáсищи (ср. неясное прáсе, мн. прáсета)

E^B: господiщ, кральiщ, гусиiщи, козлиiщи, ослиiщи, псиiщи

E^C: кнежiщ

E^{E(C)}: дитiщ

3.9.30. -*iast-

-iast-	A	zərn-ast			E	kol-ast
--------	---	----------	--	--	---	---------

A^A: торбúшаст, кiтаст, зérнаст, вiхаст, кéбаст

E^C: батáст, колàст, тракáст

3.9.31. -*iāt-

-iāt-			E	žen-āt	E	glav-āt
-------	--	--	---	--------	---	---------

E^B: остáт, ženát

E^C: богáт–богáтиь, брадáт, власáт, главáт, духáт, душáт, зубáт, косáт, космáт, лис-
тáт, носáт, рогáт

⇒ -ost-ь					E	bog-āt-ost
----------	--	--	--	--	---	------------

E^E: богáтость

⇒ -pC-ь					E	bog-āt-ac
---------	--	--	--	--	---	-----------

E^E: богáтец

⇒	- <u>bstv</u> -o				E	<i>bog-àt-stvo</i>
---	------------------	--	--	--	----------	--------------------

E^E : богáтство

⇒	- <u>ic</u> -a				E	<i>glav-àt-ica</i>
---	----------------	--	--	--	----------	--------------------

E^E : главáтица

3.9.32. -*āk-

- <u>āk</u> -ь	B	<i>buj-āk</i>	B	<i>dobr-āk</i>	B	<i>slip-āk</i>
----------------	----------	---------------	----------	----------------	----------	----------------

B^A : бужáк

B^B : добрáк, новáк, овчáк, својáк, woíák

B^C : босáк, дебелъáк, дивáк, дивјáк, дурáк, двојáк, глупáк, глухáк, горчáк, горшцáк, лунáк, косáк, лежáк, линъáк, лудјáк, нимáк, польáк, петáк, простáк, четвртáк, третјáк, вторáк, шестáк, седмáк, осмáк, десетáк, слипáк, тежáк, тупáк, тројáк, худáк, черньáк, шурјáк

⇒	- <u>bsk</u> -		E₁	<i>voj-ãč-sk-i</i>		
---	----------------	--	----------------------	--------------------	--	--

E_1^B : ковáчкиь, iunáczeska, težáczeskoiu, woíáczeska, czernyáczeskiego

⇒	- <u>ov</u> -(- <u>ev</u> -)		E₂	<i>nov-āk-òv</i>		
---	------------------------------	--	----------------------	------------------	--	--

E_2^B : Новáков

⇒	- <u>bk</u> -a		E₂	<i>nov-ak-òv-ka</i>		
---	----------------	--	----------------------	---------------------	--	--

E_2^B : Новáкóвка

⇒	- <u>ic</u> -a		E₂	<i>nov-ak-òv-ica</i>		
---	----------------	--	----------------------	----------------------	--	--

E_2^B : Новакóвица

⇒	- <u>bstv</u> -o		E₁	<i>voj-ãč-stvo</i>	E₁	<i>tež-ãč-stvo</i>
---	------------------	--	----------------------	--------------------	----------------------	--------------------

E_1^B : тежáчство, woíáčestwa, wráčestwo

⇒	- <u>in</u> -a				B	<i>divj-ač-īnà</i>
---	----------------	--	--	--	----------	--------------------

B^B : дивјачīна

3.9.33. -*áč-

- <u>áč</u> -ь	B	<i>sluh-áč</i>	B	<i>igr-áč</i>	B	<i>kov-áč</i>
----------------	----------	----------------	----------	---------------	----------	---------------

B^A : губáч, крајáч, слухáч

B^B : iğraczí, новáч, толмáч

B^C : drącz, ковáч, plenyącz, gwącz, толкáч, zubącz

3.10. Глагол

3.10.1. Категории и акцентные типы

Формы глагола в общем случае строятся путем прибавления соответствующих окончаний к одной из двух основ (имеются различные исключения). Кроме собственно форм слов (несоставных, см. 3.1), имеется несколько составных категорий (форм, состоящих из двух и более слов): перфект, плюсквамперфект, несколько будущих времён (все они изменяются и по залогам), но это относится скорее к синтаксису, поэтому в данной работе они не обсуждаются, тем более что никакого особого акцентного поведения такие формы не демонстрируют.

Акцентное поведение производных глаголов описывается их принадлежностью не к одному акцентному типу, а к трём, каждый из которых определяет акцентную кривую отдельных групп форм: (1) настоящее время: личные формы, императив, причастие, деепричастие; (2) инфинитив, *l*-причастие, действительное причастие и деепричастие прошедшего времени, аорист, имперфект; (3) страдательное причастие. Таким образом, каждый глагол характеризуется цифрой, обозначающей его тип спряжения (который в общем случае явствует из вида форм настоящего времени и инфинитива) и тремя буквами, соответствующими акцентному типу каждой из групп форм. Такое членение (на три группы форм) в некоторой степени условно и принято для экономии описания, поскольку в противном случае мы имели бы чрезмерное количество сочетаний форм различных типов для характеристики каждого глагола.

Синхронно производные (в основном, отымённые) глаголы ведут себя проще, для них достаточно указание одного акцентного типа.

3.10.2. Типы спряжения

Мы приняли такую разбивку на спряжения, чтобы каждое из них могло быть определено уникальным сочетанием способов образования настоящего времени (основа настоящего времени + личное окончание) и инфинитива (а также образуемых от него форм). Это важно при анализе акцентного поведения глагольных форм в каждой из парадигм, т.к. акцентные кривые, отождествляемые с одним и тем же акцентным типом, различаются в зависимости от типа спряжения. Так, вид кривых определяется, в частности, наличием в инфинитиве форманта *-a-*, которого может не быть в других формах (например, в настоящем времени). Кроме того, акцентное поведение глаголов зависит от исхода основы (подтипы: на шумные, носовые и т.д.).

Таблица 89.

тип	1 ед.наст.	инфинитив	замечания	
1	-d-em -t-em	-s-t(i)		
	-s-em			
	-z-em	-z-t(i)		
	-b-em	-b-s-t(i)		
	-p-em	-p-s-t(i)		
	-ž-em -č-em	-ć(i)		
	-v-em -j-em	-t(i)		с различными чередованиями в корне
	-r-em	-ri-t(i)		
	-l-em	-li-t(i) -la-t(i)		
	-m-em -n-em -ŋ-em	-e-t(i)		
2	-em -[*j]-em	-a-t(i)		
3	-j-em	-j-a-t(i)		
4	-uj-em	-ova-t(i) -uva-t(i) -eva-t(i)		
5	-[*j]-em	-a-t(i)	чередование согласного в исходе	
6	-a-m	-a-t(i)	основа на -a(j)-	
7	-i-m	-i-t(i)		
8	-i-m	-a-t(i)		
9	-i-m (-ij-em)	-i-t(i)	основа на -i(j)-	
10	-n-em	-nu-t(i)		

Общие правила построения основных форм глагола таковы (приводятся окончания 3ед. и 3мн. для настоящего времени и 1ед. и 3ед. для аориста):

Таблица 90.

тип	наст.вр.	аорист	инф.	l-прич.	страд.прич.	
1		-(o)h -(e)	-t/ć(i)	-(ə)l		-t
					-en	
2	-e	-ah -a	-at(i)	-al	-ān	
3	-ÿ					
4						
5						
6	-ā -āju					
7	-ĩ	-ih -i	-it(i)	-il	-[*j]en	
8	-ē					
9	-ĩ -ĩju				?	
10	-nē	-nuh	-nut(i)	-nul -l	-ŋen	
	-nũ	-nu				

3.10.1. Основа настоящего времени

3.10.1.1. Настоящее время. В окончаниях глагольных форм наблюдается меньше колебаний, чем в склонении существительных и прилагательных. В рамках «общего» правописания Крижанич прибегает к ряду регулярных отклонений от морфологии своего диалекта, пользуясь, в основном, русскими окончаниями. К счастью, в грамматических объяснениях часто приводятся и хорватские формы.¹⁰⁷ Морфологические искажения имеются, видимо, только в окончаниях настоящего времени.

Таблица 91.

атематические		на <i>-em</i>		на <i>-im</i>		на <i>-am</i>	
Криж.	рекон.	Криж.	рекон.	Криж.	рекон.	Криж.	рекон.
<i>-m</i>	<i>-m</i>	<i>-y, [-em]</i>	<i>-ěm</i>	<i>-y, [-im]</i>	<i>-īm</i>	<i>-aju, [-am]</i>	<i>-ām</i>
<i>-ш, -си</i>	<i>-š, -sī</i>	<i>-еш</i>	<i>-ěš</i>	<i>-иш</i>	<i>-īš</i>	<i>-ајеш, [-аш]</i>	<i>-āš</i>
<i>-ст</i>	<i>- (?)</i>	<i>-ет, [-e]</i>	<i>-ě</i>	<i>-ит</i>	<i>-ī</i>	<i>-ајет, [-а]</i>	<i>-ā</i>
<i>-мо</i>	<i>-mō</i>	<i>-ем, [-емо]</i>	<i>-emō</i>	<i>-им, [-имо]</i>	<i>-īmo</i>	<i>-ајем, [-амо]</i>	<i>-āmo</i>
<i>-те</i>	<i>-tē</i>	<i>-ете</i>	<i>-etē</i>	<i>-ите</i>	<i>-īte</i>	<i>-ајете, [-ате]</i>	<i>-āte</i>
		<i>-ут, [-у]</i>	<i>-ū</i>	<i>-ет, -ят</i>	<i>-ē</i>	<i>-ајут, [-aju]</i>	<i>-āju</i>

Формы 1.ед. на *-у* получают, как правило, то же ударение, что и соответствующие «хорватские» формы на *-m*. Например, при «хорватском» *kāжем* дается форма *kāju* (а не то, что соответствовало бы русскому *кажу*). Из ударения этих форм 1.ед. можно вывести ударение остальных форм единственного числа (они совпадают).

Форму 1.мн. Крижанич в текстах пишет без конечного *-o*, что в случае конечнударности, естественно, вызывает смещение ударения на слог влево (и препятствует однозначной реконструкции). Такие формы совпадают с «хорватскими» 1.ед. Однако двусложные формы 1.мн. (атематических глаголов) не теряют этого *-o* и всегда имеют окончание *-mo*, ср. *dāmo*, *bȳmo*.

Правда, здесь не обходится без трудностей. Упомянутые морфологические отклонения иногда все-таки приводят к смещению ударения. Например, не вполне понятно, как трактовать следующие замечания [ГИ 94]: «*Ложём, еш: Ложу̀, и Логу̀ (:за Логам:) Логàх, Логàхи, Ложí Логáти, Логáл, Логàнје. Херватскí, Лáжем, Лáжут : Лагáл, и ост : Слáжем, Слагáл. Солжём, Солжút : Солгáл. Нерецí Солгéш, Солгét, Солгém: нó, Солжéш, Солжét, Солжém, Солжетé, Солжút*». Как мы видим, гибридная форма *ложём* (с русским гласным, но хорватским окончанием) имеет ударение, отличное от приводимой тут же «хорватской» формы *лáжем*. Именно форма *ложём* приводится везде в тексте «Исказания», но в глагольных таблицах уже дается «*Лáжем, Лóжем | Логу̀, Ложèш*», где рекомендуемая гибридная форма 2.ед. имеет хорватское ударение, отличное от русского. Ясно, впрочем, что эти колебания связаны с отсутствием пояснения редуцированного в русском варианте, что могло

¹⁰⁷ А в глагольных таблицах в конце «Исказания» формы 1.ед. приводятся только в «хорватском» виде.

привести Крижанича к компромиссному решению: насаждение гласного, но сохранение ударения как при его отсутствии. В этом случае мы восстанавливаем форму *lāžem*.

Другим типом морфологических отклонений является искусственное устранение стяжения в глаголах на *-*ajǫ*, *-*ějǫ*: стяжённые «хорватские» формы и нестяжённые в текстах («общие»). Стяжённые «хорватские» формы настоящего времени Крижанич приводит только в первом лице¹⁰⁸, ср. *počítam*, однако, используя их в нестяжённом виде (именно их Крижанич рекомендует и употребляет сам), он ставит ударение на окончании, ср. *počitáju*, *ročitáet* и т.д. По-видимому, в этих случаях Крижанич автоматически смещал ударение на слог вправо. Однако в «Объяснении» ударение как будто не смещается, ср. *izgováрает*.¹⁰⁹ Кроме того, безударная корневая долгота обозначается крайне непоследовательно. Вообще, в формах без стяжения наблюдаются большие колебания ударения.

3.10.1.2. Императив. Суффикс императива: *-i-* или *-j-* (после гласных), к нему прибавляются безударные окончания 2.мн. *-te* и 1.мн. *-mo*. Примеры: *kūřì*, *kūřìte*, *kūřìmo*; *imāj*, *imājte*, *imājmo*.

3.10.1.3. Причастие настоящего времени морфологически является прилагательным. Оно оформлено суффиксами *-eć-* (6-е спряжение) или *-ić-* (все остальные). Имеются нечленные и членные формы. При этом в отличие от производных прилагательных, морфологически членные формы не сохраняют акцентной кривой соответствующих нечленных форм (см. 4.3). Акцентных типа три: А, В и Е:

Таблица 92.

а.т. наст.вр.	а.т. и кривая причастия	примеры
А	А: колонное краткостное накоренное	<i>būduć, v̇seći, ḋelajuć</i>
В		<i>īduć, v̇dec¹¹⁰, hvāleć</i>
С	В: на конце в нечленных формах и долготное на суффиксе в членных	нечл.: <i>vedūć, vedūćè; stojěć, stojecè</i> чл.: <i>nadejūć se, gredūća</i>
Е	Е: колонное на исходе основы	<i>spavājūć</i>

У глаголов с основами на *-a(j)* (стягивающимися с окончаниями в настоящем времени) в причастиях устраняются колебания, наблюдаемые в настоящем времени (в текстах, видимо, может отражаться искусственно сдвинутое ударение). Таким образом, глаголы типа А (ср. *ḋelat*) с накоренным краткостным ударением дают однозначно такое же ударение в причастии (ср. *ḋelajuć*), а глаголы с ударением, оттянутым с суффикса (<*Е, ср. *spāvam*), дают в причастии (где стяжения нет, ср. *spavājūć*) ударение на исходе основы.

¹⁰⁸ Кроме глагола *ītam*, который приводится полностью.

¹⁰⁹ Иногда вместо ожидаемого долготного ударения наблюдается краткостное, ср. *počitáют*. Впрочем, этот глагол (и вообще, глаголы на *-ćitam*) в «Объяснении», видимо, неподвижны.

¹¹⁰ Единственный глагол типа В, имеющий подвижное ударение в причастии: *mogūć, mogūćì*. Видимо, это застывшая форма, воспринимаемая как прилагательное.

Нелегко различить членные и нечленные формы там, где окончания морфологически тождественны. Так, неясно, как воспринимать формы типа *rastūcīh, vedūcim*, ср. «Потому́ж и жмѣн расту́щих на ТА, неужива́ют ра́ди во вножй́нѣ» [ГИ 34]. Как бы то ни было, нет ни одного примера причастий на *-ic-* с конечным ударением в морфологически членной форме, тогда как такие причастия на *-ec-* встречаются, ср. «...тѣм жеже нельу́бит вно́гих двоугласнѣц, или гласнѣц, рѣдом стојѣщих...» [ГИ 165] против «...i ot dŕwyich, i Pĕrskomu kralyŭ nepoddānich naródoŭ, na bregêch onogo môria stoiâcich, i ot torgôwcew plowûcich...» [Пол. 32]. Возможно, что и у Крижанича это синтаксическое отличие было нейтрализовано и на месте ударения не отражается. При этом в именительном падеже это различие как будто живо, ср. «Гре́ки и Латѣнци кладу́т придѣвна Ниједѣска (:держѣща́ обсто́јних облічје:...)» [ГИ 163] и «Da zaneméiut usta goworêcaia chulú suprot Gospodu» [Пол. 235]. Впрочем, по последнему примеру трудно с уверенностью судить о членности или нечленности формы причастия, так что в нижеприведенных таблицах различие в месте ударения «членных» и «нечленных» форм следует скорее воспринимать как чисто морфологическое (или, может быть, как колебание).

Колебания имеются и в окончаниях, ср. «Черті́ни Л, М, Н, Р, сто́ящѣ на почя́ткъх рѣчѣм нельу́бят за со́боју негласнѣц» [ОВ 46] при «...нахо́дятся двѣ чистѣ гласнѣци, въку́пѣ сто́ящи; ка́кот...» [ОВ 33]. Возможно, это отражает нечёткость в разграничении употребления причастий и деепричастий (см. ниже).

Неясно ударение на частице *ně viduc*, ср. «Нѣбудуш, кто́ би избáвил...» [ГИ 186] с ударением, сдвинутым с корня (при типе А глагола).

Склонение восстанавливается по материалу, показанному в таблицах.

Таблица 93: колонное краткостное накоренное ударение

		м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.	
ед.	И	йдуш	јдуше	јдуца	wíseciŭ			
	В	водеш						
	Р	iézdecēgo		јдуције	búdućego		búduće	
	Д	јдущуже			nósecētu			
	Т	→					предјдущеју	
	М						јдущеј	
мн.	И	йдуци		јдуције				
	В							
	РМ					јдущих		
	Д					јдущим		
	Т					wísecimi		

Колонное долготное накоренное ударение *chwâlec, blúdec*.

Таблица 94: окончное ударение, -и́- (а.т. В):

		м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.
ед.	И	веду́щ	[веду́]ще	[вед]у́ща	греду́щий	gredúćeе	plowúćaia
	В	тогу́с					
	Р	петогуса́			греду́щего		
	Д						
	Т	→					
	М	→					
мн.	И					gredúćaia	
	В						
	РМ				gredúćich		
	Д				mogúćim		
	Т						

Таблица 95: окончное ударение, -е́- (а.т. В):

		м.	ср.	ж.	м.	ср.	ж.
ед.	И	стоје́щ	шумё́ще				
	В			сто́ящю́			
	Р	говорё́ща					
	Д	говорё́щю́			sedêcetu		сто́ящею
	Т	→					
	М	→					kipécey
мн.	И	ležećí	сто́яща	сто́яще́		goworêćaia	
	В						
	РМ	сто́ящих			творё́щих		
	Д	sedecím			chotêćim		
	Т	гледё́щими			borêćimi		

3.10.1.4. Деепричастие настоящего времени является застывшей формой соответствующего причастия в именительном падеже. Крижанич приводит его в трёх (четырёх) вариантах, «Ведé: Ведѡ: Веду́щ: Веду́щи» [ГИ 89]. Сам он в текстах применяет только две последние формы, причём ударение в них неподвижно (и не зависит от варианта). Две первые морфологически тождественны и, судя по тому, что Крижанич приводит форму с юсом, не вполне для него естественны. Это подтверждается и тем, что в них колеблются ударения, ср. в другом месте: «*Ј въ Сада́шнемъ врѣмену јест Обсичѣнје: Сто́је, Сѣде, Лѣже, Глѣде, Вѣде, Жѣве. Ёлити, Сто́ја, Сѣдѡ, Лежа́, Гледѡ, Гредѡ. Ведѡ, Живѡ. Али и ово јест мѣрзок ѡзрок : и ли́плъ се велѣт: Сто́јещ, Сидѣщ, Лежѣщ, Гледѣщ, Греду́щ, Веду́щ, Живу́щ*» [ГИ 110] (тут прямо указано, что эти формы он не одобряет). Неясно, как воспринимать эти указания; возможно, формы с юсом – русские, а с буквой е – его родные. Если так, то показательно, что все формы с буквой е имеют долготное накоренное ударение, восходящее, возможно, к ударению форм-энклиномен (образованных от глаголов а.т. С).

3.10.1.5. Ударение форм, образованных от основы настоящего времени. Различаются акцентные типы А, В, С и Е. В эту группу форм мы включаем и причастия настоящего

времени, которое склоняется по собственному акцентному типу. Однако последний напрямую вытекает из акцентного типа личных форм настоящего времени.

А.т. А: ударение на корне (таблица 96):

спряж.:	1, 2, 3, 5, 10	4	6	7, 8	
наст.	<i>l̄izem</i>	<i>š̄ijem</i>	<i>r̄ađujem</i>	<i>đ̄ilam</i>	<i>b̄avim</i>
	<i>l̄izeš</i>	<i>š̄iješ</i>	<i>r̄ađuješ</i>	<i>đ̄ilaš</i>	<i>b̄aviš</i>
	<i>l̄ize</i>	<i>š̄ije</i>	<i>r̄ađuje</i>	<i>đ̄ila</i>	<i>b̄avi</i>
	<i>l̄izemo</i>	<i>š̄ijemo</i>	<i>r̄ađujemo</i>	<i>đ̄ilamo</i>	<i>b̄avimo</i>
	<i>l̄izete</i>	<i>š̄ijete</i>	<i>r̄ađujete</i>	<i>đ̄ilate</i>	<i>b̄avite</i>
	<i>l̄izu</i>	<i>š̄iju</i>	<i>r̄ađuju</i>	<i>đ̄ilaju</i>	<i>b̄ave</i>
имп.	<i>l̄izi</i>	<i>š̄ij</i>	<i>r̄ađuj</i>	<i>đ̄ilaj</i>	<i>b̄avi</i>
	<i>l̄izite</i>	<i>š̄ijte</i>	<i>r̄ađujte</i>	<i>đ̄ilajte</i>	<i>b̄avite</i>
	<i>l̄izimo</i>	<i>š̄ijmo</i>	<i>r̄ađujmo</i>	<i>đ̄ilajmo</i>	<i>b̄avimo</i>
прич.	<i>l̄izuć</i>	<i>š̄ijuć</i>	<i>r̄ađujeć</i>	<i>đ̄ilajuć</i>	<i>b̄aveć</i>
	<i>l̄izuća</i>				
	<i>l̄izuće</i>				
	<i>l̄izući</i>				

А.т. В: ударение на корне или на окончании (таблица 97):

спряж.:	1	2	7	
наст.	<i>m̄ožem</i>	<i>k̄ažem</i>	<i>n̄osim</i>	<i>hr̄anim</i>
	<i>m̄ožeš</i>	<i>k̄ažeš</i>	<i>n̄osiš</i>	<i>hr̄aniš</i>
	<i>m̄ože</i>	<i>k̄aže</i>	<i>n̄osi</i>	<i>hr̄ani</i>
	<i>m̄ožemo</i>	<i>k̄ažemo</i>	<i>n̄osimo</i>	<i>hr̄animo</i>
	<i>m̄ožete</i>	<i>k̄ažete</i>	<i>n̄osite</i>	<i>hr̄anite</i>
	<i>m̄ođu</i>	<i>k̄ažu</i>	<i>n̄ose</i>	<i>hr̄ane</i>
имп.	<i>m̄oži</i>	<i>k̄aži</i>	<i>noši</i>	<i>hr̄ani</i>
	<i>m̄ožite</i>	<i>k̄ažite</i>	<i>nošite</i>	<i>hr̄anite</i>
	<i>m̄ožimo</i>	<i>k̄ažimo</i>	<i>nošimo</i>	<i>hr̄animo</i>
прич.	<i>[moḡić]</i>	<i>k̄ažuć</i>	<i>n̄oseć</i>	<i>hr̄aneć</i>
	<i>đuć</i>	<i>k̄ažuća</i>	<i>n̄oseća</i>	<i>hr̄aneća</i>
		<i>k̄ažuće</i>	<i>n̄oseće</i>	<i>hr̄aneće</i>
		<i>k̄ažući</i>	<i>n̄oseći</i>	<i>hr̄aneći</i>

Приставочные формы ведут себя подобно бесприставочным, ср. *z̄a-jmet z̄a-jm̄i*. Если корень глагола 1-го спряжения содержал редуцированный, в бесприставочных формах в а.т. В возможно его прояснение. При наличии приставки прояснения нет, а ударение в формах настоящего времени, как правило, переходит на нее (но не всегда). В глаголах а.т. С прояснение не происходит.

А.т. С: ударение, в основном, на окончании (таблица 98):

спряж.:	1, 2, 3, 4				7	7, 8
наст.	<i>vedëm</i>	<i>brīžëm</i>	<i>lijëm</i>	<i>tījëm</i>	<i>rodīm</i>	<i>tvorīm</i>
	<i>veděš</i>	<i>brīžěš</i>	<i>lijěš</i>	<i>tījěš</i>	<i>rodīš</i>	<i>tvorīš</i>
	<i>vedē</i>	<i>brīžē</i>	<i>lijē</i>	<i>tījē</i>	<i>rodī</i>	<i>tvorī</i>
	<i>vedemò</i>	<i>brīžemò</i>	<i>lijemò</i>	<i>tijemò</i>	?	<i>tvorīmò</i>
	<i>vedetè</i>	<i>brīžetè</i>	<i>lijetè</i>	<i>tijetè</i>		<i>tvorītè</i>
	<i>vedū</i>	<i>brigū</i>	<i>lijū</i>	<i>tijū</i>		<i>tvorē</i>
	<i>vedevà</i>					
	<i>vedetà</i>					
имп.	<i>vedī</i>	<i>brīgī</i>	<i>līj</i>	<i>tīj</i>		<i>tvōrī</i>
	<i>vedīmo</i>	<i>brīgīmo</i>	<i>lījte</i>	<i>tījte</i>		<i>tvōrīte</i>
	<i>vedīte</i>	<i>brīgīte</i>	<i>lījmo</i>	<i>tījmo</i>		<i>tvōrīmo</i>
прич.	<i>vedūć</i>	<i>brigūć</i>	<i>lijūć ?</i>	?		<i>tvorēć</i>
	<i>vedūćà</i>					
	<i>vedūćè</i>					
	<i>vedūćì</i>					

А.т. Е: ударение на гласном исходе основы (таблица 99):

	4	6	9	
наст.	<i>vojūjjet</i>	<i>spāvam</i>	<i>igrām</i>	<i>umīm</i>
	<i>vojūjješ</i>	<i>spāvaš</i>	<i>igrāš</i>	<i>umīš</i>
	<i>vojūjje</i>	<i>spāva</i>	<i>igrā</i>	<i>umī</i>
	<i>vojūjjetmo</i>	<i>spāvamo</i>	<i>igrāmo</i>	<i>umī</i>
	<i>vojūjjetete</i>	<i>spāvate ?</i>	<i>igrāte</i>	<i>umīte</i>
	<i>vojūjju</i>	<i>spāvaju ?</i>	<i>igrāju ?</i>	<i>umīju ?</i>
имп.	<i>vojūj</i>	<i>spāvaj</i>	<i>igrāj</i>	<i>umīj</i>
	<i>vojūjajte</i>	<i>spāvajte</i>	<i>igrājte</i>	<i>umījate</i>
	<i>vojūjajmo</i>	<i>spāvajmo</i>	<i>igrājmo</i>	<i>umījmo</i>
имп.	<i>vojūjjuć</i>	<i>spāvajuć</i>	<i>igrājuć</i>	<i>umījuć</i>

3.10.1. Инфинитивная основа

3.10.1.1. Инфинитив. Варианты окончаний *-t(i)* и *-ć(i)* с конечным *-i* и без него находятся, по всей видимости, в свободном распределении. Крижанич часто приводит по две формы инфинитива, ср. *дúти* и *дúт*, *брíици* и *брíищ* без каких-либо объяснений. Ударение может стоять: на корне (а.т. настоящего времени А, В, С); на исходе основы (В, С, Е); на окончании *-ī* (только после краткого слога); на приставке (только при павшем ере в корне):

Таблица 100.

на приставке	на корне	на исходе основы	на окончании
<i>prīt</i>	<i>(pri-)věst(i)</i> <i>vīdit(i)</i>	<i>kāzāt(i)</i> <i>sīpāt(i)</i>	<i>sopsī</i> <i>itī</i>

Наряду с конечноударными формами на *-ĩ* (редкими) всегда приводятся формы на *-t* с оттянутым ударением, ср. *гньесті́, гньéст*. Ударное окончание *-ĩ* бывает только после краткого слога. В противном случае ударение долготное и стоит на слоге, предшествующем окончанию *-t(i)*: ср. *gũsti*. У Крижанича встречается всего несколько конечноударных инфинитивов на *-ĩ* (1-е спряжение): тип В: *itĩ*, тип С: *gņestĩ, ċastĩ, mestĩ, sopstĩ*.

3.10.1.2. Причастие на *-l*. Суффикс *-l-* прибавляется к инфинитивной основе (исключения см. ниже). Окончания те же, что у нечленных прилагательных:

Таблица 101.

	м.	ж.	ср.
ед.	<i>-l</i>	<i>-la</i>	<i>-lo</i>
мн.	<i>-li</i>	<i>-le</i>	<i>-la</i>
дв.	<i>-la</i>	<i>-li</i>	

Форма причастия на *-l* множественного числа женского рода выступает в «общем» варианте с окончанием мужского рода *-ли* вместо «хорватского» *-le*, ср. «*Кѣ, Мати и дощ јести приѣшли: или јесут приѣшли : по Хервѣтску, јесут приѣшле*» [ГИ 177].

У глаголов 1-го спряжения с основой настоящего времени на *-t, -d* последний согласный основы выпадает, ср. *sěl -a -o*, (но и *sědla -dlo*¹¹¹). В остальных случаях к основе на шумный окончание м.ед. примыкает с призвук *-ə*, ср. *mògəl*, но *mògla, mòglo*. У глаголов 1-го спряжения с инфинитивной основой на *-ri-*, окончания l-причастия прибавляются к другой основе (на *-ər-*), ср., инф. *umrīt*, l-прич. *ùmərł -a, -o*.

Ударение всегда колонное. Оно может стоять на корне, ср. *sěl -a -o*, или на приставке, ср. *ùm-ərł -a -o*¹¹².

3.10.1.3. Деепричастие прошедшего времени является застывшей нечленной формой причастия. Оно образуется от l-причастия с восстановлением согласного основы (ср. *sěl*, но *sědši*). Для глаголов 1-го спряжения на шумные и на носовые суффикс *-š-* прибавляется прямо к последнему согласному основы (ср. *sědši, jāmši*), в остальных случаях суффикс принимает вид *-vš-* (ср. *dīvši, u-mārvši, spavāvši*). Для ряда глаголов 1-го спряжения на носовые не вполне ясно, какой гласный выступает в корне: Крижанич пишет букву *e*, что скорее всего означает [a]<*ъ, и лишь в одном случае он пишет *a*: *Jāmши* (при тут же приводимом «русском» *Jémши*). Крижанич пишет: «*Јзрикаѣтсе пак и со обсичѣнјем: сице, Јмѣв, Настѣв, Сказѣв: Водѣв, Спрѣвив, Постѣвив: Вѣд, Сѣд, Пѣд, Вѣрг, Лѣг, Начѣн, Взѣм, Пријѣм, Пришѣд, и ост.*» Однако такие формы он критикует: «*Али такѣв, ѣзрѣк Хервѣти почитѣјут во Кмѣтшцину: и липље јест изрещ цѣло: јмѣвши, Настѣвши, Сказѣвши: Водѣвши, Спрѣвивши, Постѣвивши: Вѣдши, Сѣдши, Пѣдши, Вѣргши, Лѣгши, Начѣнши, Взѣмши, Пријѣмши, Пришѣдши, и ост.*» [ГИ: 110]. Сам он употребляет в текстах деепричастия на *-av* и *-iv*, а из глаго-

¹¹¹ Только для этого глагола.

¹¹² Или (в одном случае) в формах женского и среднего рода на конце, ср. *žəgəl žglà žglò* (факультативно при *žəgla*), но, возможно, это русские формы.

лов 1-го спряжения у него встречается только *prisžéd, prisžêd* (с колебанием долготы?). Несколько чаще встречаются и равноправные формы на *-ši*. Ударение то же, что в инфинитиве (с учётом заместительного удлинения).

Склоняемого причастия прошедшего времени Крижанич не употребляет, вместо него у него выступает деепричастие, ср. «*Umêrwszi kraly Neapôlskiy težbá se ucziní*» [Пол. 148]

3.10.1.4. Аорист образуется в большинстве случаев от инфинитивной основы. В 1-ом спряжении, в случае, если инфинитивная основа исходит на согласный, окончания аориста прибавляются к тематическому гласному *-o-* или *-e-*, ср. *vedòh, vedè*. В остальных случаях инфинитивная основа исходит на гласный, а окончания прибавляются к нему, ср. *spàh, pokārā, tvorìh, u-mknùh, mlìh, pri-jèh*.

Ударение аориста всегда колонное. У глаголы а.т. А оно стоит на корне, ср. *sèdoh, po-stàvi*, в прочих случаях – на исходе основы или на тематическом гласном, ср. *kāzàh, trùh, vlikòh* (а.т. Е).

Таблица 102.

		основы на согласный		основы на гласный		
		А	Е	А	Е	
ед.	1	<i>sèdoh</i>	<i>vedòh</i>	<i>stànuh</i>	<i>vzèh</i>	<i>imàh</i>
	2,3	<i>pàde</i>	<i>vedè</i>	<i>po-stàvi</i>	<i>vzè</i>	<i>imà</i>
мн.	1		<i>vedòsmo vedòhmo</i>			<i>imàsmo imàhmo</i>
	2		<i>vedòste</i>			<i>imàste</i>
	3	<i>sèdoše</i>	<i>vedòše vedòhu</i>	<i>iz-bàviše</i>	<i>vzèše</i>	<i>imàše imàhu</i>
дв.	1		<i>vedòsva</i>			<i>imàsva imàsvi</i>
	2,3		<i>vedòsta</i>			<i>imàsta imàsti</i>

3.10.1.5. Имперфект образуется так же, как аорист, но с несколько иными окончаниями и долготным ударением, если оно падает на гласный исход основы. В формах имперфекта, судя по всему, имеются большие колебания (в т.ч. с чередованиями).

Таблица 103.

		А			Е	
ед.	1	<i>vàrgihi</i>	<i>đilahi</i>	<i>žèhi</i>	<i>brizìhi</i>	<i>brigàhi</i>
	2,3		<i>đilaše</i>		<i>brizìše</i>	<i>brigàše</i>
мн.	1		<i>đilahomo</i>		<i>brizìhomo</i>	<i>brigàhomo</i>
	2		<i>đilahote</i>		<i>brizìhote</i>	<i>brigàhote</i>
	3		<i>đilahu</i>		<i>brizìhu</i>	<i>brigàhu</i>
дв.	1				<i>brizìhova</i>	<i>brigàhova</i>
	2,3				<i>brizìhota</i>	<i>brigàhota</i>

3.10.1.6. Ударение форм, образованных от инфинитивной основы. Мы объединяем все эти формы в единую словоизменительную парадигму, т.к. они тесно связаны друг с другом в смысле акцентного поведения. Различаются акцентные типы А (ударение на корне), Е (ударение на суффиксе) и С (ударение подвижное).

А.т. А: ударение на корне (таблица 104):

спряж.:	1	6	7	10
инф.	<i>(za-)və̀rc</i>	<i>(sa-)d̄ilat</i>	<i>(pro-)slə̀vit</i>	<i>z̄inut</i>
<i>l</i> -прич.	<i>(za-)və̀rgəl</i> <i>(za-)və̀rgla</i> <i>(za-)və̀rglo</i> <i>(za-)və̀rgli</i>	<i>(sa-)d̄ilal</i> <i>(sa-)d̄ilala</i> <i>(sa-)d̄ilalo</i> <i>(sa-)d̄ilali</i>	<i>(pro-)slə̀vil</i> <i>(pro-)slə̀vila</i> <i>(pro-)slə̀vilo</i> <i>(pro-)slə̀vili</i>	<i>z̄inul</i> <i>z̄inula</i> <i>z̄inulo</i> <i>z̄inuli</i>
деепр.п.	<i>(za-)və̀rgsi</i>	<i>(sa-)d̄ilali</i>	<i>(pro-)slə̀vivši</i>	<i>z̄inuvši</i>
аор.	<i>(za-)və̀rgoh</i>	<i>(sa-)d̄ilavši</i>	<i>(pro-)slə̀vih</i>	<i>z̄inuh</i>
имперф.	<i>(za-)və̀rgihi</i> <i>(za-)və̀rgahi</i>	<i>(sa-)d̄ilahi</i>		

А.т. Е: ударение на гласном исходе основы (таблица 105):

спряж.:	2, 6, 8	5, 7	5, 7,	10
инф.	<i>(pro-)gn̄ət</i>	<i>(iz-)k̄az̄ət</i>	<i>(za-)tvor̄it</i>	<i>(pro-)m̄in̄ut</i>
<i>l</i> -прич.	<i>(pro-)gn̄əl</i> <i>(pro-)gn̄əla</i> <i>(pro-)gn̄əlo</i> <i>(pro-)gn̄əli</i>	<i>(iz-)k̄az̄əl</i> <i>(iz-)k̄az̄əla</i> <i>(iz-)k̄az̄əlo</i> <i>(iz-)k̄az̄əli</i>	<i>(za-)tvor̄il</i> <i>(za-)tvor̄ila</i> <i>(za-)tvor̄ilo</i> <i>(za-)tvor̄ili</i>	<i>(pro-)m̄in̄ul</i> <i>(pro-)m̄in̄ula</i> <i>(pro-)m̄in̄ulo</i> <i>(pro-)m̄in̄ul</i>
деепр.п.	<i>(pro-)gn̄əv̄ši</i>	<i>(iz-)kaz̄əv̄ši</i>	<i>(za-)tvor̄iv̄ši</i>	<i>(pro-)m̄in̄uv̄ši</i>
аор.	<i>(pro-)gn̄əh</i>	<i>(iz-)k̄az̄əh</i>	<i>(za-)tvor̄ih</i>	<i>(pro-)m̄in̄uh</i>
имперф.	<i>gn̄əhi</i>	<i>kaz̄əhi</i>	<i>tvor̄āhi ?</i>	

А.т. С: в инфинитиве ударение на корне (или, в нескольких примерах, на окончании, см. 3.10.1.1), в *l*-причастии на корне (1-е спряжение на шумные) или на приставке (при её наличии (1-е спряжение на нешумные и 2-е спряжение), в аористе на гласном исходе основы или тематическом гласном.

Таблица 106.

спряж.:	1: на нешумные		1: на шумные		2	
инф.	<i>mr̄it</i>	<i>u-mr̄it</i>	<i>r̄āst</i>	<i>u-r̄āst</i>	<i>zv̄āt</i>	<i>na-zv̄āt</i>
<i>l</i> -прич.	<i>m̄ārl</i>	<i>ū-m̄ārl</i>	<i>r̄āsəl</i>	<i>u-r̄āsəl</i>	<i>zv̄āl</i>	<i>n̄ā-zvāl</i>
	<i>m̄ārla</i>	<i>ū-m̄ārla</i>	<i>r̄āsla</i>	<i>u-r̄āsla</i>	<i>zv̄āla</i>	<i>n̄ā-zvāla</i>
	<i>m̄ārlo</i>	<i>ū-m̄ārlo</i>	<i>r̄āslo</i>	<i>u-r̄āslo</i>	<i>zv̄ālo</i>	<i>n̄ā-zvālo</i>
	<i>m̄ārli</i>	<i>ū-m̄ārli</i>	<i>r̄āsli</i>	<i>u-r̄āsli</i>	<i>zv̄āli</i>	<i>n̄ā-zvāli</i>
деепр.п.	<i>u-m̄ārv̄ši</i>				<i>zv̄āv̄ši</i>	
аор.	<i>u-m̄r̄ih ?</i>		<i>uz-rast̄oh</i>		<i>zv̄āh</i>	
имперф.					<i>zv̄āhi</i>	

3.10.2. Страдательное причастие (прошедшего времени) по форме является прилагательным и может выступать в членной и нечленной формах. Оно образуется от инфинитивной основы суффиксами *-t-* и *-n-* (*-en-* после согласных). С ним тесно связано глагольное имя (имя действия), образуемое от него добавлением *-je*.

Суффикс *-t-* образует страдательные причастия от глаголов 1-го спряжения с основами на *-v*, *-j*, на носовые и на плавные, прибавляясь к основе *l*-причастия, ср. *gr̃jem: gr̃t* (при *grivèn*), *iz-ùjem: iz-ùt* (при *iz-uvèn*), *za-trèm: zà-tàrt* (при *za-trèn*). Образованные таким образом причастия получают ударение, не зависящее от акцентного типа глагола, колеблющееся между а.т. В и I:

kř̃jem: kř̃t – по а.т. В: *skritó, pokrità, pokritogó, pokritì, pókrita*; по а.т. I: им.мн.ср. *pókrita*, ср. также им.мн.м. *pódbiti*;

jãtem (с приставкой *zã-jmem*): *jêť* – по а.т. В: *zajêť, prijatà, naiatí*; по а.т. I: *óбjet*, дат.ед.м. *ǰзнету, náiatì*.

Членные формы получают ударение на корне, ср. *podbítimi, prijátogo*. Неясно, как ведут себя бесприставочные формы (мало примеров).

Глаголы на плавные, по-видимому, получают начальное ударение при наличии приставки, ср. *zárept, záterti, rázdertogo* и др.¹¹³ Бесприставочные формы: *drèm: dãrt* (при *drèn*), *mèlem: mlît* (при *mèlen*).

В именах на *-tje* ударение колонное и по месту соответствует причастиям (в формах им.м.), все они имеют долготу в корне: *gr̃t: gr̃tje, zajêť: zajêťje, mlît: mlîtje, dãrt: dãrtje*.

Суффикс *-(e)n-* образует страдательные причастия от глаголов всех типов, кроме 1-го спряжения на носовые (где возможен только *-t-*). Как правило, причастия от глаголов а.т. А получают а.т. А, а в других случаях – а.т. А, В или Е.

В 1-ом спряжении *-en-* прибавляется к основе настоящего времени.

Глаголы на шумные: причастия от глаголов а.т. С имеют а.т. В, ср. *rečëm: rečën -à -ò*.

Глаголы на *-v*, *-j*: причастия образуются от основы настоящего времени, причем иногда вместо *-jen* появляется *-ven*, ср. *plivëm: plivèn -à -ò, šijem: šivèn* (при *šit*). По-видимому, все они относятся к а.т. В, т.е. имеют окончательное ударение, ср. *zakriwendò*.

Глаголы на плавные: *mèlem: mèlen* (при *mlit*), *za-trèm: za-trèn* (при *zà-tàrt*). Примеров слишком мало, чтобы сделать вывод об акцентном поведении. Сам Крижанич в текстах употребляет для этих глаголов только причастия на *-t-*.

У глаголов 5-го спряжения вместо суффикса *-nu-* появляется *-ņen*. Ударение, видимо, на корне, ср. *mĩnem: pro-mĩņeno, gãnem: gãņen*.

В 7-ом спряжении (основы на *-i-*) различаются а.т. А (от глаголов а.т. А и В), ср. *stãvim: po-stãvļen, nõsim: nõšen, sũdim: osũ {ž}en*, и а.т. В (от глаголов а.т. В), ср. *tvorĩm: tvorèn tvorenà, dãržĩm: dãržãn dãržanì*.

В глагольных именах на *-enje* ударение колонное и по месту соответствует причастиям (в формах им.м.), ср. а.т. А: *vãržen: vãrženje, mèlen: mèlenje*; а.т. Е: *mivèn: mivënje, za-trèn: za-trënje, tvorèn: tvorënje* (удлинение в закрытом слоге перед сонантом).

Во всех остальных случаях инфинитивная основа исходит на *-a-*.

¹¹³ Имеется пример с приставкой и накоренным ударением: «...*za onú lácomo widêrtuiu kaznú*...» [Пол. 219].

Причастия от глаголов 2-го спряжения, по-видимому, по акцентному поведению совпадают с причастиями на *-t* от глаголов 1-го спряжения на носовые: в нечленных формах они колеблются между конечным (а.т. В) и начальным ударением (а.т. I), переходящим на приставку (при наличии таковой). При этом неважно, какая акцентная парадигма восстанавливается для глагола в праславянском: все глаголы этого типа, по-видимому, регулярно колеблются (ср. подобную ситуацию в современном русском). В таком поведении можно видеть стадию устранения маргинально-подвижного ударения (а.т. С), на которой равные права имеют обобщённые начальное и конечное ударения во всех формах.

Таблица 107

А.т. В:

		м.	ср.	ж.
ед.	И	<i>zwân</i>	<i>назвāно́</i>	<i>назвāна</i>
	В	<i>nazwân</i>		
	Р			
	Д			
	Т			
	М		<i>razerwanóm</i>	
мн.	И	<i>zwaní</i>		
	В	<i>razaslaní</i>		
	PM		<i>izbranìch</i>	
	Д			
	Т		<i>daními</i>	

А.т. I:

		м.	ср.	ж.
		<i>názwan</i>	<i>сóбрано</i>	<i>сóбрана</i>
		<i>póslana</i>		
		<i>sóbranim</i>		
		<i>п́розвани</i> <i>prìslani</i>		<i>на́звани</i>
			<i>názwanich, óbranich</i>	

Членные формы, как всегда, получают колонное ударение на слог левее окончания (в данном случае на гласном исходе основы), ср. *izbrāniy, obrānomu*, вин.ед.ж. *nerazerwānuiu, nazwānom, poddānimi* и др.

Не имеется информативных примеров на глаголы 3-го спряжения а.т. С, но можно предположить, что они ведут себя подобным образом.

Ударение прочих причастий на *-an-* зависит от акцентного типа глагола. От глаголов а.т. А причастие всегда получает а.т. А, ср. *bàjem: bájan, dèlam: zdélan*. Остальные глаголы распределены по закону Крижанича: причастия от глаголов с долготным корнем получают колонное долгое ударение на корне (долготный а.т. А), а при краткостном корне ударение конечное (долготный а.т. В). Распределение не знает исключений. В а.т. В членные формы, как и ожидается, получают колонное ударение (на гласном исходе основы). Образованные от этих причастий глагольные имена на *-anje* с долготными корнями чаще всего получают на-суффиксальное ударение, но имеется и немало примеров на накоренное ударение, соответствующее ударению причастия.

Акцентный контур страдательных причастий на *-en* а.т. В таков: нечленные формы получают конечное ударение, а членные – на суффиксе (долготное), в чём мы усматриваем результат действия закона Крижанича. В этом смысле они ведут себя как непроезводимые

прилагательные (членных формах корень получает долготное ударение, сдвинутое на слог влево с окончания, см. 2.7.2.2).

3.10.3. Порождение основных форм. Для каждого спряжения имеется набор возможных сочетаний акцентных типов настоящего времени, *l*-причастия и страдательного причастия прошедшего времени:

Таблица 108.

	тип, прямо соответствующий праславянскому состоянию (даже если реликтивно)
	тип, связанный с действием закона Крижанича
	тип, регулярно заменивший прасл. тип (в именах: *G>B, в глаголах *C>I)
	тип, не соответствующий праславянскому состоянию
	тип, регулярно вытекающий из нерегулярного типа производящего

спряжение	наст.вр.	l-прич.	инф.	страд.прич. на -n	страд.прич. на -t	
1	на шумные	A vǎržem	A vǎrgal	vǎrc	A vǎržen	
		B mōžem	! mōgal	mōc	?	
		C rečëm	C rëkal	rëc	B rečën	
		C vličëm	C vlikal	vlič	B vličën	
		C pāsëm	C pāsəl	pāst	B pasèn	
	на -v, -j	A šijem	A šil	šit	B šivën, za-krivën	BI šit, po-krīt
		C pijëm	C pīl, iz-pili	pīt	B pijën	BI pīt
		C rijëm	C rīl	rīt	?	BI rīt
	на плавные	B tārem	A za-tǎrl	tǎrt	? za-trën	BI zǎ-tǎrt
		B mēļem	A mlīl	mlīt	? mēļen	BI mlīt
		C drëm	C dǎrl, rǎz-dǎrl	drīt	? drën	BI dǎrt, rǎz-dǎrt
	на носовые	B žāņem	A žēl	žēt		BI žēt
		B jānem	C jēl, zǎ-jel	jēt		BI jēt, za-jēt, ōbjet
		C kǎlnëm	C klēl, prō-klel	klēt		BI klēt, prō-klet
	2	B ǎrvëm	E ǎrvǎl, po-rvǎl	ǎrvāt	BI rvǎn, otǎ-rvǎn; zǎ-gnan	
C zovëm		C zvǎl, nǎ-zvǎl	zvāt	BI zvǎn, na-zvǎn, nǎ-zvan		
3	A bǎjem	A bǎjal	bǎjat	A bǎjan		
	C lijëm	E lijǎl	lijāt	B lijǎn		
4	C čājëm	E čājǎl	čājāt ?	B čājǎn		
	A rǎdujem	A rǎdoval	rǎdovat	A rǎdovan		
5	A sūjem	E suvǎl	suvāt	B suvǎn		
	C trūjem	E trovǎl	trovāt	B trovǎn		
	E vojūjem	E vojevǎl	vojevāt	B vojevǎn		
6	A mǎžem	A mǎzal	mǎzat	A mǎzan		
	B kǎžem	E kǎzǎl	kǎzāt	A kǎzan		
	B iščem	E iskǎl	iskāt	B iskǎn		
7	A đīlam	A đīlal	đīlat	A đīlan		
	A spǎvam	E spǎvǎl	spǎvāt	A spǎvan		
8	E igrām	E igrǎl	igrāt	B igrǎn		
	A slišim	A slišal	slišat	A slišan		
9	C dǎržim	E dǎržǎl	dǎržāt	B dǎržǎn		
	A stǎvim	A stǎvil	stǎvit	A stǎvļen		
	B nōsim	E nosīl	nosīt	A nōšen		
	B hrānim	E hrānīl	hrānīt	A hrāņen		
10	C tvorīm	E tvorīl	tvorīt	B tvorën		
	10	umīm	umīl	umīt	?	
11	A zīnem	A zīnul	zīnut			
	B mīnem	E mīnūl	mīnūt	A mīņen		

3.10.4. Спряжения и формы

Ниже приводятся нерегулярные или неочевидные формы глаголов в нашей транскрипции (реконструкции). Это не следует воспринимать как материал (за которым читатель отсылается к росписи текстов, см. приложение). Однако мы намеренно не приводим форм, не засвидетельствованных в текстах, чтобы избежать излишней экстраполяции. Дело в том, что в отношении построения глагольных форм (в отличие от именных) некоторые моменты остаются непрояснёнными, а иные формы оказываются неожиданными. В нижеследующих таблицах приводятся формы для построения словоизменительной парадигмы каждого глагола. Спряжения, в которых не наблюдается нерегулярностей, в таблицы не включены.

3.10.4.1. 1-е спряжение: основы на шумные

а.т.	1.ед.наст.	императив	инфинитив	l-причастие	аорист	страд.прич.
AAA	<i>sèdem</i>	<i>sèdi</i>	<i>sèst(i)</i>	<i>sèl -a -o</i> <i>sèdla -dlo</i>	<i>sèdoh</i>	
	<i>lìzem</i> [вoз]- <i>lìzem</i>				<i>lìzoh</i>	
	<i>vàržem</i>		<i>vàrc(i)</i>	<i>vàrgal -la -lo</i>		<i>vàržen</i> <i>za-vàrženo</i>
	<i>lèžem</i>		<i>lèc(i)</i>	<i>lègal -li</i>	<i>lègoh</i>	
BCB	<i>mòžem</i>	<i>mozi</i> <i>mogi</i>	<i>mòc(i)</i>	<i>mògal -la</i>	<i>mogòh</i>	<i>ne-mòžen</i>
	<i>ìdem</i> <i>pòjdem</i>	<i>iđi</i>	<i>ìt itì</i>	<i>ìšal -la</i> <i>při-šal, pò-šla</i>	<i>idòh</i>	
CCB	<i>bodèm</i> <i>ob-bodèm</i>		<i>bòst(i)</i>	<i>bòl -a -o</i>	<i>bodòh</i>	<i>bodèn</i>
	<i>cvàtèm</i> <i>pro-cvàtèm</i>		<i>cvàst</i>	<i>cvàl</i>		
	<i>gñetèm</i> <i>pro-gñetèm</i>		<i>gñest gñesì</i>			<i>gñetèn</i>
	<i>metèm</i> <i>po-metèm</i>		<i>mesì</i>	<i>mèl</i>		
	<i>pletèm</i> <i>s-pletèm</i>			<i>plèl</i>		
	<i>čtèm</i> <i>pro-čtèm</i>		<i>čàst časì</i>	<i>čàl -a -o</i>	<i>čtòh</i> <i>pro-čtòh</i>	<i>čtèn -à -ò</i> <i>pro-čtèn</i>
	<i>s-retèm</i> <i>s-ritèm</i>			<i>srèl</i> <i>srìl</i>		
	<i>vezèm</i> <i>po-vezèm</i>		<i>vèzt(i)</i> <i>pre-vèzt</i>	<i>vèzal</i>	<i>vezòh</i>	<i>vezèn</i>
	<i>nesèm</i> <i>pri-nesèm</i>		<i>nèst(i)</i> <i>pri-nèst</i>	<i>nèsal</i> <i>pri-nèsal</i>	<i>nesòh</i>	<i>nesèn</i> [вoз]- <i>nesèn</i>
	<i>šibèm</i> <i>u-šibèm</i>					
	<i>grebèm</i> <i>za-grebèm</i>		<i>grèbst(i)</i>	<i>grèbal -bla</i>		<i>grebèn -à -ò</i> <i>po-grebèn</i>

(продолжение)

а.т.	1.ед.наст.	императив	инфинитив	l-причастие	аорист	страд.прич.
ССВ	<i>skrebèm</i> <i>iz-skrebèm</i>					
	<i>tepèm</i> <i>ob-tepèm</i>					<i>o-tepèn</i>
	<i>hropèm</i> <i>za-hropèm</i>					
	<i>hlopèm</i> <i>na-hlopèm</i>					
	<i>sopèm</i> <i>ob-sopèm</i>	<i>sòpst sopstì</i>	<i>sòpəl [a ne]</i> <i>u-sòpəl</i>		<i>sopòh</i>	<i>sopèn</i>
	<i>rečèm</i>		<i>rèci</i>	<i>rèkəl -a -o</i>		<i>rečèn -à -ò</i>
	<i>pečèm</i>		<i>pèci</i>	<i>pèkəl</i>		<i>pečèn</i>
	<i>tečèm</i>		<i>tèci</i>	<i>tèkəl</i>		
	<i>žgèm</i>		<i>žéc(i)</i>	<i>žègəl -gla</i> <i>(žglà, žglò)</i>	<i>žgòh</i> <i>žžè žžè</i>	<i>žžèn žžèn</i>
ССВ (долг.)	<i>mètèm</i> <i>[əoz]-mètèm</i>		<i>mèsti</i>	<i>mèl</i>		
	<i>rāstèm</i> <i>[əoz]-rāstèm</i>		<i>rāst</i>	<i>rāsəl -la -lo</i> <i>u-rāsła</i>		
	<i>blēdèm</i>		<i>blēsti</i>	<i>blēl</i>		
	<i>brēdèm</i> <i>pre-brēdèm</i>		<i>brēsti</i>	<i>brēl</i>		
	<i>bļūdèm</i> <i>sə-bļūdem</i>		<i>bļūst(i)</i> <i>o-bļūst</i>	<i>bļūl</i>		
	<i>gūdèm</i> <i>za-gūdèm</i>		<i>gūsti</i>	<i>gūl</i>		
	<i>grīzèm</i> <i>pro-grīzèm</i>					
	<i>trēsèm</i> <i>o-trēsèm</i>					
	<i>vārzèm</i> <i>po-vārzèm</i>		<i>vārst(i)</i>	<i>vārzəl</i>		
	<i>zēbèm</i> <i>o-zēbèm</i>		<i>o-zēbst</i>	<i>o-zēbəl</i>	<i>o-zēbòh</i>	
	<i>dālbèm</i> <i>iz-dālbèm</i>					
	<i>skūbèm</i> <i>o-skūbèm</i>					
	<i>brīžèm</i>		<i>brīc(i)</i>	<i>brīgəl -gla, -o</i>	<i>brigòh</i>	
	<i>vličèm</i>		<i>vlič(i)</i>	<i>vlikəl -kla</i>	<i>vlikòh</i>	<i>vličèn</i> <i>po-vličènò</i>
	<i>sējèm</i>		<i>po-sēc</i>			
	<i>vālcèm</i>					
	<i>strēžèm</i>					
	<i>tālčèm</i>					<i>s-tālčènò</i>
	<i>prēžèm</i> <i>v-prēžèm</i>					
	<i>lēcèm</i>					

(продолжение)

а.т.	1.ед.наст.	императив	инфинитив	l-причастие	аорист	страд.прич.
САВ	<i>klādēm</i> <i>s-klādē</i>		<i>klāst(i)</i>	<i>klāl</i> <i>po-klāl</i>	<i>po-kladōh</i>	
	<i>krādēm</i> <i>u-krādēm</i>		<i>krāsti</i> <i>u-krāst</i>	<i>krāl</i> <i>u-krāl, -a</i>	<i>u-kradōše</i>	
	<i>pādēm</i> (сов.в.) <i>pro-pādēm</i>		<i>pāst(i)</i> <i>v-pāst</i>	<i>pāl</i> <i>o-pāl</i>	<i>pādoh</i> <i>o-pāde</i>	
	<i>prēdēm</i> <i>u-prēdēm</i>		<i>prēst(i)</i>	<i>prēl</i>		
	<i>pāsēm</i> <i>s-pāsēm</i> <i>s-pāsem ?</i>		<i>pāst</i> <i>s-pāst</i>	<i>s-pāsəl</i>		<i>pasèn</i> <i>s-pasenì</i>
	<i>strīžēm</i>		<i>strīć</i>	<i>o-strīgəl</i>		<i>o-strīženā</i>
	<i>sīčēm</i>		<i>sīci</i>	<i>sīkəl</i> <i>raz-sèkli</i>		<i>raz-sečèn</i>

3.10.4.2. 1-е спряжение: основы на -v

а.т.	1.ед.наст.	императив	инфинитив	l-причастие	аорист	страд.прич.
CCB	<i>plovēm</i>		<i>plūt(i)</i>	<i>plül</i>	<i>plovōh</i>	
	<i>slovēm</i>		<i>slūt(i)</i>	<i>slül</i>	<i>slovōh</i>	
CCB (долг.)	<i>plīvēm</i>		<i>plīt(i)</i>	<i>plīl</i>		<i>plivèn -ā -ō</i> <i>plīt plītā -ō</i>
C?B	<i>žīvēm</i>		<i>žīt(i)</i> <i>u-žīt</i>	<i>žil žīla žīlo</i>	<i>živōh</i>	<i>u-žitō</i>

3.10.4.1. 1-е спряжение: основы на -j

а.т.	1.ед.наст.	императив	инфинитив	l-причастие	аорист	страд.прич.	
ААВ	<i>bījem</i>	<i>bīj</i>	<i>bīt(i)</i>	<i>bīl</i>	<i>bīh</i>	<i>bīt bijèn</i>	
	<i>šījem</i>	<i>šīj</i>	<i>šīt(i)</i>	<i>šīl</i>	<i>šīh</i>	<i>šīt šivèn</i>	
	<i>po-čījem</i>						
	<i>brījem</i>				<i>brīh</i>	<i>brīt brivèn</i>	
	<i>mījem</i>			<i>mīt(i)</i>	<i>mīl</i>	<i>mīh</i>	<i>mīt mivèn</i>
	<i>krījem</i>					<i>krīt krivèn</i>	
	<i>grījem</i>			<i>grīt(i)</i> тж. <i>grījat(i)</i>	<i>grīl</i>	<i>grīh</i>	<i>grīt grivèn</i>
	<i>prījem</i>	<i>prīj</i>	<i>prīt(i)</i>	<i>prīl</i>	<i>prīh</i>		
	<i>po-spījem</i>						
	<i>smījem</i>						
	<i>zrījem</i>	<i>zrīj</i>	<i>zrīt(i)</i>	<i>zrīl</i>	<i>zrīh</i>		
	<i>šījem</i>						
	<i>vəpījem</i>						
	<i>ījem</i>						
	<i>tījem tīim</i>				<i>tīh</i>		
	<i>čūjem</i>	<i>čūj</i>	<i>čūt(i)</i>	<i>čūl</i>	<i>čūh</i>	<i>čūt</i>	
<i>iz-ūjem</i>	<i>iz-ūj</i>	<i>iz-ūt(i)</i>	<i>iz-ūl</i>	<i>iz-ūh</i>	<i>iz-ūt iz-uvèn</i>		

(продолжение)

CCB	<i>lijèm</i>	<i>līj</i>	<i>līt(i)</i>	<i>līl</i>	<i>līh</i>	<i>līt</i>
	<i>pijèm</i>	<i>pīj</i>	<i>pīt(i)</i>	<i>pīl</i> <i>iz-pili</i>	<i>pīh</i>	<i>pīt</i>
	<i>vijèm</i>		<i>vīt(i)</i>	<i>vīl</i>	<i>vīh</i>	<i>vijèn</i>
CCB (долг.)	<i>gñijèm</i>			<i>gñīl</i>		
	<i>klījèm se</i>				<i>klīh se</i>	
	<i>rījèm</i>	<i>rīj</i>	<i>rīt(i)</i>	<i>rīl</i>	<i>rīh</i>	<i>rīt</i>
	<i>tījèm</i>	<i>tīj</i>	<i>tīt(i)</i>	<i>tīl</i>	<i>tīh</i>	
	<i>sūjèm</i>	<i>sūj</i>	<i>sūti</i>	<i>sūl</i>		
	<i>trūjèm</i>	<i>trūj</i>	<i>trūti</i>	<i>trūl</i>	<i>trūh</i>	

3.10.4.2. 1-е спряжение: основы на плавные

а.т.	1.ед.наст.	императив	инфинитив	l-причастие	аорист	страд.прич.
BA?	<i>kòlem</i>		<i>za-klàt(i)</i>	<i>za-klàl</i>		
	<i>mèlem</i>	<i>meļi</i>	<i>młit(i)</i>	<i>młil</i>	<i>młih</i>	<i>młit mèlen</i>
?A?	<i>trèm tàrem</i> <i>za-trèm</i>		<i>za-tàrt</i>	<i>za-tàrl, -o</i>		<i>pò-tàrta</i> <i>zà-tàrt za-trèn</i>
	<i>vrèm</i> <i>vəz-vrèm</i>		<i>vrīt(i)</i>	<i>za-vàrli</i>	<i>vròh vrìh</i>	
CCI/B	<i>žrèm</i>			<i>pò-žərli</i>		<i>pò-žərt</i>
	<i>prèm</i> <i>u-prèm</i>		<i>prīt(i)</i>	<i>zà-pərl</i>		<i>òt-pərt</i>
	<i>drèm</i>	<i>drī</i>	<i>drīt(i)</i>	<i>dārl</i> <i>rāz-dərļa</i>	<i>dròh drìh</i>	<i>dārt drèn</i> <i>rāz-dərto</i>
	<i>strèm</i> <i>pro-strèm</i>					<i>prò-stərt</i>
	<i>cvrèm</i> <i>pre-cvrèm</i>					<i>ò-cvərt</i>
	<i>mrèm</i> <i>u-mrèm</i>			<i>u-mrīt</i>	<i>ù-mərl -a</i>	

3.10.4.3. 1-е спряжение: основы на носовые

а.т.	1.ед.наст.	императив	инфинитив	l-причастие	аорист	страд.прич.
?AB	<i>dmèm</i> <i>nà-dmem</i> <i>razə-dmèm</i>	<i>dmī</i>	<i>dūt(i)</i>	<i>dūl</i>	<i>dūh</i>	<i>dūt</i>
	<i>mānem mnèm</i>	<i>mañi mñi</i>	<i>mèt(i)</i>	<i>mèl</i>	<i>mèh</i>	<i>mèt</i>
	<i>žāņem žņèm</i> <i>za-žņèm</i>	<i>žñi</i>	<i>žèt(i)</i>	<i>žèl</i>	<i>žèh</i>	<i>žèt</i>

(продолжение)

BCB/I	<i>žmèm</i> <i>obà-žmem</i>	<i>žmì</i>	<i>žèt(i)</i>	<i>žèl</i>	<i>žèh</i>	<i>žèt</i>
	<i>jãmem</i> <i>zã-jmem</i> <i>prĩ-mem</i>	<i>jamì</i> <i>zã-jmì</i> <i>prĩ-mì</i>	<i>jèt(i)</i> <i>za-jèt(i)</i> <i>pri-jèt(i)</i>	<i>jèl</i> <i>zã-jel</i> <i>prĩ-jel</i>	<i>jèh</i> <i>za-jèh</i> <i>pri-jèh</i>	<i>jèt</i> <i>za-jèt</i> <i>iz-jeŕi</i> (MH.)
	<i>nã-čnem</i>			<i>pò-čel</i> <i>pò-čeli</i> <i>po-čèli</i>		<i>ù-čet</i>
CCB/I	<i>pnèm</i>	<i>pnì</i>	<i>pèt(i)</i>	<i>pèl</i>	<i>pèh</i>	<i>pèt</i>
	<i>kālñèm</i>	<i>kālñì</i>	<i>klèt(i)</i>	<i>klèl</i> <i>prò-klel</i>	<i>klèh</i>	<i>klèvši</i>

3.10.4.4. 2-е спряжение

a.т.	1.ед.наст.	императив	инфинитив	l-причастие	аорист	страд.прич.
BEB/I	<i>šãlèm šlèm</i> <i>pò-šlèm</i>	<i>po-šŕi</i>	<i>slàti</i> <i>po-slât</i>	<i>po-slâl</i>		<i>pò-slana</i> род.ед.
	CEB/I	<i>tkèm</i> <i>o-tkèm</i>	<i>tkì</i>	<i>tkàti</i>		
<i>(ə)rvèm</i> <i>rævèm</i>		<i>rvì</i> <i>rævì</i>	<i>rvàt(i)</i>	<i>r(ə)vâl</i> <i>po-rvâl</i>		<i>rvãn</i> <i>otə-rvãn</i>
<i>žvèm</i>		<i>žvì</i>	<i>žvât(i)</i>	<i>žvâl</i>		<i>žvãn</i>
<i>sasèm</i>			<i>sasât</i>			<i>sasãn</i>
<i>tkèm</i> <i>o-tkèm</i>		<i>tkì</i>	<i>tkàti</i>			<i>tkãn</i>
<i>ženèm</i>			<i>gnât(i)</i>	<i>gnâl</i> <i>pro-gnâl</i>	<i>gnãh</i>	<i>gnãn</i> <i>zã-gnan</i>
CCB/I	<i>zovèm</i>	<i>zovì</i>	<i>zvât</i> <i>na-zvât</i>	<i>zvãli</i> <i>nã-zval</i>	<i>zvãh</i> <i>sə-zvã</i>	<i>zvãn zvanì</i> <i>na-zvãn</i>
	<i>orèm</i>	<i>orì</i>	<i>orât(i)</i>		<i>orãh</i>	<i>orãn</i>
	<i>berèm</i> <i>za-berèm</i>	<i>berì</i>	<i>brât(i)</i>	<i>brâl</i> <i>ò-bral, -i</i>	<i>brãh</i>	<i>brãn</i> <i>ò-bran</i>
	<i>žerèm</i> <i>po-žerèm</i>					
	<i>perèm</i> <i>o-perèm</i>	<i>perì</i>			<i>prãh</i>	
	<i>derèm</i> <i>u-derèm</i>	<i>derì</i>		<i>zã-dral</i>		
CEB	<i>jemlèm</i> <i>za-jemlèm</i>		<i>jemât</i>			<i>jemãn</i>
	<i>steļèm</i> <i>na-steļèm</i>	<i>steŕi</i>				
	<i>glagoļèm</i>					
	<i>pļèm paļèm</i> <i>o-pļèm</i>					

3.10.4.5. 3-е спряжение

а.т.	1.ед.наст.	императив	инфинитив	l-причастие	аорист	страд.прич.
AAA	<i>ṭijem</i>					
	<i>vijem</i>	<i>vīj</i>	<i>vījat(i)</i>	<i>vījal</i>	<i>vījah</i>	
	<i>sijem</i>					<i>po-sējani</i>
	<i>hvijem</i>					
	<i>lājem</i>					
	<i>bājem</i>	<i>bāj</i>	<i>bājat(i)</i>	<i>bājal</i>	<i>bājah</i>	<i>bājan</i>
	<i>kājem se</i>					<i>o-kājan</i>
	<i>tājem</i>				<i>tājah</i>	
	<i>hājem</i>					
СЕ? (долг.)	<i>blējem</i>	<i>blēj</i>	<i>blējāt(i)</i>		<i>blejāh</i>	
	<i>dājem</i>	<i>dāvaj</i>	<i>dāvāt(i)</i>	<i>[dajāl] davāl</i>	<i>dajāh dāvāh</i>	<i>[dajān] dāvan</i>
	<i>mājem</i>		<i>majāti</i>			
	<i>trājem</i>					
	<i>čājem</i>					<i>ot-čajanì</i>
СЕВ	<i>smijem se</i>					<i>o-smejanì</i>
	<i>dijem</i>				<i>dijāh</i>	
	<i>lijem</i>	<i>līj</i>	<i>lijāt(i)</i>	<i>lijāl</i>	<i>lijāh</i>	<i>lijān</i>

3.10.4.6. Изолированные глаголы

1.ед.наст.	императив	инфинитив	l-причастие	аорист	страд.прич.
<i>stānem</i>	<i>stāni</i>	<i>stāt(i)</i>	<i>stāl stānul</i>	<i>stāh stānuh</i>	
<i>dēnem</i>	<i>deñi</i>	<i>dīt(i)</i>	<i>dīl</i>	<i>dīh</i>	<i>dēnen divèn</i>

jesàm:

инф.	<i>bīt(i)</i>		наст.	<i>jesàm</i>	<i>sam</i>	аор.	<i>bìh</i> <i>bi</i> <i>bi</i> <i>bist</i> <i>bismo</i> <i>bihmo</i> <i>biste</i> <i>bi</i> <i>bihu</i> <i>bi</i>	импрф.	<i>bjāhi</i> <i>bjāše</i> <i>bjāhomo</i> <i>bjāhote</i> <i>bjāhu</i>
прич.	<i>būduć</i>								
буд.									
п.прош.	<i>bīv bīvši</i>								
1-прич.	<i>bīl bīla bīlo</i> <i>bīli</i>								
страд. прич.									
буд.	<i>būdem</i> <i>būdeš</i> <i>būde</i> <i>būdemo</i> <i>būdete</i> <i>būdu</i> <i>būdeva</i>	<i>būm</i> <i>būš</i> <i>bū</i> <i>būmò</i> <i>būstè</i> ← ?	имп.	<i>būdi</i> <i>būdite</i>					

spīm (žmīm tnīm):

инф.	<i>spāt(i)</i>		наст.	<i>spīm</i>	аор.	<i>spāh po-spāh</i>	импрф.	<i>spāhi</i>
прич.	<i>spēć</i>							
наст.								
п.прош.	<i>spāvši</i>							
1-прич.	<i>spāl spāla spālo</i> <i>pò-spal</i>							
страд. прич.								
отгл. сущ.	<i>spānje</i>		имп.	<i>spī</i> <i>po-spī</i>				

Для глагола *dīm* Крижанич указывает всего несколько форм: *dīš*, *dī* (наст.ед) и *djahi djāl*.

dām:

инф.	<i>dāt(i)</i>		наст.	<i>dām</i>	<i>dādēm</i>	аор.	<i>dadòh dāh</i>	импрф.	—
прич.	<i>dajūć</i>								
наст.									
п.прош.	<i>dāvši</i>								
1-прич.	<i>dāl dāla dālo</i> <i>pròdal</i>								
страд. прич.	<i>dān dānà dānò</i> <i>dānì nādana</i>								
отгл. сущ.	<i>dānje</i>		имп.	<i>dādī dāj ?</i> <i>dājte ?</i>					

jīm:

инф.	<i>ĵisti</i>	наст.	<i>jīm</i>	<i>jīdēm</i>	аор.	<i>jidōh</i>	импрф.	<i>jidīhi</i> <i>jidāhi</i>
прич.			<i>ĵiš [jisi]</i>	<i>jīdēš</i>				
наст.			<i>ĵi[st]</i>	<i>jīdē</i>				
			<i>jīmō</i>	<i>jidemō</i>				
			<i>ĵistē</i>	<i>jidetē</i>				
п.прош.	<i>ĵidši</i>							
1-прич.	<i>ĵil ĵila ĵilo</i> <i>ĵidla ĵidlo</i>			<i>jidū</i>				
страд. прич.	<i>jidēn</i>							
отгл. сущ.	<i>jidēnje</i>	имп.	<i>ĵij</i> <i>ĵijte</i>	<i>jīdi</i> <i>jidite</i>				

3.11. Выводы

В области словоизменения говор Крижанича поддаётся лаконичному морфонологическому описанию, т.е. имеет довольно чёткую и простую акцентную парадигматическую систему. Сплошной просмотр текстов выявляет чёткое распределение словоформ по легко выделяемым морфологическим и акцентным типам. В нём представлено:

- четыре типа склонения существительных (с твёрдой и мягкой разновидностями, а также морфологическими подтипами, связанными с наличием беглых гласных в основе),
- членное и нечленное склонение прилагательных (с твёрдой и мягкой разновидностями и с рядом морфологических подтипов),
- десять типов глагольного спряжения (с различными подтипами и морфологическими нерегулярностями).

По всему склонению и спряжению прослеживается чёткая разбивка на акцентные типы. Базовые акцентные типы чаще всего напрямую восходят к праславянскому состоянию. Так, и именную, и глагольную системы характеризует набор трёх акцентных парадигм (а.п. *a*: накоренное ударение, а.п. *b*: колонное наконечное ударение, сдвинутое в ряде случаев по закону Крижанича, а.п. *c*: подвижно-маргинальное ударение).

Восстанавливая систему словоизменения, мы попытались классифицировать словоформы таким образом, чтобы наше описание было максимально удобно при работе над словарём языка Ю. Крижанича. Такая работа может быть выполнена только при наличии полного конкорданса, основанного на индексированной базе данных его материала (см. приложение). Однако одного конкорданса недостаточно, необходимо также иметь детально разработанную грамматическую классификацию форм, что мы и стремились сделать в этой работе.

Проанализировав правила именного и глагольного словоизменения, а также порождение производных в именном словообразовании, мы убедились в том, что распределение, представленное в говоре Крижанича, мало чем отличается от праславянской реконструкции В.А. Дыбо. Основные отличия состоят в устранении акцентного типа G в именах и C в гла-

гольных *l*-причастиях и страдательных причастиях, а также последовательного действия закона Крижанича.

Исследование словообразования показывает, что праславянские принципы порождения производных по-прежнему в большой степени сохраняют свою продуктивность. Представлены морфемы трёх типов: доминантные («притягивающие» к себе ударение), рецессивные («безударные») и категориальные (определяющие акцентный облик производного независимо от природы остальных морфем в слове). По-видимому, типологически универсальной тенденцией в развитии подобных систем [Дыбо 2000: 8] является постепенная «категориализация», т.е. переход всё большего и большего числа морфем в категориальный тип. В итоге происходит постепенное разрушение парадигматического характера системы. Говор Крижанича показывает значительную архаичность в том, что эта категориализация в нём зашла не очень далеко (чисто категориальных суффиксов всего несколько). Большая регулярность и строгость правил порождения производных делает говор Крижанича ценным источником для реконструкции праславянской морфонологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осуществлённый нами сплошной просмотр материала, представленного в текстах Ю. Крижанича, позволил построить реконструкцию его говора в области фонетики и морфологии. Из этой реконструкции явствует, в частности, следующее.

1. Тексты Крижанича отражают его родной говор, а при снятии ряда искажений, к которым он прибегал, можно получить довольно точную синхронную картину, как в области фонологии, так и в том, что касается его акцентной системы (которая нас прежде всего интересует в данном исследовании). Так, мы с большой точностью установили фонемный состав говора Крижанича: 23 согласных и 6 пар долгих и кратких гласных (при не вполне ясном статусе звука [ǎ], видимо, заимствованного, а также с некоторыми сомнениями относительно гласных [ǝ] и [ǣ]). Эти результаты, в общих чертах, совпадают с выводами предшественников [Пецо 1971, Могуш 1981], но учитывают большее количество материала, вводя в оборот ранее неучтённые примеры. Анализ искажения фонетики в угоду стандартизации языка позволяет, помимо всего прочего, довольно точно восстановить фонетический облик словообразовательных флексий, часто передаваемых Крижаничем по иноязычному образцу. Это касается также и их акцентных характеристик, что особенно важно для реконструкции словоизменительных парадигм.

В отличие от морфологии, акцентная система представлена у Крижанича в весьма чистом виде (т.е. без иноязычных примесей). Так, анализируя его слоговые интонации, мы пришли к важному заключению, что в его говоре имелось три фонологических акцента (два кратких и один долгий), что в большой степени противоречит прежним взглядам на его просодическую систему. Восстанавливая краткостное восходящее ударение в говоре Крижанича, мы отмечаем положение о том, что в словенско-сербохорватском языке-основе все краткие интонации слились. Впрочем, по нашему материалу видно, что и в говоре Крижанича уже начались различные процессы синтагматической нейтрализации акцентов, что было, в частности, вызвано частичной оттяжкой иктуса (раздвоением акцентной вершины) с конечного слога перед паузой. Эта оттяжка привела к возникновению ещё одного фонетического тона (долгого восходящего), фонологически соответствующего предударной долготе. Тем не менее, мы сумели выявить ряд позиций, в которых видно, что ударение, определённое нами как краткостное восходящее (и возводимое к праславянскому новому акуту краткостей), является отдельной фонологической единицей (что подтверждает наблюдения В.А. Дыбо).

В плане общетеоретических соображений можно заметить, что при включении в реконструкцию общесербохорватской системы двух тонологически различных краткостных акцентов качественно меняется взгляд на типологическую принадлежность этой системы. Из чисто «мораической» системы, в которой мора является минимальным носителем дихотомически определяемого (ударность : безударность) супraseгментного признака (и таким образом, двух «разных» ударных мор не бывает), она превращается в «музыкальную», где каждой «море» может принадлежать собственный акцентный контур. Система первого типа прису-

ща, например, литовскому языку, где контур различается только на долгих, «двухморных» слогах, а ко второму типу относятся, например, новоштокавские диалекты (и литературный сербохорватский язык), где имеются нисходящий и восходящий краткие акценты (недавнего происхождения). Таким образом, восприятие новоштокавской акцентной системы как типологически принципиально отличной от систем «со старой акцентуацией» (как, например, старочакавская система Крижанича, а также, возможно, староштокавская) судя по всему, некорректно.

2. В говоре Крижанича последовательно действовал закон Крижанича, проявлявшийся в оттяжке долготного ударения на предыдущий долготный слог. Трактую этот процесс именно как оттяжку (а не как запрет на сдвиг вправо), мы отрицаем теорию «праславянского дрейфа». Нам удалось выявить целый ряд ранее неучтённых позиций действия этого закона. Результаты его действия налицо и там, где происходят различные вторичные удлинения (например, перед стяжением с йотом), что ещё раз подтверждает нашу позднюю датировку этого процесса. Итак, действие закона Крижанича наблюдается в следующих морфологических категориях:

- имена мужского рода а.т. В,
- членные формы прилагательных,
- глаголы на *-i-* а.т. В,
- страдательные причастия на *-ān*,
- производные существительные на *-stvo* (и, возможно, на *-nĭk*)

Подробный анализ форм, где прошёл закон Крижанича, заставляет нас во всех случаях видеть в его действии оттяжку долготного ударения на предыдущий долготный слог. Таким образом, мы возвращаемся к «старой» концепции позднепраславянского ударения, согласно которой уже в ту эпоху в а.п. *b* было колонное ударение, сдвинутое на слог вправо с корня. Новая и притягательная своей простотой концепция, изложенная в [ОСАС] на поверку оказывается уязвимой в целом ряде моментов. Усматривание в законе Крижанича (чья обоснованность, как мы считаем, значительно упрочена нашим исследованием) запрета на сдвиг вправо на одной из стадий многоступенчатого «правостороннего дрейфа ударения» [ОСАС: 18], судя по всему, никак не может объяснить результатов его действия в конечнударных образованиях после падения еров, т.к. при таком подходе неизбежна реконструкция обратного «дрейфа», что, естественно, противоречит самой идее однонаправленности «правостороннего дрейфа». Кроме того, мы показали, что закон Крижанича тесно связан с падением сверхкратких, и даже более того, что он прошёл во время или после него. Это явствует из того, что в ряде случаев условия для его действия (два долгих слога подряд) возникли уже после падения сверхкратких, т.е. после устранения слога со сверхкратким между двумя долготными слогами. Исходя из сказанного, можно с большой долей уверенности предположить, что закон Крижанича действовал не раньше XI – XII вв., и, тем самым, отказаться от его отнесения к праславянской эпохе, а, значит, и поставить под сомнение правомерность отождествления сходных результатов его действия в различных диалектах с их ге-

нетической общностью. Изучив действие «закона Крижанича» (или подобных ему явлений) в других славянских диалектах и языках, мы, несомненно, глубже поймём его природу и, соотнеся друг с другом разнодиалектные данные, сможем более достоверно определить его хронологическую принадлежность и место в истории славянской акцентной системы. Важно, впрочем, заметить, что наши выводы в полной мере не исключают возможности, что закон Крижанича был проявлением каких-то общих тенденций развития, так или иначе наметившихся в позднепраславянском диалектном континууме, но потом различно (или схожим образом) проявившихся в разных языковых областях после распада праславянского языка. Для уточнения общего положения вещей необходимы дальнейшие исследования и привлечение целого массива данных из родственных языков.

3. Одной из первых задач, стоящих перед исследователем, желающим описать какую-либо парадигматическую акцентную систему [Дыбо 2000: 10], является обнаружение и экономная классификация акцентных парадигм – сущностей, скрывающихся от невооружённого наукой взгляда носителя или раннего грамматика. Это бывает тем более непросто, что состояние акцентной системы, во время которого она является истинно парадигматической, видимо, весьма неустойчиво, кратковременно и подвержено быстрой (и, конечно, необратимой) категориализации. Акцентная система Крижанича – не исключение. Сам Юрий Крижанич, разумеется, и не подозревал, что, например, его именная акцентуация в большой степени сохраняет праславянское распределение по акцентным парадигмам (а мы сейчас это можем лишь реконструировать, основываясь на знании, которое Крижаничу было недоступно). Вероятно, это можно объяснить и тем, что акцентные характеристики его языка были усложнены рядом фонетических процессов, расщепившей некогда монолитные акцентные типы на подтипы (например, закон Крижанича). Надо считаться и с тем, что невозможно было тогда объять весь языковой материал, применив к нему исследовательские критерии, освоенные только в недавнее время. Впрочем, собственно ударению он посвятил всего несколько страниц в своих трудах, хотя и обещал больше: *«Толико ондѣ буди дѳста о Завлацѣх речено. А ѓндѣ остаѣт нам сказат : како се влѳци премѣняјут : јли гдѣ једѣн прехѳдит въ дрѳгого»* [ОВ: 59]. Однако приведя много примеров и, в ряде случаев, полные словоизменительные парадигмы, Крижанич предоставил нам большое количество акцентологического материала.

Как в имени, так и в глаголе хорошо сохраняется праславянский набор акцентных парадигм. Деление корпуса имён на три парадигмы может быть применено для синхронного описания говора Крижанича, т.к. в словоизменении не произошло существенных перестроек, которые бы качественно видоизменили праславянское распределение, в отличие, например, от современного русского языка, для описания которого приходится вводить значительно больше независимых акцентных типов, как это сделано в работе [Зализняк 1977], являющейся лучшим примером исчерпывающего синхронного описания акцентной системы современного языка. В нашем же случае можно удовольствоваться относительно простой классификацией слов по акцентному поведению, лишь незначительно усложнив «идеальную» праславянскую схему. Наша классификация имён в известном смысле является продолжением ра-

боты [Вогуś 1986], в которой описано распределение существительных говора Крижанича по типу морфологического и акцентного поведения. Мы, однако, рассмотрели также имя прилагательное, местоимение, числительное и глагол, дав, тем самым, существенно более полное синхронное описание изучаемого говора. При этом понятно, что наше описание не обошлось без лакун, обусловленных объективным недостатком данных, неизбежном при исследовании старого письменного языка.

Акцентная система Крижанича довольно проста. Она не идёт ни в какое сравнение с такими системами, как современная русская или литературная сербохорватская. Наша задача облегчается ещё наличием фонетических ограничений (сокращение перед долготными ударениями, сокращение заударных долгот), что уменьшает общее количество возможных акцентных кривых (которые, по нашему определению, суть совокупность места ударения, качества и количества ударения и количества предупредительного слога). Из подобной относительно простой акцентной системы, по-видимому, довольно легко выводимы современные чакавские (и, возможно, кайкавские) системы. В известной степени это относится и к штокавским говорам, претерпевшим в своих акцентных системах эволюцию от состояния, типологически схожего с описанным (старо)чакавско-кайкавским говором Ю. Крижанича.

Картина, наблюдаемая в области именного словообразования, не менее интересна. Данные говора Крижанича уже неоднократно привлекались для реконструкции праславянского ударения [Дыбо 1968, 1981, 2000 и др]. В своей работе мы провели сплошной просмотр данных, проанализировав более углублённо, чем когда-либо прежде, действовавшие в говоре Крижанича правила порождения производных. При этом мы стремились к синхронному описанию системы, не пытаясь «выводить» её из существующих представлений о праславянском. Однако большая простота вырисовавшейся системы сама по себе говорит в пользу верности восстанавливаемого праславянского состояния. Так, для говора Крижанича по-прежнему, как и для праславянского, актуальны «валентности» морфем, что (при учёте «сбоев», нарушающих правила «идеального» порождения), по-видимому, в большой мере прямо продолжает праславянское состояние. Именно в процессе анализа порождения производных мы сумели выявить ряд важных фонетических закономерностей, действовавших в предке рассматриваемого говора, во многом определивших его дальнейшее развитие. Мы имеем в виду, прежде всего, закон Крижанича, который, как выясняется, проведён по большинству морфологических категорий, хотя ранее его действие усматривалось только в ограниченном наборе форм, ср. например, [ОСАС].

Таким образом, имея в своём распоряжении достаточно исчерпывающее описание говора Крижанича, мы, с одной стороны, получаем более полное представление о конкретной синхронной языковой ситуации в отдельно взятой области в определённую эпоху, а с другой стороны, можем систематически соотнести эти данные с близкородственными чакавскими и кайкавскими диалектами сербохорватского языка. Не менее важно также и то, что обнаруженные и описанные нами фонетические и грамматические явления изучаемого говора, реконструируемые по письменным памятникам, позволяют в полной мере избавиться от лож-

ного представления об их искусственном, произвольном характере. Тексты Крижанича не только отражают его живой говор в большей степени, чем это думали многие ранние исследователи, но и очень хорошо вписываются в общую славянскую языковую картину. Архаичность этого говора чётко проявляется при подробном анализе всех фрагментов его фонетики и морфологии. В дальнейшем подобный анализ необходимо провести и для других славянских диалектов (как засвидетельствованных памятниками, так и современных). Это позволит добиться ещё большей точности в реконструкции праславянского языка.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акимова 2008 – Акимова, О. Славянские древности в трудах Юрия Крижанича // *Slovo: Journal of Old Church Slavonic Institute*. Sv. 56-57 (2006, no. 7), Zagreb, 2008. – с. 39-56.
2. Белокуров 1902 – Белокуров, С.А. Юрий Крижанич в России: По новым документам. Вып. 2. Москва. 1902.
3. Белић 1914 – Белић, Александар. Акценатске студије. I. Београд, 1914.
4. Булатова 1975 – Булатова Р.В. Старосербская глагольная акцентуация. М.: Наука, 1975. – 282 с.
5. Булатова 1982 – Булатова, Р.В. Акцентологические связи кайкавского диалекта с другими диалектами сербохорватского языка: Судьба приставочных *postverbal* // *Hrvatski dijalektološki zbornik*. Knj. 6 (1982). – с. 85-100.
6. Булаховский 1950 – Булаховский, Л.А. Акцентологический комментарий к польскому языку. Киев, 1950.
7. Булаховский 1953 – Булаховский, Л.А. Акцентологический комментарий к чешскому языку. Вып 1. Киев, 1953. Вып 2—3. Киев, 1956.
8. Дыбо 1958 – Дыбо, В.А. О древнейшей метатонии в славянском языке // *Вопросы языкознания*. 1958, № 6. – с. 55-62.
9. Дыбо 1963 – Дыбо, В.А. О реконструкции ударения в праславянском глаголе // *Вопросы славянского языкознания*. 1963, № 6. – с. 3-27.
10. Дыбо 1968 – Дыбо, В.А. Акцентология и словообразование в славянском // В.В. Виноградов (ред.). *Славянское языкознание. VI международный съезд славистов* (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. Москва: Наука, 1968. – с. 148-224.
11. Дыбо 1981 – Дыбо, В.А. Славянская акцентология. Москва: Наука, 1981.
12. Дыбо 1982a – Дыбо, В.А. О некоторых акцентологических изоглоссах словенско-кайкавской языковой области. // *Hrvatski dijalektološki zbornik*. Zagreb, 1982.
13. Дыбо 1982b – Дыбо, В.А. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции) // *Балто-славянские исследования*. 1981: Москва, Наука, 1982.
14. Дыбо 1997 – Дыбо, В.А. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // *Studia Linguarum*. Москва: РГГУ, 1997.
15. Дыбо 2000 – Дыбо, В.А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Москва: Языки русской культуры, 2000. – 736 с.
16. Зализняк 1985 – Зализняк, А.А. От праславянской акцентуации к русской. Москва: Нака, 1985. – 428 с.

17. Зализняк 1977a – Зализняк, А.А. Грамматический словарь русского языка. М. 1977. – 880 с.
18. Зализняк 1977б – Зализняк, А.А. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. Вып. 8. М.: МГУ, 1977. – с. 71—119.
19. Зализняк 1978 – Зализняк, А.А. Противопоставление букв **о** и **ѡ** в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // Советское славяноведение, 1978, № 5. – с. 41—68.
20. Зализняк 1979 – Зализняк, А.А. Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // Славянское и балканское языкознание. История литературных знаков и письменность. М.: Наука, 1979. – с. 47—128.
21. Зализняк 2002 —Зализняк, А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: «Языки славянской культуры», 2002.
22. Зализняк 2002/1967 —Зализняк, А.А. Русское именное словоизменение. 2-е изд. // Зализняк 2002, с. 1 — 370. (1-е изд. М.: «Наука», 1967).
23. Зализняк 2002/1973 —Зализняк, А.А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. 2-е изд // Зализняк 2002, с. 613 — 647. (1-е изд. в сб. А.А. Зализняк (ред.). Проблемы грамматического моделирования. М.: «Наука», 1973).
24. Запольская 2003 – Запольская, Н. Н. «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М.: Индрик, 2003.
25. Иванов 1989 — Вяч. Вс. Иванов. Заметки по индоевропейской акцентологии // Историческая акцентология. М., 1989. – с. 110—115.
26. Ивић 1994 – Ивић, Павле. Српскохрватски дијалекти: њихова структура и развој. Београд, 1994.
27. Ивић 2001 – Ивић, Павле. Српскохрватски дијалекти: увод и штокавско наречје. Београд, 2001.
28. Иллич-Свитыч 1963 – Иллич-Свитыч, В.М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.
29. Ключко 2006 – Ключко, Алексей Данилович. Оптимизация индивидуальных лингвистических исследований средствами специализированной базы данных : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.21 / Ключко Алексей Данилович; [Место защиты: Твер. гос. ун-т]. Тверь, 2006. – 21 с.
30. Колесов 1972 – Колесов В.В. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972.
31. Крижанич 1859 – Крижанич, Ю. Граматично изказанје об руском језику, по па Јурка Крижаница / Изд. О. М. Бодянский. Москва, 1859. (Abdruck der Erstausgabe besorgt von G.Freidhof. Frankfurt am Main, 1976).

32. Крижанич 1881 – Крижанич, Ю. Толкование исторических пророчеств. Крижанич Ю. Собрание сочинений. Вып. 1. Москва, 1881.
33. Крижанич 1882 – Крижанич, Ю. Обличенје на Соловецкую челобитну. Крижанич Ю. Собрание сочинений. Вып. 3. Москва, 1882.
34. Крижанич 1891 – Крижанич, Ю. Објасњенје виводно о писме Словенском // Крижанич Ю. Собрание сочинений. Вып. 1. Москва, 1891.
35. Крижанич 1965 – Крижанич, Ю. Политика / Подгот. к печати В.В.Зеленина, пер. и коммент. А. Л. Гольдберга. Москва: Наука, 1965.
36. Николаев 1989 – Николаев, С.Н. Балто-славянская акцентуация и ее индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. Москва: Наука, 1989.
37. Николаева 2008 – Николаева, Ирина Викторовна. Автоматизация анализа массивов текстовых документов в информационно-коммуникационных средах : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.21 / Николаева Ирина Викторовна; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. Москва, 2008. – 21 с.
38. ОСАС 1993 – Дыбо, В.А., Замятина, Г.И., Николаев, С.Л. Основы славянской акцентологии. Словарь. Москва: Наука, 1993. – 333 с.
39. Ослон 2008а – Ослон, М.В. Закон Крижанича в языке Ю.Крижанича // Славяноведение VI. Москва, 2008. – с. 76-96.
40. Ослон 2008б – Ослон, М.В. Фонетика и просодия диалекта Юрия Крижанича. Тула: изд. «Папирус», 2008. – 64 с.
41. Ослон 2008в – Ослон, М.В. Закон Крижанича: доводы против теории «правостороннего дрейфа» // Beiträge zum Fourth International Workshop on Balto-Slavic Accentology (IWoBA IV), Scheibbs, 2.-4. Juli 2008. Hrsg. von Elena Stadnik-Holzer, [u.a.]: Peter Lang, Frankfurt a. M. – в печати.
42. Плунгян 2000 – Плунгян, В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. (2-е изд., 2003.)
43. Поливанов 1915 – Поливанов, Е.Д. Музыкальное ударение в говоре Токио // Известия императорской Академии наук. СПб., 1915. Т. 9, № 5.
44. Пушкарёв 1984 – Пушкарёв, Л. Н. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. Москва: «Наука», 1984. – 214 с.
45. Склярченко 1953 – Склярченко, В.Г. Нариси з історичної акцентології української мови. Київ, 1953.
46. Фасмер —Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т.: Пер. с нем. — 2-е изд., стереотип. — М.: Прогресс, 1986. — Т. 1. — 573 с. (С доп.); Т. 2. — 671 с. (С доп.); М.: Прогресс, 1987. — Т. 3. — 831 с.; Т. 4. — 863 с.
47. Цонев 1891 – Цонев, Б. За ударението в български език, сравнено с ударението в другите югоизточни славянски езици (руски, сръбско-хърватски и словенски). // Сборник за народни умотворения, кн. VI. София, 1891.

48. Шахматов 1894-1895 – Шахматов А.А. Крижанич о сербско-хорватском ударении // Русский Филологический Вестник. Варшава, 1894—1895, т. 32, с. 250—268, т. 33, с. 298—327, т. 34, с. 87—124.
49. Шахматов 1898 – Шахматов А.А. К истории ударений в славянских языках // Известия отделения русского языка и словесности. 1898, т. 3, ч. 1, с. 1—34.
50. Шкеровић 1936 – Шкеровић, Никола П. Ђуро Крижанић. Његов живот, рад и идеје. Београд, 1936.
51. ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Ред. О. Н. Трубачев. Т. 1—. М., 1974—.
52. Ярославцева 2005 – Ярославцева, Елена Игоревна. Компьютерная база данных "Языки мира" и ее возможные применения : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.21. Москва, 2005. – 305 с. ил. Прил. (282 с.)
53. Badalić 1958 – Badalić, Josip. Juraj Križanić – pjesnik Ilirije // Radovi Slavenskog instituta 2. Zagreb, 1958. – с. 9-23.
54. Barac-Grum 1997 - Barac-Grum, Vida. Čakavci između Senja i Karlovca u kontaktnim situacijama / Vida Barac-Grum. // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 10 (1997) / uredio Božidar Finka. – с. 135-142.
55. Bercoff, Dell'Agata, et al 1996 – Bercoff, Dell'Agata, Toscano, De Michelis, Nikolaev, Slaski. Le lingue di Krizanic, Plurilinguismo letterario in Ucraina, Polonia e Russia tra XVI e XVIII secolo, vol. Unico. Roma, Accademia polacca delle Scienze, 1996. – с. 32-43.
56. Bethin 1994 – Bethin, Christina Y. On the phonology of the neo-štokavian accent retraction in Serbian and Croatian. // Die Welt der Slaven 1994, 39/2. – . 277-296.
57. Bethin 1998 – Bethin, Christina Y. Slavic prosody. Cambridge, 1998.
58. Blažeka 2007 – Blažeka, Đuro. Odnos međimurskog dijalekta i susjednih slovenskih dijalekata / Đuro Blažeka. // Radovi Zavoda za znanstveni rad Varaždin = Papers of the Institute for Scientific Research Work in Varaždin. Knj. 18 (2007) / glavni i odgovorni urednik Miroslav Šicel. – с. 151-166.
59. Boyer, Meillet 1894 – Boyer P., Meillet, P. Sur l'une des origines du mouvement de l'accent dans la déclinaison slave // MSL. 1894. T. 8. – с. 161-166.
60. Boryś 1983 – Boryś, Wiesław. Juraj Križanić i język chorwacki // Pamiętnik Słowiański XXXIII, 1983.
61. Boryś 1985 – Boryś, Wiesław. Inovacijske tendencije tvorbe riječi u štokavskom narječju / Wiesław Boryś. // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 7 (1985) / urednik Milan Moguš. Sv. 1 (1985). – с. 51-58.
62. Boryś 1986 – Boryś, Wiesław. Studia nad dialektem czakawskim Juraja Križanicia. Akcentuacja rzeczowników. Ossolineum, 1986 (Prace Slawistyczne nr 58).

63. Brabec 1966 – Brabec, Ivan. Govor podunavskih Hrvata u Austriji / Ivan Brabec. // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 2 (1966) / urednik Mate Hraste. – str. 29-118.
64. Brabec 1982 – Brabec, I. Kajkavci u dijaspori. // Hrvatski dijalektološki zbornik, 1982, № 6. – c. 77-84.
65. Carlton 1991 – Carlton, Terrence. An Introduction to the Historical Phonology of the Slavic Languages. Columbus: Slavica, 1991.
66. Daničić 1871 – Daničić, Đuro. Gramatika Gjurgja Križanića : [književna obznana] / Đ. Daničić. // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knj. 16 (1871). – c. 159-198.
67. Dell'Agata 1992 – Dell'Agata, Giuseppe. Ideologia politica e comparazione linguistica nella classificazione delle lingue slave di Juraj Križanić. // Ricerche slavistiche, 39-40 (1992-1993), n. 1. – c. 365-384.
68. Dell'Agata 1995 – Dell'Agata, Giuseppe. Le idee di Juraj Križanić sulle lingue slave. In: Scritti linguistici e filologici in onore di Tristano Bolelli. Ospedaletto (Pisa): Pacini, 1995. – c. 207-224.
69. Dell'Agata 1999 – Dell'Agata, Giuseppe. Le lingue di Križanić. In: Plurilinguismo letterario in Ucraina, Polonia e Russia tra XVI e XVIII secolo. A cura di Marina Ciccarini e Krzysztof Żaboklicki. Varsavia-Roma: Accademia Polacca delle Scienze, 1999. – c. 32-43.
70. Dell'Agata 2005 – Dell'Agata, Giuseppe. Recensione a Zapol'skaja // Obscij slavjanskij literaturnyj jazyk, Studi slavistici, num. 2, vol. II, 2005. – c. 310-311.
71. Dell'Agata, Garzonio, et al 1998 – Dell'Agata, Garzonio, Giraud, Marinelli, Wildova, Bercoff, etc., Punti di vista sullo slavo ecclesiastico e sulla sua periodizzazione // J.Krizanic e A.Ch.Vostokov, Le letterature dei paesi slavi: storia e problemi di periodizzazione, vol. unico, Bologna, 1998. – c. 9-16.
72. Dybo, Starostin, Nikolaev 1978 – Dybo, V., Starostin, S., Nikolaev, S. A tonological hypothesis on the origin of paradigmatic accent systems // Estonian papers in phonetics. Tallinn: Academi of Sciences, 1978. – c. 16-20.
73. Ebeling 1967 – Ebeling, C.L. Historical laws of Slavic accentuation // To Honor Roman Jakobson I, The Hague, 1967. – c. 577–593.
74. Eekman 1976 – Eekman, Thomas. Vatroslav Jagić on Križanić // Juraj Križanić (1618-1683) Russophile and Ecumenic Visionary. A Simposium. Ed. Thomas Eekman and Ante Kadić. Mouton, 1976. – c. 303-326.
75. Feletar, Ledić 1997 – Feletar, G. Ledić, A. Šir: Kajkaviana Croatica (Hrvatska kajkavska riječ). Muzej Međimurja, Čakovec, 1997. – 37 c.
76. Finka 1977 – Finka, Božidar. Dugootočki čakavski govori / Božidar Finka. // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 4 (1977) / urednik Božidar Finka. – c. 7-178.
77. Finka 1982 – Finka, Božidar. Akcenatski odnosi na "kajkavsko-čakavskom" području istočno od Karlovca / Božidar Finka. Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 6 (1982). – c. 161-167.

78. Finka (ed.) 1984 – Finka, B. (ed.) Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika. Zagreb. 1984—
79. Garde 1976 – Garde, P. Histoire de l'accentuation slave, Tome I-II, Paris, 1976.
80. Golub 1983 – Golub, I. Juraj Križanić. Sabrana građa. O 300-obljetnici smrti (1683-1983). Zagreb: Kršćanska sadašnjost, 1983.
81. Greenberg 1987 – Greenberg, Robert. From Common Slavic to Slovenian. // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. 35-36, 1987:185-198.
82. Hadrovics 1974 – Hadrovics, L. Schrifttum und Sprache der burgenländischen Kroaten im 18. und 19. Jahrhundert. Wien-Budapest, 1974.
83. Hamm 1957 – Hamm, Josip. Iz problematike čakavskih govora I. : čakavizam i njegova geneza / Josip Hamm. // Radovi Instituta Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti u Zadru = Acta Instituti Academiae jugoslavicae scientiarum et artium in Zadar. Sv. 3(1957) / uredili Grga Novak i Vjekoslav Maštrović. – c. 21-38.
84. Hamm 1960 – Hamm, Josip. Iz problematike čakavskih govora II. : čakavci i Romani / Josip Hamm. // Radovi Instituta Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti u Zadru = Acta Instituti Academiae jugoslavicae scientiarum et artium in Zadar. Sv. 6-7(1960) / uredili Grga Novak i Vjekoslav Maštrović. – c. 65-80.
85. Hamm 1974 – Hamm, Josip. Prosodijski sistem Križanićeva govora // Život i djelo Jurja Križanića, 1974. – c. 212-238.
86. Hamm 1983 – Hamm, Josip. Juraj Križanić. Objasnjenje vivodno o pismě slověnskom. Zagreb, 1983
87. Hamm et al 1956 – Hamm, Josip. Govor otoka Suska / J. Hamm, M. Hraste, P. Guberina. // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 1 (1956) / urednik Mate Hraste. – str. 7-213.
88. Heaney 1975 – Heaney, Michael. The sources of early Križanica //Oxford Slavonic Papers VII 1975, c. 101
89. Houtzagers 1996 – Houtzagers, P. The development of the Hidegség and Fertőhomok vowel system // Studies in South Slavic and Balkan Linguistics (= Studies in Slavic and General Linguistics 23), 1996: 111-142.
90. Houtzagers 1999 – Houtzagers, P. The Kajkavian dialect of Hidegség and Fertőhomok (=Studies in Slavic and General Linguistics 27), 1999.
91. Hraste 1956 – Hraste, Mate. Bibliografija radova iz dijalektologije, antroponimije, toponimije i hidronimije na području hrvatskoga ili srpskoga jezika / Mate Hraste. // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 1 (1956) / urednik Mate Hraste. – c. 378-479.
92. Hraste 1963 – Hraste, Mate. Prinosi poznavanju hrvatskosrpskoga jezika J. Križanića // Radovi zavoda za slavensku filologiju 5, Zagreb, 1963.
93. Hraste 1966 – Hraste, Mate. Govori jugozapadne Istre : predavanje održano u Jugoslavenskoj akademiji znanosti i umjetnosti 6. V 1964. / Mate Hraste. // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 2 (1966) / urednik Mate Hraste. – c. 5-27.

94. Hraste 1967 – Hraste, Mate. Ikavski govori sjeverozapadne Istre / Mate Hraste. // *Filologija*. [Knj.] 5(1967) / [za Hrvatsko filološko društvo uređuju: Mirko Deanović, Mate Hraste, Josip Torbarina]. – c. 61-74.
95. Ivić 1958 – Ivić, Pavle. Die serbokroatischen Dialekte: Ihre Struktur und Entwicklung. Gravenhage, 1958.
96. Ivić 1961 – Ivić, P. Prilog rekonstrukciji predmigracione slike srpskohrvatske jezičke oblasti // *Zbornik za filologiju i lingvistiku* 4-5, 1961-62. – c. 117-130.
97. Ivić 1981 (ed.) – Ivić, P. et al. (ed.). Fonološki opisi srpskohrvatskih-hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora, obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.
98. Ivić 1986 – Ivić, Pavle. Funkcionalna nosivost prozodijskih sistema u kajkavskim govorima / Pavle Ivić. // *Filologija*. Knj. 14(1986) : časopis Razreda za filologiju Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti u Zagrebu / glavni i odgovorni urednik Božidar Finka. – str. 129-144.
99. Ivić 1990 – Ivić, P. Prilog poznavanju govora kajkavskih naseljenika u okolini Šoprona // *Studia Slavica Hungarica* 36/1-4, 1990. – str. 193-206.
100. Ivšić 1971 – Ivšić, S. Hrvatska dijaspora u 16. stoljeću i jezik Hrvata Gradišćanaca // *Izabrana djela iz slavenske akcentuacije*. München, 1971. – P. 723-798.
101. Jagić 1892 – Jagić, Vatroslav. Ocjena životopisa Križanićeva koji pisa P. Bezsonov // *Rad...* XVIII, 1892
102. Jagić 1917 – Život i rad Jurja Križanića : o tristogodišnjici njegova rođenja / napisao Vatroslav Jagić. – Zagreb, 1917. – (Djela Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti = Opera Academiae scientiarum et artium Slavorum meridionalium ; knj. 28).
103. Jakić-Cestarić 1960 – Jakić-Cestarić, Vesna. Iz akcentuacije čakavskih kopnenih govora / Vesna Jakić-Cestarić. // *Radovi Instituta Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti u Zadru = Acta Instituti Academiae jugoslavicae scientiarum et artium in Zadar*. Sv. 6-7(1960) / uredili Grga Novak i Vjekoslav Maštrović. – c. 257-272.
104. Junković 1982 – Junković, Zvonimir. Dioba kajkavskih govora : porodice, tipovi i savezi / Zvonimir Junković. // *Hrvatski dijalektološki zbornik*. Knj. 6 (1982) / urednik Božidar Finka. – c. 191-216.
105. Junković 1985 – Junković, Zvonimir. Dioba posavskih govora / Zvonimir Junković. // *Hrvatski dijalektološki zbornik*. Knj. 7 (1985) / urednik Milan Moguš. Sv. 1 (1985). – c. 127-131.
106. Jurišić 1966 – Jurišić, Blaž. Rječnik govora otoka Vrgade 1. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1966.
107. Jurišić 1973 – Jurišić, Blaž. Rječnik govora otoka Vrgade 2. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1973.
108. Kalsbeek 1998 – Kalsbeek, Janneke. The Čakavian Dialect of Orbanići near Žminj in Istria. Amsterdam ; Atlanta, GA: Rodopi, 1998.

109. Kapović 2007 – Kapović, M. The *voļā-type Accent in Slavic // *Tones and Theories: Proceedings of the International Workshop on Balto-Slavic Accentology*. Zagreb, 2007.
110. Kolarič 1973 – Kolarič, R. Govor dveh slovenskih vasi na madžarskem ob nežiderskem jezeru // *Južnoslovenski filolog* 30, 1973. – c. 369-381.
111. Kolarič 1973 – Kolarič, R. Govor dveh slovenskih vasi na madžarskem ob nežiderskem jezeru. b) Hidegség // *Zbornik radova o A. Beliću*. Beograd. 1976. – c. 347-357.
112. Kortlandt 1975 – Kortlandt, F. Slavic accentuation: A study in relative chronology. Lisse, 1975.
113. Kortlandt 1976 – Kortlandt, F. The Slovene neo-circumflex // *Slavonic and East European review*, 1976, vol. 54/134. – c. 1-10.
114. Kortlandt 1989 – Kortlandt, F. Od praindoevropskog jezika do slovenskog (fonološki razvoj) // *Zbornik za Filologiju i Lingvistiku*. 1989, XXXII (2). – c. 41–58.
115. Kortlandt 2006 – Kortlandt F., From Serbo-Croatian to Indo-European // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. LI, 2006. – c. 113–130.
116. Koschat 1978 – Koschat, H. Die čakavische Mundart von Baumgarten im Burgenland. Wien, 1978.
117. Krajač 1999 – Krajač, Josip. Bosiljevski govor : gramatika bosiljevskoga mjesnoga govora / Josip Krajač. // *Hrvatski dijalektološki zbornik*. Knj. 11(1999) / uredio Milan Moguš. – c. 77-164.
118. Langston 1999 – Langston, Keith. Analyzing the Accentual Patterns of Čakavian Dialekts / *Hrvatski dijalektološki zbornik* 11, Zagreb, 1999.
119. Langston 2006 – Langston, Keith. Cakavian Prosody: The Accentual Patterns of the Cakavian Dialects of Croatian. Bloomington: Slavica, 2006.
120. Lehfeldt 1993 – Lehfeldt, Werner. Einführung in die morphologische Konzeption der slavischen Akzentologie. München, 1993.
121. Lehfeldt 2001 – Lehfeldt, Werner. Einführung in die morphologische Konzeption der slavischen Akzentologie. Sagner, 2001.
122. Lehiste 1996 – Lehiste, Ilse. Prozodija reči i rečenice u srpskohrvatskom jeziku. Sr. Karlovci. Novi sad : Zoran Stojanović, c. 1996.
123. Lencek 1982 – Lencek, Rado. The Structure and the History of the Slovene Language. Columbus, 1982.
124. Leskien 1914 – Leskien, A. Grammatik der serbokroatischen Sprache. Heidelberg: Carl Winter, 1914.
125. Lipljin 2002 – Lipljin, T. Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora. Garestin d.o.o, Varaždin, 2002.
126. Lisac 1999 – Lisac, Josip. Izoglose refleksa jata u hrvatskim organskim idiomima / Josip Lisac. // *Hrvatski dijalektološki zbornik*. Knj. 11(1999) / uredio Milan Moguš. – c. 21-28.

127. Lisac 2003 – Lisac, Josip. Leksički, sintaktički i drugi utjecaji u hrvatskim dijalektima / Josip Lisac. // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 12(2003) / uredio Milan Moguš. – c. 29-37.
128. Lončarić 1982 – Lončarić, M. Prilog podjeli kajkavskoga narječja // Hrvatski dijalektološki zbornik. 1982, № 6. – c. 237-246.
129. Lončarić 1990 – Lončarić, M. Kaj – jučer i danas. Čakovec, 1990.
130. Lončarić 1996 – Lončarić, M. Kajkavsko narječje. Zagreb, 1996.
131. Lončarić 2005 – Lončarić, M. Kajkaviana & alia. Ogleđi o kajkavskim i drugim hrvatskim govorima. Čakovec, Zagreb: Zrinski, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2005.
132. Lukežić 1990 – Lukežić, Iva. Čakavski ikavsko-ekavski dijalekt. Biblioteka «Dometi», knj. 97, Rijeka 1990. Radovi Zavoda za slavensku filologiju 26, Zagreb 1991, c. 83-90.
133. Magner 1971 – Magner, Thomas F., Ladislav Matejka. Word accent in modern Serbo-Croatian [by] Thomas F. Magner and Ladislav Matejka. University Park Pennsylvania State University Press [1971].
134. Matasović 2008 – Matasović, Ranko. Poredbenopovijesna gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb: Matica hrvatska, 2008.
135. Meillet, Vaillant 1952 – Meillet, A., Vaillant, A. Grammaire de la langue serbo-croate (2-e изд.). Paris, 1952.
136. Milčetić 1985 – Milčetić, Ivan. Čakavština Kvarnerskih otoka / I. Milčetić. // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Razredi filologiĉko-historiĉki i filosofiĉko-juridiĉki. Knj. 42(1895). – c. 92-131.
137. Moguš 1966 – Moguš, Milan. Današnji senjski govor // Senjski zbornik 2. Senj, 1966. – c. 1-152.
138. Moguš 1971a – Moguš, Milan. Fonološki razvoj hrvatskoga jezika. Zagreb: Matica hrvatska, 1971. – 101 str.
139. Moguš 1971b – Moguš, Milan. O jedinstvu čakavske akcentuacije // Radovi zavoda za slavensku filologiju. 12. Zagreb, 1971. – str. 1-12.
140. Moguš 1974 – Moguš, Milan. Križanićevi naglasci // Život i djelo Jurja Križanića. 1974. – str. 239-246.
141. Moguš 1986 – Moguš, Milan. Križanićevi fonološke napomene o »hervatskoj« otmini // Filologia. 14, 1986. – c. 223-231.
142. Moguš 1991 – Moguš, Milan. Juraj Križanić - gramatiĉar ozaljskog kruga. Fluminensia 1991. 1/2. – c. 57-60.
143. Moguš 1997 – Moguš, Milan. Čakavsko narječje: fonologija. Zagreb, 1997.
144. Moguš 2002 – Moguš, Milan. Senjski rjeĉnik. Zagreb : Senj, 2002.
145. Nemanić 1883 – Nemanić, D. Cakavisch-kroatische Studien, Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien (Philologisch-historische Klasse), 1883-1885.
146. Nemanić 1970 – Nemanić, B.M. Osnovi miade novostokavske akcentuacije. Beograd, 1970.

147. Neweklowsky 1969 – Neweklowsky, G. Die kroatischen Mundarten im Burgenland. Überblick // Wiener Slavistisches Jahrbuch 15, 1969. – c. 94-115.
148. Neweklowsky 1978 – Neweklowsky, G. Die kroatischen Dialekte des Burgenlandes und der angrenzenden Gebiete. Wien, 1978.
149. Neweklowsky 1982 – Neweklowsky, G. O kajkavskim osobinama u nekajkavskim govori-ma Gradišća // Hrvatski dijalektološki zbornik 6, 1982. – c. 257-263.
150. Neweklowsky 1989 – Neweklowsky, G. Der kroatische Dialekt von Stinatz. Wörterbuch (= Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband 25), 1989.
151. Nyomárkay 1992 – Nyomárkay, I. Gradišćanskohrvatske isprave u mađarskom državnom arhivu // Forum 31/1-2, 1992. – c. 239-254.
152. Olander 2006 – Olander T. Accentual mobility: The prehistory of the Balto-Slavic mobile accent paradigms (Diss.) Copenhagen, 2006.
153. Pavičić 1953 – Pavičić, Stjepan. Podrijetlo hrvatskih i srpskih naselja i govora u Slavoniji (= Djela JAZU 53). Zagreb, 1953.
154. Peco 1971 – Peco, Asim. Osnovi akcentologije srpskohrvatskog jezika. Beograd: Naučna knjiga, 1971.
155. Peco 1980 – Peco, Asim. Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd. 1980.
156. Peco 1981 – Peco, Asim. Крижанићеви погледи на српскохрватски језик и његове дијалекте // Јужнословенски филолог XXXVII 1981 с. 151
157. Peco 1991 – Peco, Asim. Akcenti i dužine u srpskohrvatskom jeziku. Beograd: Naučna knjiga, 1991.
158. Picchio, Stancev, Dell'Agata, et al 1998 – Picchio, Stancev, Dell'Agata, Berkoff, Ziffer etc., Antipolonismi e antirutenismi da Krizanic a Trubeckoj, XI Congresso internazionale degli Slavisti (Cracovia 26.8–3.9.1998), vol. unico, pp. 329-346-, Cracovia 26.8-3.9.1998, Polonia, 1998.
159. Popovic 1960 – Popovic, I. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.
160. Ramovš 1936 – Ramovš, F. Kratka zgodovina slovenskega jezika. Ljubljana, 1936.
161. RHSJ 1880-1976 – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. 23 sveska. Zagreb, 1880-1976.
162. Rigler 1967 – Rigler, J. O akcentuaciji sufiksa -ost. Slavisticna Revija 15, 1967. – c. 218-229.
163. Ronnelle 1993 – Ronnelle, A. "Remarks on the evolution of South Slavic prosodic systems." American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists, 1993. – c. 181-201.
164. Rožić 1893 – Rožić, Vatroslav. Kajkavački dijalekt u Prigorju / V. Rožić. // Rad Jugosla-venske akademije znanosti i umjetnosti. Razredi filologičko-historički i filosofičko-juridički. Knj. 38(1893). – c. 68-136.
165. Sekereš 1982 – Sekereš, Stjepan. Govori s nezamijenjenim jatom u našičkom kraju / Stjepan Sekereš. // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 6 (1982) / urednik Božidar Finka. – c. 497-501.

166. Sekereš 1989 – Sekereš, Stjepan. Areali ikavskog, ekavskog i ijekavskoga govora u slavonskom dijalektu / Stjepan Sekereš. // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 8 (1989) : Dijalekatska geografija leksikografija i leksikologija / glavni i odgovorni urednik Božidar Finka. – c. 135-144.
167. Šekli 2006 – Šekli, Matej. Ledinska imena v kraju Livek in njegovi okilici : doktorska disertacija. Ljubljana, 2006.
168. Šišić 1915 – Šišić, F. Hrvatski saborski spisi II. Zagreb, 1915.
169. Skok 1971-1974 – Skok, P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. 4 sveska. Zagreb, 1971-1974.
170. Šojat 1981 – Šojat, Antun. Čakavske osobine u jugozapadnim kajkavskim govorima / Antun Šojat. // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 5 (1981) / urednik Milan Moguš. – c. 151-167.
171. Šojat, Barac-Grum, Kalinski, et al 1998 – Šojat, A., Barac-Grum V., I. Kalinski, M. Lončarić, V. Zečević. Zagrebački kaj, govor grada i prigradskih naselja. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, 1998.
172. Stang 1957 – Stang, Christian S. Slavonic accentuation. Oslo: Universitetsforlaget, 1957.
173. Stang 1942 – Stang, C. S. Das Slavische und Baltische Verbum, Oslo: Brøggers, 1942.
174. Stankiewicz 1959 – Stankiewicz, Edward. The Vocalic Systems in Modern Standard Slovenian. // The Slavic Languages: Unity in Diversity. Berlin, 1959 [1986]: 86-91.
175. Stankiewicz 1966 – Stankiewicz, E. The Common Slavic prosodic pattern and its evolution in Slovenian. // IJSLP 10. 1966: 29-38.
176. Stankiewicz 1993 – Stankiewicz, E. The Accentual Patterns of the Slavic Languages, Stanford: Stanford University Press, 1993.
177. Steinhauer 1973a – Steinhauer, H. Cakavian studies. The Hague Mouton, 1973.
178. Steinhauer 1973b – Steinhauer, Hein. Čakavian studies. The Hague Mouton, 1973.
179. Steinhauer 1975 – Steinhauer, H. The phonemic System of the Susak dialect // Linguistics 162, 1975. – P. 17-39.
180. Stevanović 1933 – Stevanović, M. S. Istočnocrnogorski dijalekat // Južnoslovenski Filolog 13, 1933: 1-128.
181. Štrkalj Despot 2005 – Štrkalj Despot, Kristina. Onimi u Cvitju, staročakavskom latiničkom rukopisu s kraja 15. stoljeća / Kristina Štrkalj Despot. // Folia onomastica Croatica. Knj. 14 (2005) / glavni urednik Petar Šimunović. – c. 129-146.
182. Stropm 1907 – Stropm, L. Magyar Protestans Egyháztörténeti adattár. Vol. 6. Budapest, 1907.
183. Sujoldžić 1986 – Sujoldžić, Anita. Bazični vokabular otoka Korčule kao pokazatelj jezične mikroevolucije / Anita Sujoldžić, Petar Šimunović, Božidar Finka, Pavao Rudan. // Filologija. Knj. 14(1986) : časopis Razreda za filologiju Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti u Zagrebu / glavni i odgovorni urednik Božidar Finka. – c. 313-328.
184. Svane 1958 – Svane, Gunnar Olaf. Grammatic der Slowenischen Schriftsprache. Kopenhagen, 1958.

185. Tentor 1909 – Tentor, M. Der čakavische Dialekt der Stadt Cres (Cherso). // *Archiv für slavische Philologie* 30, 1909. – c. 146-204.
186. Težak 1978 – Težak, Stjepko. Dijalekatska osnovica u jeziku Frana Krsta Frankopana / Stjepko Težak. // *Filologija*. [Knj.] 8(1978) : časopis Razreda za filologiju Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti u Zagrebu / [glavni i odg. ur. Rudolf Filipović]. – c. 341-353.
187. Težak 1981 – Težak, Stjepko. Dokle je kaj prodro na čakavsko područje? / Stjepko Težak. // *Hrvatski dijalektološki zbornik*. Knj. 5 (1981) / urednik Milan Moguš. – c. 169-200.
188. Težak 1982 – Težak, Stjepko. Akcenatski odnosi u luku rijeke Kupe i u podžumberačkom kraju / Stjepko Težak. // *Hrvatski dijalektološki zbornik*. / urednik Božidar Finka. Knj. 6, 1982. – c. 293-302.
189. Težak 1996 – Težak, Stjepko. Naglasci Jurja Križanića i današni naglasni odnosi na području Ribnikam Ozlja i Dubovca. // *Filologia* 26, 1996. – c. 85-94.
190. Težak 1997 – Težak, Stjepko. Dijalekti i književni jezik / Stjepko Težak. // *Hrvatski dijalektološki zbornik*. Knj. 10 (1997) / uredio Božidar Finka. – c. 9-26.
191. Težak 2003 – Težak, Stjepko. Leksički neslavizmi u ozaljskome govoru / Stjepko Težak. // *Hrvatski dijalektološki zbornik*. Knj. 12(2003) / uredio Milan Moguš. – c. 85-94.
192. Torbiörnsson 1925 – Torbiörnsson, T. Die bestimmten Adjektivformen der slavischen Sprachen. // *Zeitschrift für slavische Philologie* I, 1925. – c. 267-279.
193. Tornow 1989a – Tornow, Siegfried. Burgenlandkroatisches Dialektwörterbuch : die vlasischen Ortschaften. Berlin // Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin ; Wiesbaden : O. Harrassowitz, 1989.
194. Tornow 1989b – Tornow, S. Burgenländisches Dialektwörterbuch (= Balkanologische Veröffentlichungen, Band 15). Berlin, 1989.
195. Vaillant 1966 – Vaillant, André. Grammaire comparée des langues slaves, tome III: Le verbe. Paris: Klincksieck, 1966.
196. Valjavec 1890 – Valjavec, Matija. Adverbi na ski, ske, ke, ce, ice u Kajkavaca / M. Valjavec. // *Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*. Razredi filologičko-historički i filosofičko-juridički. Knj. 30(1890). – c. 170-220.
197. Van Wijk 1916 – Van Wijk, N., Zur sekundären steigenden Intonation im Slavischen, vornehmlich in ursprünglich kurzen Silben. // *Archiv für slavische Philologie* 36, 1916. – c. 321-377.
198. Van Wijk 1922a – Van Wijk, N., Zum baltischen und slavischen Akzentverschiebungsgesetz. // *Indogermanische Forschungen* 40, 1922. – c. 1-40.
199. Van Wijk 1922b – Van Wijk, N. Die aus altem Akutus entstandenen sekundären slavischen Intonationen. // *Indogermanische Forschungen* 40, 1922. – c. 275-293.
200. Vermeer 1984 – Vermeer, W.R. On clarifying some points of Slavonic accentology: The quantity of the thematic vowel in the present tense and related issues. // *Folia Linguistica Historica* 5/2, 1984: 331-395.

201. Vončina 1967 – Vončina, Josip. Dubletsko prvo lice singulara presenta u hrvatskih pjesnika 15. i 16. stoljeća. // Radovi zavoda za slavensku filologiju 9, Zagreb 1967.
202. Vončina 1990 – Vončina, Josip. Juraj Križanić i jezik ozaljskoga kruga / Josip Vončina. Znanstveni skup u povodu 300. obljetnice smrti Jurja Križanića : (1683-1983) : zbornik radova. Dio 3. Križanićev doprinos slavenskoj filologiji. – Zagreb : Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1990. – c. 209-212.
203. Witkowski 1983 – Witkowski, Wiesław. O języku ruskim Juraja Križanicia. Pamiętnik Słowiański XXXIII 1983. c.73-81

ПРИЛОЖЕНИЕ

В процессе работы с материалом мы использовали созданное нами компьютерное приложение «Verba» (лат. ‘слова’), предназначенное для создания автоматических конкордансов. Механизм действия программы вкратце следующий.

Пользователь, желающий ввести в неё корпус текстов на определённом языке для индексации, задаёт набор текстовых разделителей, руководствуясь которыми Верба разбирает текст на слова. Одновременно она подвергает текст сплошной индексации, т.е. записывает данные во внутренние структуры (базу данных), обеспечивая условия для быстрого поиска словоформ, создавая словник (ничего не зная о словаре языка и грамматических формах встречающихся слов). Затем пользователь определяет (задаёт) морфологические категории и типы данного языка, что даёт возможность Вербе строить словоизменительные таблицы, опираясь на любую словоформу. Например, если щёлкнуть в проиндексированном тексте на слово «творите», программа попытается построить вероятностное предположение, к какой словоизменительной парадигме (заглавному слову) относится данная словоформа. В принципе, например, для русского языка, это может быть воображаемое существительное «творита» или «творит» в предложном падеже («в чём?» – «в творите»), однако, выяснив, что другие формы таких существительных (типа «творитой», «творитами») не встречаются в текстах, но встречаются глагольные формы «творишь», «творить», «творящему» и т.д., Верба предложит именно такое решение, а именно – покажет таблицу спряжения глагола *творить* (даже если сам инфинитив не встречается). Чем больше данных, тем меньше вероятность ошибки.

Кроме того, предусмотрен поиск по словообразовательным особенностям, например, «все существительные мягкой разновидности мужского рода [и т.п.] с суффиксом *-ак*». Таким образом мы получим список всех слов, претендующих на отнесение к этому типу, т.е. *рыбак*, *дурак*, *кавардак* (хотя тут, строго говоря, и не тот суффикс) и т.п.

Приложение работает в системе Windows. Нижеприведённые иллюстрации демонстрируют его внешний вид и устройство.

Рис 1. Режим «от текста к морфологии» (на материале Крижанича).

Список текстов в корпусе Текст Словник

The screenshot shows the Verba software interface. The main window displays a text snippet from the 'Крижанич' corpus. The text is in a medieval script. A word is highlighted in yellow. Below the text, there is a list of candidates for the highlighted word, a table of automatically generated morphological forms, and a list of related forms. The interface is divided into several panes: a list of texts, the main text, a list of candidates, a morphological table, a list of related forms, and a list of examples from the corpus.

Кандидаты на заглавное слово

Автоматически полученная словоизменительная таблица

Родственные приставочные образования

Словесное окружение всех примеров словоформы

Рис 2. Режим «от морфологии к тексту» (на материале русского языка).

Просмотр текстов по словоформам

Окно поиска по морфологическому типу и суффиксу

The screenshot shows the Verba software interface. The main window displays a morphological analysis of the word 'узнать' (to know). The analysis is organized into a tree structure with the following categories and forms:

- imp sg pl: узнает, узнается, Узнай, узнайте
- l-part sg: masc (узнал), fem (узнала), neu (узна)
- ger.prs: узнавая
- part.prs: masc (узнавая), fem (узнавая)
- ger.pas: узнав, узнавши
- part.pas: masc (узнав), fem (узнавши)
- p.pas.sg: masc (узнав), fem (узнав)
- curta: masc (узнав), fem (узнав)
- longa: masc (узнавший), fem (узнавшая)
- s sg: masc (узнаем), fem (узнаете)
- curta: masc (узнаем), fem (узнаете), neut (узнаем)
- longa: masc (узнаем), fem (узнаете), neut (узнаем)

The search window on the right shows a list of morphological types and suffixes, with 'бел' (adjective) selected. The 'Accentuatio Poematos' dialog box is open, showing 'Iambus' as the selected mode and 'Дон Гуан' as the excluded text.

Автоматически акцентированные стихи

Средство автоматической акцентировки стихов

The bottom part of the screenshot shows two text windows. The left window displays the text 'Дон Гуан и Лепорелло' with the following lines: 'Дон Гуан', 'Дождёмся нóчи здéсь. Ах, наконец Достíгли мы ворóт Мадри́та! скóро Я полéчу по úлицам знáкомым, Усы плащóм закрыв, а брóви шля́пой. Как дúмаешь? **узнáть** меня нельзя́?'. The right window displays a list of text excerpts with the word 'узнать' highlighted in yellow, indicating automatic accentuation. The excerpts include: 'Пушкин, Каменный гость: р. 1: Как дúмаешь? **узнáть**...', 'Пушкин, Евгений Онегин: р. 62: ...мóжет бýть, угóдно|Тепéрь **узнáть** вам óт меня|', 'Пушкин, Борис Годунов: р. 1: ...Шуйский||Чем кóнчится? **Узнáть** не мудрено:|Народ ещé повбóет', 'Пушкин, Анджели: р. 10: ...тебя́ лишь испытáть,|Верней **узнáть** твой тайный образ мыслей;', 'Пушкин, Анджели: р. 53: ...вéрю я! - но чéм, нельзя́ ль **узнáть** ,|Клянéшься ты? не и́менем ли'